ГОРНО-АЛТАЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

МИР ЕВРАЗИИ

Научный журнал. Издается с мая 2008 г. Выходит один раз в три месяца

2016. № 4(35) Октябрь-декабрь

ISSN 2308-0396

Главный редактор
Н. С. МОДОРОВ — доктор исторических наук, профессор, академик РАГН, ПАНИ (г. Горно-Алтайск)
Первый зам. главного редактора
В. Г. БАБИН — кандидат исторических наук, ректор ГАГУ (г. Горно-Алтайск)

УЧРЕДИТЕЛЬ ЖУРНАЛА
ФГБОУ «Горно-Алтайский государственный университет»

НАУЧНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Ю. В. ТАБАКАЕВ (председатель совета) — доктор философских наук, профессор, академик РАЕН (г. Горно-Алтайск)
А. Н. АЛЕКСЕЕНКО — доктор исторических наук, профессор (г. Усть-Каменогорск, Республика Казахстан)
В. Г. ДАЦЫШЕН — доктор исторических наук профессор (г. Красноярск)
Н. Ф. ИВАНЦОВА — доктор исторических наук, профессор (г. Москва)
А. Б. КАМЕНСКИЙ — доктор исторических наук, профессор (г. Москва)
О. ЛХАГВА — доктор исторических наук, профессор (г. УланБатор, Респ. Монголия)
А. И. МАРТЫНОВ — доктор исторических наук, профессор, академик РАЕН (г. Кемерово)
В. Я. РУШАНИН — доктор исторических наук, профессор (г. Челябинск)
Л. И. ШЕРСТОВА — доктор исторических наук, профессор (г. Томск)
М. В. ШИЛОВСКИЙ — доктор исторических наук, профессор (г. Новосибирск)

НАУЧНАЯ РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Э. П. ДВОРНИКОВ (зам. главного редактора) — кандидат исторических наук, доцент (г. Горно-Алтайск)
А. П. АДЛЫКОВА — кандидат исторических наук (г. Горно-Алтайск)
О. М. ГАНБОЛД — профессор (г. Ховд, Монголия)
В. Я. БУТАНАЕВ — доктор исторических наук, профессор (г. Абакан)
М. И. ПАКЛИН — кандидат исторических наук, доцент (г. Горно-Алтайск)

АДРЕС РЕДАКЦИИ И ИЗДАТЕЛЯ:
649000, Республика Алтай, г. Горно-Алтайск, ул. Ленкина, 1, Университет, редколлегия журнала «Мир Евразии»
Тел.: 8 (38822) 26233
Факс: 8 (38822) 26735
email: mns@gasu.ru

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС7736173 от 06.05.2009. «16+»

Электронная версия журнала представлена на сайте Научной электронной библиотеки (индекс научного цитирования):
http://www.elibrary.ru

© ФГБОУ «Горно-Алтайский государственный университет», 2008-2016

Содержание

Ахметжанова Г.
Программные документы партий как исторический источник (на примере программ партий Казахстана – «Алаш» и «Уш Жуз») (Начало XX века) 2
Бармин В.А., Петякшина Е.А.
Становление и развитие православной жизни в Западном Китае (XX – начало XXI вв.) 8
Бутанаев В.Я.
Мастер шелковой кисти из степей Хонгорая (Хакасии) 13
Дворников Э.П.
Патриотизм: история появления понятия и его формирование в постсоветском обществе 18
Ердембеков Б.А.
Междисциплинарные подходы в условиях изучения вопросов краеведения на примере культурного наследия Восточного Казахстана 26
Зориктуев Б.Р.
К вопросу об этнических предшественниках тюрков и монголов ... 31
Крейдун Ю.А.
Алтайская духовная миссия: наследие, традиции, деятельность35
Кыпчакова Л.В.
Николай Михайлович Киселев. Личность и политика 39
Кыпчакова Л.В.
Павел Егорович Тадыев: ученый и гражданин 45
Мезенцев Р.В., Черлояков И.Г.
Старообрядцы Бийско-Прителецкой черни на рубеже XIX-XX вв. 52
Орехов А.С.
Чемальский детский приют до учреждения Чемальской женской общины 57
Черлояков И.Г.
Аборигены Северного Алтая и их взаимоотношения с Алтайской духовной миссией в XIX в. 65
Шишкин В.И.
Социальная мобильность в России во время революций 1917 г. и гражданской войны 71
Шмидт А. М.
Ресоциализация осужденных на уроках обществознания 75
Информация 78

Представленные в журнал статьи публикуются после рецензирования и при оформлении их в соответствии с требованиями редакции.

При перепечатке или цитировании материалов из журнала «Мир Евразии» ссылка обязательна.
В статьях сохранен авторский стиль.
Ответственность за аутентичность и точность цитат, имен, названий и иных сведений, соблюдение законов об интеллектуальной собственности несут авторы материалов.

Дата подписания в печать — 21.12.2016. Дата фактического выхода —
Цена свободная. Формат 60x84/8. Тираж 300 экз. Заказ №
Отпечатано в типографии Горно-Алтайского университета.
649000, Республика Алтай, г. Горно-Алтайск, ул. Ленкина, 1.

УДК 902

Г. Ахметжанова

Программные документы партий как исторический источник (на примере программ партий Казахстана – «Алаш» и «Уш Жуз») (Начало XX века)

Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева, г. Астана, Казахстан

Аннотация. В статье на основе документов освещается вопрос внутренней политики партийных органов Казахстана – национального самоопределения; – земельные отношения и миграционная политика государства; – вопрос сохранения языковой и культурной самобытности народов; – проблема соотношения религии и государства; – образование.

Ключевые слова: политические партии, программы, национальное движение

Политические партии как институт, ставший влиять на политику и развитие общества в целом, появились, как известно, совсем недавно. Став следствием происшедших в Европе в начале XIX века политических и институционных изменений, они всецело отразили роль и значение набиравших силу буржуазных отношений, парламента, входивших в обиход всеобщего избирательного права, дифференциации и поляризации социальной структуры общества и других «новшеств».

С развитием самих партий и изменениями в их общественно-политической действительности, они стали быстро «вырастать из оппозиционно-настроенных власти организаций в действенный институт политической борьбы за власть».

Словом, рождение политических партий и становление института многопартийности сразу стали одной из основ развития политической системы в стране. Поэтому при анализе целостного исторического процесса в любом отдельно взятом государстве следует подробно анализировать историю формирования политических партий в нем. В связи со сказанным, важным источником для исследователя становятся партийные документы.

Новые виды исторических источников позволяют расширить возможности исследования политической системы того или иного государства, определить степень развития гражданского общества и человеческого прогресса в целом. С развитием многопартийности одним из важнейших исторических источников стали документы и материалы политических партий. Широкие исследования по партийным источникам проводятся во многих странах мира, существуют отдельные учебные дисциплины по историческому источниковедению, которые детально изучают партийные документы: программы, уставы, заявления. Научный интерес и их ценность заключается в том, что они позволяют не просто изучить историю становления самой партии, но определить ее влияние на социально-политические события в отдельном государстве и ход исторического процесса в целом.

Партийные документы отражают различные этапы развития политической партии и системы в целом. Однако документы политических партий многогранны по содержанию своих идеологических и институциональных задач и их следует рассматривать под разными ракурсами. Существуют различные классификации партийных документов: *первичные и вторичные*, *идеологические и институциональные* и т.д. Согласно одной из основных типологий документы политических партий можно условно поделить на следующие группы.

1. Уставы партий, определяют организационное построение и принципы деятельности, функции центральных и местных органов, права и обязанности их членов.

2. Программные документы партий. В них заложена идеология, основная стратегия развития общества, тактические задачи и методы их осуществления. К этой группе относятся также заявления партий касательно их позиции по актуальным социально-политическим проблемам.

3. Материалы съездов, конференций, заседаний центральных и региональных органов

партий. Данные источники также дают представление об основных направлениях деятельности партий и этапах развития общества. В этих источниках можно проследить общественный дискурс.

4. Выступления на съездах, конференциях, заявления лидеров партий. Здесь разъясняются и комментируются документы партий, а также их практическая деятельность.

5. Переписка партий и работа общественных приемных партий. Данные документы предусматривают изучение взаимосвязи государства и общества.

6. Партийная пресса. В партийных средствах массовых информаций представлены почти все вышеназванные разновидности документов, а также другие материалы, которые освещают деятельность партий [1].

Каждая условная группа партийных документов отражает не только различные этапы внутренней истории партии, но и содержит текущие социально-политические изменения. К примеру, некоторые коммунистические партии в своих программах утверждали развитие плановой экономики как основы стабильного государства. Однако, в условиях глобализации, чтобы соответствовать реалиям текущего времени, они были вынуждены переориентировать экономические направления программы на поддержку идей рыночной экономики. Несмотря на то, что все партии стремятся к обеспечению благоприятных условий развития общества и государства, они придерживаются различных идей и методов достижения политических целей. Таким образом, программы политических партий как исторический источник весьма ценны, так как позволяют проследить и объяснить текущие широкомасштабные процессы.

На сегодняшний день для казахстанской исторической науки и политической мысли актуальным представляется изучение политических партий и движений начала XX века, так как данный период знаменует собой появление плеяды политических деятелей и мыслителей, идеи и воззрения которых оказали неоценимый вклад на дальнейшее развития страны.

В этой связи изучение программных документов политических партий, заявлений их лидеров позволит более подробно ознакомится, как с процессами, протекавшими в тот период исторического развития в Казахстане, так и получить непосредственные данные о самих партиях и их лидерах. В данной статье проанализировано содержание политических программ партий «Алаш» и «Уш Жуз», приведено сравнение основных положений документов, а также их печатных изданий.

Наиболее важный исторический вклад в развитии политической системы внесло национальное движение «Алаш», которое затем оформилось в политическую партию «Алаш». По словам известного историка-алашоведа Д. Аманжоловой: «Заслуга лидеров «Алаш» заключается в оперативной и адекватной вызову времени перестройке идейно-организационных основ и проведении последовательного курса на защиту интересов своего народа. Шаг за шагом прослеживая проекты и решения, действия и поступки руководства и участников «Алаш» в условиях революции и гражданской войны, мы получаем самые убедительные свидетельства высокой адаптивности движения к экстремальным историческим обстоятельствам, динамизма и приверженности легитимным методам политического действия» [2].

Партия в своих программных документах, публикациях и заявлениях лидеров партии выражала собственные воззрения по широкому кругу вопросов. В-первую очередь, это касалось образа правления и национального вопроса, ввиду национал-патриотического характера партии. Кроме того «Алаш» являлась партией придерживавшейся демократических ценностей, в этой связи партией особо уделялось внимание сфере защите прав и свобод граждан. Более того в программных документах партии нашли отражение вопросы развития социальной сферы: проблемы просвещения, образования, земли, переселенцев, женщин и детей. Таким образом, партия «Алаш» в качестве политического института, посредством программных целей и задач, а также партийных заявлений способствовала активизации политического процесса **по созданию общенациональной партии как наиболее подходящего инструмента этнополитической консолидации общества** [2].

Политические воззрения партии «Алаш» хорошо прослеживаются в проекте программы партии, который был опубликован в ноябре 1917 года в газете «Казах» и который содержал в себе 10 пунктов. Авторами документа являлись лидеры партии – А. Букейханов, А. Байтурсынов, М. Дулатов, И. Гумаров, А. Жундебаев, А. Беремжанов, Е.Турмухамедов.

Первые два пункта проекта программы содержали в себе видение партии относительного политического устройства как Российской империи в целом, так и непосредственно казахских областей. В данных пунктах нашли отражения как

демократические идеи алашевцев, так и национал-патриотические взгляды на дальнейшую судьбу народа. Так, в качестве формы правления и политического режима партия выступала за Федеративную республику с парламентской формой правления. Киргизские (казахские) области при этом должны были обрести автономию, земля объявлялась государственной собственностью: «Все киргизские области должны быть включены в одну автономную единицу, и последняя должна входить на правах федеративной единицы – в Российскую Федерацию» [3]. Кроме того, партия, осознавая факт того, что административный аппарат управления находился в руках провластных чиновников, предполагала произвести замену в органах управления, таких как: земские управы, органы милиции, а также аульных и волостных администрациях.

Как было сказано ранее, основу политических воззрений алашевцев составляли демократические ценности и идеалы, что является причиной особого отношения партийцев к установлению прав и свобод граждан. Это нашло свое отражение в партийных документах партии и не раз звучало в заявлениях лидеров партии: «Партия «Алаш» поддерживает всеми силами справедливость, она — сторонник всех обиженных и обездоленных» [4]. В частности, партия признала равенство всех вне зависимости от вероисповедания, этноса, а также провозгласила соблюдение таких основополагающих свобод как:

- свобода собраний;
- свобода выбора;
- свобода объединений;
- свобода слова, печати;
- неприкосновенность личности.

При этом следует отметить, что вместе с провозглашением отделения церкви от государства и равенства всех религий, в ведении мулл остались такие сферы как: брак, развод, регистрация рождений и смертей, а дела, связанные с калымом, разбирательства в судебных делах. Таким образом, можно сделать вывод о том, что лидеры партии понимали степень укорененности ислама в жизнь казахстанского общества в начале XX века и невозможность резкого перехода, ввиду возможного недовольства населения переменами.

Интересным представляется вопрос о языке, в проекте программы не был определен государственный или какой-либо другой язык автономии. В языковом вопросе алашевцы проявили либерализм. В частности, в программе сказано: «судопроизводство, судоговорение ведется на языке большинства населения. Работники судебного ведомства должны знать язык местного населения», «всеобщее, бесплатное обучение на родном языке» [3].

Одним из обширных пунктов программы была сфера земельных отношений. В данном ключе партия выступила и за передачу земель во владение коренного населения, а также введение запрета на переселение извне. Данный пункт является одним из подтверждений национал-патриотических настроений партийцев. Вместе с тем, следует отметить также факт стремления партии затронуть вопросы социальной сферы, поддержки социально-уязвимых слоев населения. В частности распределение земель среди населения, излишки предполагалось распределять между «безземельными или малоземельными батраками». Более того, предполагалось внедрения прогрессивно-подоходного налога, который подразумевал принцип: чем больше сумма дохода налогоплательщика, тем больше процент подоходного налога, который с него взимают налоговые органы. В программе также указано, что партия в рабочем вопросе, придерживается взглядов социал-демократов (меньшевиков), то есть она выступает за расширение прав рабочего класса.

В целом, программа «Алаш» представляла воплощение стремлений различных слоев казахского народа. И в этой связи партию действительно можно считать общенациональной партией, которая отражала интересы большинства населения: либеральной интеллигенции, национал-патриотов, рабочего класса, социально-уязвимых слоев населения и т.д. Подтверждением тому может служить социальная база партии, которая включала в себя сплав различных слоев населения: «от феодально-байской верхушки, городской национальной торгово-ростовщической буржуазии до явных низов, от убежденных националистов – до рядовых интеллигентов» [4]. Кроме того, программа также содержит в себе и ряд созвучий с воззрениями меньшевиков (рабочий вопрос), эсеров (образ правления, земельный вопрос), также с политическими идеями партии «Уш жуз» (автономия, земельный вопрос, религия) и большевиков. Это объясняется условиями эпохи становления первых казахских партий и состоянием поиска казахской интеллигенции в начале XX века, к коей относились и лидеры партии «Алаш».

Партия «Алаш» была не единственной партией, стремившейся к утверждению суверенного казахского государства. К этой цели стремилась и казахская партия «Уш жуз». Партия была создана в октябре 1917 г. в городе Омске. В первое время ее возглавил М. Айтпенов, но затем руководство ею перешло в руки К. Тогусова. При

сравнении двух партий можно выделить ряд сходств в политических стремлениях партий, однако в целом партии имели не мало различий. Свидетельство тому различия в социальной базе партий, так если партия «Алаш» стремилась защищать интересы широких слоев населения – баев, интеллигенции, батраков и др., то основной поддержкой деятельности партии «Уш жуз» выступали низы и средние слои интеллигенции: учителя, фельдшера, учащиеся, а также рабочий класс и мелкие скотоводы [5]. Важно отметить, что «Уш жуз» являлась социалистической партией, т.е. она выступала за интересы рабочего класса и низов. Различия в социальной основе партий, а также в видении будущего казахских степей привели партии к соперничеству. «Уш жуз» не раз выступала с критикой деятельности «Алаш». Историк С. Смагулова, в своем труде «Кольбай Тогисов и партия «Уш жуз» отмечала: «У партии «Уш жуз» и партии «Алаш» политическое направление было одно. Основной их целью было полностью уничтожить старую власть и осуществить установление отдельного казахского государства. И на пути к этой цели между двумя национальными партиями возникла борьба». По мнению академика К.Нурпеисова: «Если в начале партия «Уш жуз» говорила о взаимном сотрудничестве с «Алашем», то затем быстро отступила от своего намерения и превратилась в главного ее критика» [6].

Программные тезисы партии были опубликованы в газете «Уш Жуз». Одним из главных пунктов программы было политическое будущее Казахстана. В духе времени партия осудила империалистическую войну и призвала к миру. В отношении будущего казахского народа партия также как и партия «Алаш» выступала за автономию. Однако следует отметить, что в документе лидеры партии подвергли критике «контрреволюционную автономию» «Алаш» и предлагали создать «объединенную автономию», куда бы входили казахские области и другие среднеазиатские области. Таким образом, партия стремилась объединить все тюркские народы империи. Здесь прослеживается различия между партиями и критичность «Уш жуз» по отношению к алашевцем. Кроме того стремление партий создать Казахстанско-Среднеазиатскую автономию либо тюркскотатарскую автономию говорит об отсутствии у партии четкого видения будущего пути развития Казахстана, а также об отсутствии трезвого восприятия исторической действительности.

В качестве административных рычагов управления партия планировала создание земских учреждений, в ведении которых находились бы вопросы образования, открытия школ, распространение грамоты, оказания помощи бедным крестьянам денежными ссудами, инструментами и семенами.

В земельном вопросе партия также как и «Алаш» выступала за возращение земель и наделение крестьян землей. В целом социалистическая направленность партии отразилась и на содержании программных тезисов, в частности партия Уш жуз заявляла о своей обязанности заступаться за слабых, сирот и обездоленных.

Следует отметить, что партия «Уш жуз» также не вычеркнула полностью ислам из жизни казахского общества. Так, в ее программе говорилось о создании свода законов, основанного на обычном праве и шариате, при этом шариат должен был регулировать в большей степени отношения связанные с институтом брака, семьи и наследства. При этом следует отметить, что и партия «Алаш» оставила за религией право регулировать данные институты. Лидер партии К. Тогусов в своих выступлениях и публикациях также выступал от лица мусульман, выступая таким образом, против религиозной дискриминации.

Наряду с этим партийными лидерами делались заявления о поддержке программ большевиков и эсеров, о готовности вести борьбу с белогвардейцами и алашордынцами.

Оценивая в целом программу партии «Уш жуз» необходимо отметить, что она достаточно размыта. В ней отсутствует единый подход к определению будущего страны. Стремления партии охватить и привлечь на свою сторону и «братьев мусульман», и общность тюркских народов, при одновременной поддержке большевиков и эсеров, безусловно, говорит о шатаниях в партии и неопределенности ее программы.

В статье Б. Елькеева «Партия «Уш Жуз» и ее деятельность в период установления советской власти в Казахстане» в качестве одной из причин непоследовательности и неопределенности партии выделено руководство партии: «Непоследовательность, расплывчатость программы партии «Уш-жуз» была обусловлена еще и тем, что ее руководство в первый период состояло из буржуазных и полупролетарских элементов. Председателем партии сначала был избран М.А. Айтпенов, бывший ближе к буржуазно-националистической позиции. Поэтому партии «Уш-жуз» в то время (ноябрь—декабрь 1917 г.) были свойственны резкие колебания, путанные и противоречивые решения, отдельные срывы, носившие панисламистский и националистический

характер и отражавшие настроение оказавшихся в ней различных социальных групп» [5]. Это привело к борьбе между лидерами партий М. Айтпеновым и К. Тогусовым, которая завершилась отставкой М. Айтпенова и избранием К. Тогусова председателем ЦК партии, что привело к «полевению» партии. Так, в 1918 г. на заседании партией было принято заявление о поддержке ими Советской власти и готовности вести борьбу с контрреволюционными силами, в том числе с алашевцами.

После заявления о поддержки Советской власти партия переориентировала свою идею «о Среднеазиатской автономии» на «автономию уже в составе Советской России». При этом партия выступила с критикой алашординской автономии, заявив «о невозможности в условиях того исторического периода создать подобное государственное образование».

В целом, программные документы партий «Алаш» и «Уш жуз» показали схожесть взглядов партий на политическое обустройство казахских областей и ряд других вопросов (земля, ислам). Вместе с тем, хотя партии и имели ряд схожестей, но идеологическая направленность и различные взгляды на будущие казахского народа предопределили конфронтационный характер их взаимоотношений.

Кроме того хотелось особо подчеркнуть важность и значимость партийных периодических изданий того периода в вопросе распространения не только взглядов партийных деятелей, но и непосредственно текстов партийных документов. Периодические издания того периода являлись неким центром объединения интеллигенции и зачастую становились базой для формирования политических движений и партий. В качестве периодического издания партии «Алаш», сыгравшего значимую роль в развитии партии, является газета «Казах», редактором которой был один из лидеров движения А. Байтурсынов. Газета имела достаточно весомую популярность и именно в ней были опубликованы призыв «Оян, Казак!» и проект программы партии «Алаш». Необходимо отметить, что партия «Уш жуз» также имела свой печатный орган в лице газеты «Уш жуз», которая издавалась с 1917 г. в Петропавловске. В этой газете и были опубликованы программные тезисы партии. Ниже представлена сравнительная таблица двух партийных газет, которая показывает цели использования подобных площадок. У газет едины цели: распространение партиями взглядов и идей среди населения. Характер публикаций указывает на идеологические установки и политические ценности, характерные для обеих партий. В целом, можно заключить, что газета «Казах» была более популярной. Свидетельство тому – тираж газеты, которыйсоставил почти 8 тыс. экз.

Таблица 1. Печатные издания политических партий

Печатные издания	«Казах»	«Уш жуз»
Год создания	1913 г.	1917 г.
Цели	- сохранение самобытности казахского народа; - отстаивание национальных прав народа - защита прав и свобод граждан - распространение политической информации; - площадка для выражения взглядов лидеров партии	- площадка для выражения взглядов лидеров партии; - распространение политической информации
Тематика	- история казахской литературы; - лингвистика; - различные вопросы политического развития казахских земель (демократия, политическое обустройство, земля, язык и др.)	- идеи революции, поддержки большевизма - различные вопросы политического развития казахских земель
Редактор	А. Байтурсынов	-
Периодичность/тираж	2 раза в неделю 3 000-8 000 экз.	-
Закрытие	1918	1918

На основе анализа партийных программ вышеназванных политических партий можно сделать вывод о том, что главными вопросами и «болевыми точками» развития казахского общества начала XX века являлись:

- вопрос национального самоопределения;
- земельные отношения и миграционная политика государства;
- вопрос сохранения языковой и культурной самобытности народов;
- проблема соотношения религии и государства;
- образование.

Таким образом, партийные документы позволяют, на более глубинном уровне, изучить исторические процессы, а также процессы взаимодействия партий как определяющих субъектов политической системы в целом. Кроме того документы дают возможность определить основные положения общества в сферах социально-экономического и общественно-политического развития страны.

Библиографический список

1. Учебное пособие «Историческое источниковедение» // под ред. Калакура Я.С. – http://uchebnikionline.com/istoria/istorichne_dzhereloznavstvo_-_kalakura_yas/dokumenti_gromadskih_obyednan_politichnih_partiy.htm
2. Электронный ресурс // http://www.elimai.kz/istoki-nacionalnoj-demokratii.html (дата обращения – 24.09.2016 г.)
3. Алаш Орда: сборник документов. Сост. Мартыненко Н. – Алма-Ата: Айкап, 1992 г.– 192 с.
4. Сармурзин А. Крушение Алаш-Орды (из истории борьбы большевиков Казахстана против контрреволюционного алаш-ордынского движения) // О прошлом — для будущего (некоторые актуальные проблемы истории Компартии Казахстана в свете гласности). — Филиал ИМЛ при ЦК КПСС. — Алма-Ата: Казахстан, 1990. — С. 21.
5. Елькеев Б. Партия «Уш-Жуз» и ее деятельность в период установления советской власти в Казахстане // История Казахстана: белые пятна: Сб. ст. / Сост. Ж.Б.Абылхожин. — Алма-Ата: Казахстан, 1991. — С. 55.
6. Электронный ресурс // http://rus.azattyq.org/a/alash_ushzhuz_togisov_partia_baitursynov_bukeihanov/24409191.html (дата обращения – 12.10.2016 г.)

Об авторе

Ахметжанова Г. – магистрантка 2 года обучения специальности «История», Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева (г.Астана, Казахстан)

Akhmetzhanova G.

Program documents of parties as a historical source (for example, programs of political parties of Kazakhstan «Alash» and «Ush Zhuz» (beginning of XX century)

Abstract. In article on the basis of the documents addresses the issue of internal policy of party bodies of national self – determination; – land relations and migration policy of the state; – the issue of preserving linguistic and cultural identity of peoples; – the problem of the relation of religion and state; education.

Keywords: political parties, programs, national movement

Статья поступила в редакцию 17.09.2016

УДК 94(510)

В.А. Бармин, Е.А. Петякшина

Становление и развитие православной жизни в Западном Китае (XX – начало XXI вв.)[1]

Алтайский государственный педагогический университет, Барнаул, Россия

Аннотация. Статья посвящена актуальной и слабо изученной проблеме становления и развития православной жизни в Западном Китае (Синьцзяне) в XX-XXI вв. Авторы на основе вновь выявленных источников раскрывают основные вехи привнесения и распространения православия в сложных условиях конфессионального и этнического многообразия иносреды.

Ключевые слова: православие, Западный Китай, Восточный Туркестан, белая эмиграция

Синьцзян-Уйгурский автономный район (СУАР) – один из пяти автономных районов Китая, являющийся на сегодняшний день самой крупной административно-территориальной единицей страны. В настоящее время СУАР, в исторической литературе часто именуемый как Восточный Туркестан, согласно переписи 2010 года населяют более 21 млн. человек, из которых около 45 % составляют уйгуры. Следует отметить, что согласно данным статистики за 2000 год в этом регионе проживают также и русские, которых насчитается 8 935 человек. Вместе с тем на протяжении почти всего XX века численность русских на территории Западного Китая была значительно выше. Например, согласно статистическим данным, приведенным в исследованиях И.Ю. Гутина, число русских уже в начале XX века, в 1916 г., равнялось 15 481 [Гутин, 2011, 76]. После размещения в Синьцзяне интернированных частей белой армии атаманов Б.В. Анненкова, А.И. Дутова и генерала А.С. Бакича[2] перешедших сюда с территории Советской России после разгрома армии адмирала А.В. Колчака, численность русских в разных городах провинции значительно возросла, и достигла в целом более 50 тысяч человек. Очередная волна переселения русских в указанный регион пришлась на 1930-е гг. В данном случае можно выделить два потока. Первый поток был связан с событиями коллективизации в России, второй поток русских был вызван процессом депортации китайского населения с территории Советского Дальнего Востока. Необходимо особенно подчеркнуть, что на сегодняшний день ученые предполагают, что основную часть современного русского населения составляют именно потомки переселенцев 1930-х гг.

В конце XIX – начале XX вв. русские наиболее компактно были размещены в таких городах провинции, как Кульджа (значительная часть русской колонии), Чугучак, Урумчи. Кроме того, небольшие колонии русских проживали в селениях и деревнях Синьцзяна – Дашагур, Шашагур, Толки, Кунес, Текес, Бутхана и др.

История появления и распространения православия в Синьцзяне совпадает с историей возникновения русской колонии, начало которой положил Кульджинский российско-китайский договор 1851 г. Этот договор способствовал установлению постоянных деловых связей между Россией и Синьцзяном. В Кульдже и Чугучаке были учреждены российские консульства, здесь возникли представительства русских фирм. Первыми российскими консулами в Синьцзяне стали члены 12-й Духовной Миссии —И. И. Захаров (Кульджа) и А. А. Татаринов (Чугучак).

[1] Работа выполнена при поддержке РГНФ. Проект №15-31-12023 «Революция 1917 г. в России и «национальный вопрос» (на примере центральноазиатских окраин)».

[2] Отступление белогвардейских сил в китайскую провинцию Синьцзян было определено несколькими факторами: во-первых, для отступающих и преследуемых частями Красной армии белогвардейских войск, провинция была практически единственным направлением. Во-вторых, контакты, которые сложились у руководителей белогвардейских частей и синьцзянских властей, а также бывших царских консулов в Синьцзяне, давали основания к наиболее безопасному размещению белых армий.

В 1850 г. в Томске русский купец Порфирий Глебович Уфимцев сообщил настоятелю Гуслицкого монастыря Московской епархии игумену Парфению о том, что во время многократных торговых поездок в Кульджу познакомился там с китайскими христианами, сообщившими о том, что они по происхождению — русские, по вере — православные. Эти люди утверждали, что являются потомками пленников из Албазина. По их словам, «за дерзость по отношению к императорскому правительству», 50 русских семей были сосланы из Пекина в Кульджу. Однако, поскольку единственными христианами в Кульдже в это время являлись католики, потомки албазинцев вынужденно посещали католический храм. В тоже время, несмотря на это, они сохраняли память о православной вере предков [Поздняев, 1998].

Во второй половине XIX в. русское население Кульджи насчитывало 2000 человек. Русские составляли приход единственного в Кульдже православного храма, который был временно размещен в одном из китайских зданий. В январе 1872 г. он был освящен во имя святого пророка Илии. В церковно-административном отношении храм в рассматриваемый период входил в состав Томской епархии. Томский Преосвященный владыка Платон прислал в Кульджу иеромонаха. Собственно после его приезда в храме и началось постоянное богослужение.

Однако интенсивному проникновению православной жизни на территорию Синьцзяна мешали происходящие в регионе этноконфессиональные процессы. Дело в том, что основной религией, которую исповедовали и продолжают исповедовать коренные народы провинции является ислам. Кроме того, распространению православия путем миссионерства препятствовало то, что в прилегающих районах России, граничащих с провинцией также господствовал ислам, а православное население было в меньшинстве. Профессор В.Г. Дацышен приводит следующую статистику: к концу XIXв. исповедовавших православие, например в Семиреченской области, насчитывалось не более 10 %, в Семипалатинской – около 10 %, в Ферганской – менее 0,5 % [Дацышен, 2007, с. 127].

Тем не менее, после интернирования и размещения здесь в 1920-1921 гг. десятков тысяч белогвардейцев и беженцев, православие получило в провинции более широкое распространение. В данном случае необходимо учитывать тот факт, что для лишенных Родины людей православная церковь оставалась, по сути, единственной частью русской культуры, и оплотом русского духа за рубежом [Печерица, 1999, с. 5]. Не будет преувеличением сказать, что главным духовным центром для потерявших Родину русских стала именно православная церковь.

Белогвардейцами была привезена в Синьцзян одна из самых почитаемых икон оренбургских казаков – Табынская икона Божьей Матери. В последнее десятилетие история Табынской иконы Божьей Матери стала предметом активного изучения исследователей. Большой интерес к иконе со стороны не только священнослужителей, но и историков объясняется несколькими обстоятельствами. Во-первых, данная икона является главной святыней Уфимской и Оренбургской епархии. Во-вторых, в период Гражданской войны подлинник иконы был утерян в результате военных действий между красноармейскими и белыми силами у станицы Нежинской [Сергеев, 2004]. В отряд А.И. Дутова копия Табынская икона попала в результате передачи священнослужителями святыни в городе Акмолинск. Казаки, отступающего отряда А.И. Дутова на всем протяжении своего перехода к китайской границе несли икону с собой, при этом регулярно совершали перед ней богослужения. Об особом почитании казаками Табынской иконы свидетельствуют ряд факторов, например, на всем протяжении сложнейшего отступления икону, укрытую ценной ризой, везли под охраной в особой каретке на двух конях [Сергеев, 2004]. В воспоминаниях участников отхода белогвардейских сил акцент часто делается на том, что только благодаря иконе казаки и многочисленные беженцы сумели добраться до китайской границы. Безоговорочным остается и тот факт того, что в эмиграции именно Табынская икона Божьей Матери сыграла большую роль в вопросах консолидации русских, а также образовании православных приходов в Синьцзяне.

Необходимо отметить, что основная сложность в вопросе организации православной жизни в провинции заключалась в невозможности проведения постоянных богослужений, в силу отсутствия священнослужителя. Однако уже в 1921 г. из России, для службы в Кульдже, приехал священник В. Федюшин. С 1925 г. в Кульдже стал служить отец Г. Штокало, эмигрировавший в Синьцзян с отрядами белогвардейцев. В 1925 г. после установления советско-китайских дипломатических отношений и появления в Синьцзяне советских консулов, церковь, находящаяся при русском консульстве в Кульдже, была перенесена в помещение, взятое в наем. В период 1937-1938 гг. на пожертвование православного русского населения Кульджи была построена новая

малая церковь, которая просуществовала до времени «культурной революции» в Китае, т.е. до середины 60-х гг. Именно в этот храм была из Суйдуна перенесена Табынская икона Божьей Матери.

В 30-х гг. богослужения в храме Кульджы проводил протоиерей В. Кочуновский, эмигрировавший из России в Синьцзян в годы коллективизации. [Поздняев, 1998].

В 1930-х гг. Кульджа, по сути, становится центром православной жизни провинции Синьцзян.

После революции Российская духовная миссия в Китае находилась в ведении Зарубежного Архиерейского Синода. В 1922 году были учреждены Пекинская епархия, включавшая Шанхайское и Тяньцзиньское (позднее — Ханькоусское) викариатства, и Харбинская епархия, в состав которой вошли Хайларское и Цицикарское викариатства. В 1934 году в составе Пекинской епархии были дополнительно учреждены Синьцзянское викариатство (позднее преобразованное в благочиние приходов в городах Кульдже, Чугучаке, Урумчи и Лоуцоугоу) и Гонконгское благочиние, включавшее в себя храмы в Гонконге, Гуанчжоу, Макао и Маниле.

Осенью 1946 г. на должность благочинного православных церквей Синьцзяна и настоятеля храма св. Николая в Кульдже был назначен протоиерей Д. Млодзяносвский.

Благодаря протоиерею Д. Млодзяновскому православная жизнь в Кульдже и в Синьцзяне в целом начала развиваться интенсивнее. В разделе Журнала Московской Патриархии от марта 1949 г. содержатся уникальные данные о деятельности протоиерея Дмитрия. Несомненной заслугой протоиерея Дмитрия является капитальный ремонт церкви в Кульдже, восстановление приходов в г. Чугучаке и Илийском округе. Совершая постоянные объезды городов провинции, протоиерей Д. Млодзяносвский, проводил проповеди, благодаря которым, «все русские православные сплачиваются в единую семью». Кроме того автор статьи отмечает, что православие не только вновь стало доступным для русских провинции, но и «много случаев крещения китайцев с семьями» [Самаха 1949, с. 8].

Развитие православной жизни еще в одном городе провинции – Чугучаке было также напрямую связано с пребыванием в Тарбагатайский округ русских. По воспоминаниям В.И. Петрова, родившегося в семье эмигрантов в Чугучаке в 1925 г., в 1862 г. при Чугучакской фактории была построена церковь, в «небольшом, но добротном здании, с высоким фундаментом, крыльцом, маковкой и крестом». Однако во время мусульманского восстания, в 1865 г., повстанцы сбросили с православной церкви маковку и крест, при этом внутреннее убранство церкви не разрушили. В дальнейшем это здание использовалось местными китайскими чиновниками для государственных нужд. С приходом белогвардейских войск, здание, находящиеся в собственности русских, было возвращено правообладателям. Здесь был открыт госпиталь, где получали лечение больные тифом, обмороженные белогвардейские казаки и беженцы [Петров, 2003, с. 308].

Наконец, еще одним центром православной жизни в Синьцзяне была столица провинции г. Урумчи. Как отмечает в своей статье священник Д. Поздняев, церковь в Урумчи имелась при русском консульстве. Она была возведена по инициативе консула А.А. Дьякова. Не смотря на имеющуюся церковь постоянного священника в Урумчи не было. Богослужения совершал приезжавший из Кульджи иеромонах Серафим [Поздняев,1998]. В 1930-е гг. богослужения в Урумчи проводились, эмигрировавшими из России в годы коллективизации, священниками Д. Любовым и И. Филонским. В 1948 (1949) г. священник И. Филонский, являвшийся на тот период настоятелем церкви в Урумчи, скончался и храм остался без настоятеля.

Отдельно следует упомянуть о православной жизни г. Суйдуна, в котором православного храма не имелось. В городе, где расположил свою ставку атаман А.И. Дутов, службы проводили, архимандрит Иона и отец Г. Штокало. После смерти атамана А.И. Дутова 7 февраля 1921 г., архимандрит Иона выехал в Пекин для поступления на службу в Русскую Духовную Миссию. Уже в 1922 г. архимандрит Иона был рукоположен в сан епископа, и назначен на службу в Маньчжурию, где скончался в 1925 г. Таким образом, в Суйдуне остался служить отец Г. Штокало, вскоре переехавший на службу в г. Кульджа, о чем упоминалось ранее. С 1932-1933 г. в Суйдуне стал служить протоиерей М. Маляровский, который эмигрировал в Синьцзян по причине начавшейся коллективизацией в Туркестане и Казахстане. По воспоминаниям Е.И. Софроновой, родившейся в эмиграции в Синьцзяне в 1941 г., русских в Суйдуне было мало, что сказалось на отсутствии там церкви, поэтому «отслужить литургию и исполнить накопившиеся требы: крестины, венчание и прочие, приезжал батюшка из Кульджи». Для организации богослужений использовали школьный класс: «расставив и развесив по стенам, как полагается, иконы» [Софронова, 1999, с. 100].

В связи с отрывом от России особое внимание родителей-эмигрантов было сосредоточено на духовном воспитании детей. Как было отмечено ранее, в Кульдже с 1877 г. действовала русская православная церковь, в которой по воскресеньям проходила утренняя литургия, а в церковном хоре пели русские дети.

После признания Пекином Московской патриархии большинство представителей кульджинского прихода перешли в домовую церковь, не подчинявшуюся Москве. Вскоре после отбытия священника домовой церкви в Австралию она перестала существовать, и остался только храм, подчинявшийся Московской патриархии. В связи с этим многие прихожане отказались посещать церковь, которая подчинялась большевикам, однако так считали не все. Е. Софронова отмечает, что часть эмигрантов по-прежнему ходила на богослужения вместе с детьми, считая, что только таким образом они смогут сформировать их как православных христиан.

Несомненно, большое влияние на развитие православной жизни оказала «культурная революция» в Китае. Именно в этот период в КНР, и в Синьцзяне в частности, преследовался любой вид религиозной деятельности. Однако проблема заключалась не только в собственно православном вероисповедании, но и в политическом аспекте данного вопроса. Русские в провинции воспринимались как потенциальные шпионы Москвы. В связи с этим Екатерина Софронова отмечает: «Это было беззащитное стадо овец (русские), на которое со всех сторон нападали волки...» [Софронова, 1999].

Спустя несколько десятилетий после «культурной революции», в стране, и Синьцзяне в частности, православие стало возрождаться. Например, в 1991 г. по ходатайству православного населения г. Урумчи правительство Синьцзяна построило взамен разрушенного храма новый, названный Никольским. Однако постоянного священника в данном храме нет, поэтому богослужения проводятся мирянским чином, и встречи для прихожан в храме проходят каждое воскресенье, а также по большим праздникам. Раз в несколько лет в Урумчи, как и в другие города провинции, приезжают православные священники из Казахстана, России или Австралии, для того, чтобы совершить таинства для местных прихожан, в большинстве своём являющихся потомками русских.

В 1992 г. китайские власти восстановили за свой счет храм в Кульдже. Освящение храма совершил в апреле 2003 г. прибывший из Казахстана игумен Вианор (Иванов). В 2010 г. игумен Вианор и отец Иосиф (Романов) с официального согласия местных властей совершили здесь молебен в день Рождества Христова.

В 2009 г. в Чугучаке местной православной общиной было получено разрешение на строительство храма, финансирование которого планируют осуществлять из средств местного правительства. В настоящее время регулярные богослужения совершаются в домах прихожан мирянским чином.

Необходимо подчеркнуть, что на сегодняшний день в условиях современной жизни для жителей Синьцзяна, исповедующих православие, проблемными остаются вопросы, связанные главным образом с отсутствием преемственности в передаче религиозных традиций на уровне семьи.

Библиографический список

1. Гутин И.Ю. Динамика численности русского населения Синьцзян-Уйгурского автономного района (1949-2000 гг.) // Вестник МГИМО университета. – 2011. – С.74-82.
2. Дацышен В.Г. Христианство в Китае: история и современность. – М.: Научно-образовательный форум по международным вопросам, 2007. – 240 с.
3. Петров В.И. Мятежное «сердце» Азии: Синьцзян: Краткая история народных движений и воспоминания. – М., «Карфт+», 2003. – 528 С.
4. Печерица В.Ф. Духовная культура русской эмиграции в Китае. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1999. – 276 с.
5. Поздняев Д. Православие в Китае (1900-1997). – 1998 [Электронная версия]. URL: http://www.orthodox.cn/localchurch/pozdnyaev/index_ru.html (дата обращения: 01.09.2016).
6. Самаха В. Из заграничной церковной жизни. Свет русского Православия в провинции Синьцзян в Западном Китае // Журнал Московской Патриархии. – 1949 – С. 8.
7. Софронова Е.И. Где ты, родина моя? Воспоминания. – 1999 [Электронный ресурс]. URL: http://nature.web.ru:8001/db/msg.html?mid=1204980 (дата обращения: 01.09. 2016).

8. Сергеев В.П. История Табынской иконы Божьей Матери // Журнал Самиздат. – 2004 [Электронный ресурс]. URL: http://samlib.ru/s/sergeew_w_p/istorijatabynskojikony.shtml (дата обращения: 01.09.2016).

Об авторе
Бармин В. А. – заведующий кафедрой всеобщей истории, доктор исторических наук, профессор Алтайский государственный педагогический университет, Барнаул, Россия
Петякшина Е. А. – магистр истории Алтайский государственный педагогический университет, Барнаул, Россия

Barmin V.A.,Petyakshina E.A.

Formation and development of orthodox life in the Western China (XX – the beginning of the XXI centuries)

Abstract. The article is devoted and poorly understood problem of formation and development of Orthodox life in Western China (Xinjiang) in the XX-XXI centuries. Authors on the basis of newly discovered sources reveal major milestones of introducing and spreading of Orthodoxy in the difficult conditions of confessional and ethnic diversity inosredy.

Keywords: Orthodox, Western China, East Turkestan, white emigration

Статья поступила в редакцию 05.09.2016

УДК 39:7.048.3 (571.513)

В. Я. Бутанаев

Мастер шелковой кисти из степей Хонгорая (Хакасии)

Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова, Республика Хакасия РФ

Аннотация. В статье, на основе разноплановых источников, освещены малоизвестные страницы из жизни первого хакасского мастера портретной живописи Г. А. Аткнина. Большая часть материалов, представленных в статье, взяты из личной переписки ее автора с великим нашим земляком – художником. Считаем своим долгом вернуть из небытия незаслуженно забытых в свое время имена заслуженных деятелей искусства и культуры нашей Саяно – Алтайской историко- культурной области.

Ключевые слова: Г.А. Аткнин, Хакасия, Хонгорай, кыргызы, вышивка, портреты, миниатюра, скульптура, художник, музей, Абакан, Ташкент, Алма-Ата

Весьма яркой и самобытной стороной в искусстве обитателей Саяно-Алтайского нагорья была и остается их вышивка шелком. Не стали исключением в этом плане и хакасы- (хонгорайцы). Их национальная вышивка в значительной степени относится к сфере женского творчества. Однако высокой степени совершенства в этом виде искусстве достигали и мужчины. Наглядный пример том – работы художника Г.А. Аткнина (1906 – 1988 гг.). Он, без преувеличения, был единственным мастером в бывшем СССР , кто занимался вышивкой портретов шелком.

Родился Григорий Алексеевич 14 ноября 1906 года в аале Аткнин, зимник которого располагался на острове «Кочен пулии» (по р. Абакан), а летник – на территории современного г. Абакана (в районе нефтебазы). Фамилия Аткнины (по-хакасски звучит «атхына» – т.е. конники») и относится она к древнему аристократическому роду кыргыз («ах хыргыс» – (букв. «белый кыргыз»). Согласно преданиям, «ах кыргызы» владели небесными священными конями сивой масти («кёк ызых»), которым покровительствовали великие фетиши «ах-тёсь». Мать Григория Алексеевича была родом из фамилии Окуневых (по-хонгорски «окуннер» – т. е. ягнята) из сеока «ах хасха», аал которых располагался в местности «Туум т.е.кисти» (ныне это территория г. Абакана (в районе центральной аптеки, находящейся на проспекте Ленина). Ее бабушка – «Нанджыка» – принадлежала к роду «хара-хасха» (из аала Койбалы). Мать и бабушка Нанджыка были прекрасными вышивальщицами.Знаменит был и отец Григория – Алексей Иванович, слывший сам искусным рисовальщиком в регионе. Следует подчеркнуть, что в роде Аткниных мастерство владения декоративно-прикладным искусством передавалось из поколения в поколение. Словом, Гришу с малых лет постоянно окружало многообразие и красочное великолепие хонгорской вышивки. Впервые он взял в руки иглу (примерно в 11 — 12 лет). Повзрослев, он, согласно документам, стал одним из лучших вышивальщиков в родном аале. [ХНКМ. Ф.№12, оп.12-а, д. 41]

Яркий, своеобразный и колоритный орнамент украшал праздничную одежду соплеменников. Бабушка Нанджыка не могла нарадоваться глядя на успехи и способности Гриши. Поэтому она, не жалея сил и времени, раскрывала и раскрывала внуку тайны известного ей традиционно- наследственного, кыргызского, искусства. Из многочисленных образцов вышивок, вырезанных из бумаги и бересты, которые извлекались из бабушкиного сундука, внук «черпал свои идеи, которые он тут же пытался превратить в реальные узоры. Вышивая их, он слышал не только похвалу, но и язвительные насмешки: «мол, вышивка – это не мужское дело». В такие минуты на выручку Грише приходили бабушка и мать, твердившие, что «мужчина тоже может и вышивать, и рисовать на бумаге, или вырезать фигуры на дереве как это делал его отец. Все это, – твердо заявляли они скептикам, есть искусство, которое называется (по хонгорски «хоостар») [Каралькин. С. 185.] В дальнейшем, уже живя в Алта-Ате, Г.А. Аткнин признавался в своих письмах к этнографу

П.И. Каралькину: «Я, по мнению художников, считаюсь орнаменталистом... я знаю узбекский, казахский, хакасский орнаменты» [ХНКМ. Ф.№12, о.12-а, д. 29]. Владея иглой и зная законы хонгорской вышивки, наш земляк твердо решил использовать все свои знания и навыки в своей будущей профессии художника для создания «своих портретов».

В восемь лет Гриша Аткнин пошел учиться в школу, а в 1924 году окончил девять классов школы № 2 в Абакане. В 1926 году он успешно выдерживает экзамены на живописный факультет Омского художественного техникума имени М. Врубеля. Но материальные трудности вынуждают его оставить учебу и он идет работать. Осенью 1929 года Г. Аткнин едет в Москву и поступает в Тимирязевскую сельскохозяйственную академию на факультет гидромелиорации. В это же время он начинает вышивать портреты шелком. Поняв, три года спустя, что гидромелиорация – это не его дело, он уходит из Академии и начинает работать чертежником в Москве, а весной 1933 года – он возвращается в Абакан и устраивается художником в областном отделе народного образования при Хакасском краеведческом музее.

Получив в 1934 году направление и сопроводительное письмо от Западно-Сибирского крайкома ВКП (б) и краевого отдела народного образования, Г. Аткнин поступает в Ленинградский институт живописи, скульптуры и архитектуры (ныне это Академия художеств им. Репина). Первоначально он учится на подготовительных курсах при институте, а затем на скульптурном факультете, который успешно заканчивает в 1938 году. [Новикова М.]

Во время обучения в Ленинграде Г. Аткнина заинтересовала техника изготовления гобелена. Используя богатые традиции хонгорской народной вышивки, он создал свою технику вышивания — портретную. Он как никогда понастоящему оценил и ощутимо представил себе национальное искусство. Г.А. Аткнин знал, что в Хонгорае никогда не бывали вышитые (тканые) ковры и гобелены , но владея иглой, зная традиционную вышивку, он твердо решил использовать ее для изображения портретов.

На первых порах усилия Аткнина оказались напрасными: традиционная гладевая техника вышивания, вполне пригодная для орнаментальных узоров, не была пригодна для художественной портретной вышивки. Он много раз менял ткани на подрамнике, подбирая нужный фон, цвета вышивальной нити, но желаемых результатов добиться не смог. Наконец, после многих экспериментов, исканий Г. Аткнин нашел причину своих неудач. Оказывается, устоявшаяся традиционная хонгорская гладевая вышивка «толдырыг» поглощает множество ценной нити, не создавая при этом необходимой выразительности. Г. Аткнин решительно отказался от традиционной глади «толдырыг» и выработал на базе техники «чучанга» , более гибкую, назвав ее «рассыпчатой» или «художественно-графической», добившись лаконичности в изображении и экономичности в швах. Разноцветные шелковые нити заменяют различные краски, фоном служит тончайший шелк. «Аткнин путем комбинирования фона портрета накладной шелковой аппликацией, подсвечиванием этой накладки другой цветной тканью, как живописец на полотне красками, достигает желаемого оттенка и выразительности. В результате многолетнего кропотливого труда в этой области искусства, Аткнин создал редчайшие высокохудожественные своеобразные произведения, состоящие из тончайшей шелковой ткани и шелковых нитей», — так писал о нем П.И. Каралькин [Каралькин. с. 185]. Во время одной из его выставок, один американский художник сказал, «если бы вы были у нас (а у нас любят вышивку), то вы скоро стали бы богачем». Г. Аткнин по этому поводу написал. «Но я бы не поехал бы в Америку из-за денег. Мне наша Родина дороже их. Я и здесь зарабатываю в издательствах достаточно. Богачем не стремлюсь быть» [ХНКМ. Ф.№12, о.12-а, д. 27.]

По поводу своего пути в искусстве Г. Аткнин писал : «А разве другие виды прикладного искусства не берут из других областей модели? Я, к примеру, могу вышить и по натуре. Но тогда, как говорится, зачем шить, когда можно писать маслом. А я отвечу «один вас изобразит в камне, другой – в дереве, маслом и т.д. А я вот хочу вышить ваш портрет – на шелке и нитками. И может быть, нитками я сделаю лучше, чем он карандашом. Это мое право. Лишь бы было грамотно и художественно. ... Недавно я нарисовал обложку акварелью. До меня два художника не смогли справиться с нею. Значит и я не лыком шит, так почему же мне нельзя вышивать и нитками, если будет все хорошо. Но обложку ведь не шьют, а печатают. Следовательно, подарок я могу сделать ниткой, т.к. акварельная миниатюра менее интересна, ее могут делать все» [ХНКМ. Ф.№12, о.12-а, д. 27].

В 1950 году семья Аткниных переезжает в Ташкент, в связи с тем, что супруге художника (Анне Петровне) врачи предписали сменить климат. В Узбекистане они живут до 1957 года. Григорий Алексеевич работает художником-иллюст-

ратором в книжных издательствах республики и вышивает на заказ. За семь ташкентских лет он «нарисовал шелком на ткани» множество портретов, пейзажей и панно. В Ташкентском музее прикладного искусства находятся сегодня весьма выразительные портреты В. И. Ленина, композитора П.И. Чайковского, писателя М.Е. Салтыкова – Щедрина и А. Алимжанова, ученого К.А. Тимирязева и многих других деятелей науки и культуры. Для подарков лидерам зарубежных стран Г.А. Аткнин вышил, к примеру, портреты премьер-министра Индии Д. Неру, президента Индонезии Сукарно, премьер-министра Бирмы У Ну. Сейчас эти работы хранятся в Государственных музеях Индии, Бирмы, Индонезии или частных коллекциях [Каралькин. С. 184].

В 1957 году Аткнины вернулись на родину в Хакасию. Григорий Алексеевич стал работать художником в газете «Ленин чолы» и Хакасском книжном издательстве. Он иллюстрировал, к примеру, книги «Алтын Арыг» (1958 г.) и «Ай Мирген» (1959 г.). Однако главной его страстью по прежнему была вышивка. Взоры посетителей четвертой областной художественной выставки и художественной выставки, посвященной 250-летию присоединения Хакасии к России, радовали многие работы мастера: «Первый сноп», «Танцовщица», «Иллюстрация к роману А.С. Пушкина «Евгений Онегин», «Портрет В.И. Ленина», «Вид Кремля». На выставках были представлены и работы, которые Г.А. Аткнин вышил для Минусинского и Хакасского краеведческих музеев, — портреты Н.М. Мартьянова, И.В. Мичурина, крестьянского философа-бунтаря Т.М. Бондарева, командиров партизанской армии А.П. Кравченко, П.Е. Щетинкина. В 1983 и 1985 годах коллекция Минусинского краеведческого музея пополнилась портретами С.К. Сургуладзе и Н.К. Крупской). Здесь же посетители могли видеть другие живописные работы художника, в частности, «Агитатор у пастуха», «Окрестности Абакана», скульптуры из гипса «Девушка хакаска», «Барельеф Скворцова». Г.А. Аткнин является автором четырех проектов обелисков в Хакасии и эскиза почетной грамоты и пригласительного билета на празднование 250-летия присоединения Хакасии к России [Новикова М.].

В письмах к П.И. Каралькину Григорий Алексеевич признавался, что его вид техники вышивки портретных миниатюр «найден им впервые в истории мирового искусства. Если раньше и были миниатюристы, то они, по словам художника, писали красками (иранские миниатюры и европейские). Портретная миниатюра, по признанию Григория Алексеевича, трудный жанр. А всякое трудное дорого, а если оно не всякому по плечу, то и редкое, т.е. и уникальное. Если бы многие могли бы вышивать портреты, то их цена была бы гораздо ниже, чем теперь.. Главный ценитель этого искусства – это народ. И он оценил его... Смотрите, сколько людей толпится у наших работ... Им нравятся наши работы, они хвалят их... Словом, мои работы на выставках – всегда хвалят и это нас радует». [ХНКМ. Ф.№12, о.12-а, д. 27].

В 1962 году из-за серьезных разногласий с руководством Союза художников Хакасии Г.А. Аткнин переезжает с семьей на постоянное место жительство в Казахстан. Сразу по приезду Григорий Алексеевич устраивается художником на Алма-Атинскую ковровую фабрику и работает здесь около двух лет. За короткий срок художник сделал немало. По его эскизам были сотканы ковры «Космонавты», «Урожай», ковер-подарок «Союзу писателей Татарии от Союза писателей Казахстана» и другие. Уволившись с фабрики, Г. Аткнин шесть лет преподавал черчение и рисунок в учебных заведениях города, сотрудничал с книжными издательствами, иллюстрируя художественные книги и учебники, рисовал плакаты. Однако отрадой для души, да и заработком тоже – для него по-прежнему оставалась вышивка. В последние годы он опять работал на ковровой фабрике, был художником цеха по пошиву ковров, знамен, портретов и изготовлению сувениров.

В Алма-Ате им были вышиты портреты поэтов: Ш. Руставели, Т. Шевченко, М. Джалиля, писателей А. Чехова, М. Ауэзова, С. Сейфуллина, С. Стальского, композиторов П. Чайковского и М. Глинки; космонавта В. Терешковой; ученых К. Циолковского, С. Обручева и др.

В декабре 1982 г. Г.А. Аткнин был вызван в Правительство Казахстана: необходимо было выполнить юбилейные работы – создать портреты Яноша Кадара, Мирзо Турсун – Заде, а главное – Брежнева и Кунаева. В письме к автору этих строк, он сообщал, что «В ЦКа мне поручили выполнить столько портретов, что у меня все «заморозилось» и только вчера я окончательно – «разгрузился»....Вышли затруднения с хлопчатыми тканями. Потом, когда купил их, но надо было просить жену сшить, что довольно трудно, а когда сшили, оказалось- «немного заузили». А тут как раз и юбилейные заказы подошли: первого секретаря ЦК КПСС Л.И. Брежнева и первого секретаря ЦК Компартии Казахстана Д.А. Кунаева, Турсун Задэ, и еще три миниатюры... Заработал 2000 рублей... Нынче у меня будет «горячая весна». Надо собирать вещи к выставке.

Сильно задержало Правительственное задание. То, что шесть портретов надо было сделать за шесть месяцев, я одолел за два месяца... Имел две аудиенции у самого председателя СовМина. Наконец то!.. через 20 лет меня узнали, когда я собрался домой» [письмо от 13. 02. 1982 г.]. За свои заслуги, за вышивку портретов Л.И. Брежнева вместе с Д.А. Кунаевым Г. А. Аткнина «наградили трехкомнатной квартирой в г. Алма-Ата.

Выполнял ли художник «денежные или заказные портреты»?. В 1983 г. он писал нам: «У меня, наконец, появились частные заказчики. Ну и, как водится, они торгуются – сбавляют цену. Если музеи платят мне за работу хорошо, то «эти заказчики» – плохо ценят мой труд. Ну, я иду им навстречу, Утешая себя поговоркой: «Дело мастера боится». Т.е. мне надо ускорять сроки исполнения. Но я привык, шить хорошо, хоть за 200, хоть за 500 р. В декабре лишь один уплатил мне 500 р. Остальные,ак говорится, «кто сколько может». Несмотря на доход, намерен»завязать сие дело», ибо свои сюжеты стоят – без движения. Видимо год, т.е. до пенсии надо поработать и все:. глаза надо беречь, Не буду работать по ночам. Уже не могу работать в старом режиме режим дня. Надо ложиться отдыхать в 12 часов, а сейчас уже половина первого... Все – иду спать. Завтра ведь – на работу, а вечером снова надо шить портрет. Глаза стали часто «загорать», т.е. стали заслезиться и воспалились. Это основная беда». [письмо от 26. 01. 1983].

В связи с заказами Г. Аткнин все откладывал портрет жены. «Потрет жены мозолю уже год. И еще одежду надо сшить. Но то служба, то отвлекали знакомые казахи. Вышил им портреты... Вот и затянул свое дело с портретами. Своя, мол, работа подождет. Зато работа будет очень хороша. На парчовом фоне. На шее будет «золотой» кулон на цепочке. Портрет будет красивей чем рисунок К. Брюлова жены Пушкина. Скоро начну портрет Ани, в профиль. И тоже нарядный». [письмо от 12. 10. 1985.]

Художественная работа, как говорится, требует жертв. В письмах ко мне Г.А. писал: «Резал скульптуру по дереву три раза резал левую (держащую) руку. Один палец потерял осязание. Я же художник. Инструменты острые, колющие... Я же пилю, режу, колю, колочу. Особо достается левой руке. Сейчас на двух пальцах ногти повреждены. Левая ломана в кости. Криво срослась. Правая дважды ломана выше локтя. За долгую жизнь чего не бывает» [письмо от 21 . 03. 1982 г.].

Где бы ни жил Г.А. Аткнин, связи с родиной не прерывал никогда. Очень тосковал по Хонгораю, по Абаканским родным островам. Он вел активную переписку с друзьями, оставшимися в Хакасии, просил их посылать ему местные газеты и почти каждый год приезжал в родные места. Каждая поездка, по словам самого художника, была для него источником вдохновения и новых планов.

В 1983 г. он мне писал: «Не все еще исчезло. Ведь многое можно делать и шить национальное, в мастерских. В 30-х годах была такая мастерская (ателье «Большой быт»). Шили рукавицы вышитые. В Сибири они нужны , удобно скроены и нарядны... А как хороши овчинные ичиги, вышитые. Удобны, дешевы, теплы (с галошами). Можно делать кольца и трубки узорчатые (сувениры). Я их делал сам. Делают же в России трубки, и они раскупаются. А как хороши девичьи шапочки! Их будут носить и русские девушки. Они опять же удобны в морозы. Некому все это организовать. А как красив сегедек! По сути это длинная безрукавка, какие носят татарки, узбечки, казашки и сейчас. Я все мечтаю сделать «ансамбль» – шапочка, рукавицы и сегедек для осени. Ведь делают же в России такие одежды под стиль старого. А я помогу модернизировать. Ведь ансамбль «Жарки» существует. Это ли не национальный ансамбль. Где же все «ушло» ? Рано еще хоронить, можно еще возродить кое-что, что веками выработано. Надо использовать прежние достижения. Словом надо возродить мастерскую 30-х годов» [письмо от 12.03.1983 г.].

В 1983 г. он отмечал после поездки в Абакан: «Очень благодарен, что тепло приняли меня «несчастного» сироту. Мне всегда грустно, когда попадаю «домой». А где «дом» то? Здесь я чужестранец. И город хорош и условия бытовые ничего, а тянет домой. Что делать? Аня наотрез отказывается ехать в Хакасию. Не хочется быть похороненным здесь. Да хочется похудожничать дома. Я ведь по образованию скульптор. А там в п. Означенном столько мрамора!» [письмо от 10.09.1983 г.].

На следующий год он писал: «Здравствуйте , мой молодой друг! Вы, я мечтаю, мой друг, когда- нибудь (когда меня давно не будет) черкнете обо мне «монографочку» , «статью» ли в своих мемуарах, не забудете помянуть раба божия Григория...» [письмо от 2. 11. 1984].

В 1985 г. он мне пишет: «В октябре исполняется 120 лет школе № 2 в с. «Хакасия». Там директор и учительница истории организуют музей. Просят у меня кое-что подарить. Кое-что я имею им подарить. ...Поэтому прошу Вас 22 октября сходить в школу №2 на открытие музея

школы, где и я учился. Собирают материал (фото) учившихся в этой школе. Пока пишите мне чаще. Скучно мне без родины. Жена застопорила переезд. Не могу ее оставить. Видно здесь помирать придется» [письмо от 16.07.1985 г.].

В сентябре 1986 года 80-летний Г.А. Аткнин приезжал в Хакасию на открытие своей персональной юбилейной выставки в Хакасском областном краеведческом музее. Это была последняя его поездка на родину.

Летом 1988 года Григорий Алексеевич Аткнин скончался и был похоронен в Алма-Ате.

Более чем за полвека своей творческой деятельности Г. А. Аткнин выполнил свыше 200 портретов выдающихся людей, представителей различных стран и народов, а также жанровых картин. Работы его хранятся в различных музеях и коллекциях: в Дели, Кабуле, Москве, Новосибирске, Киеве, Ташкенте, Алма-Ате, Минусинске и др. Многие работы Г. Аткнина не учтены, хотя его художественная вышивка неповторима, ее всегда можно отличить среди других подобных работ.

Г. Аткнин достиг высокого совершенства в области искусства вышивания портретов. Он был очень строг к себе. Г. Аткнин постоянно подчеркивал, что в работе «нужна дисциплина труда и усердие. В художнике, должна быть душа богатая и благородность» [ХНКМ. Ф.№12, о.12-а, д. 55].

Для портретной вышивки, писал высокий мастер, еще недостаточно владеть иглой , знать орнаментальную вышивальную технику, надо иметь изобразительное знание. То есть надо знать анатомию человека, законы света и цвета и многое другое. Портретная вышивка Г. Аткнина представляет собой уникальное явление, которое никто не смог достичь в хонгорском декоративно – прикладном искусстве.

29 января 2016 г. года в Хакасском национальном краеведческом музее была открыта выставка, посвященная 110 –летию со дня рождения этого выдающегося художника Хакасии, под названием «Великие сыновья далеких аалов». Впервые портретные работы Г. Аткнина, хранящиеся в музеях Абакана и Минусинска, были представлены в экспозиции. В связи с этим событием мною передана в дар музею коллекция его писем, адресованных мне за двадцатилетний период нашей переписки. Ныне эти письма, раскрывающие жизнь и творчество Г.А. Аткнина, хранятся в фондах национального музея г. Абакана.

Примечания.

Хакасский национальный краеведческий музей им. Л.Р. Кызласова (ХНКМ);

Документальный фонд. Коллекция «Письма». № 12.

Каралькин П.И. Художник шелковой кисти. // Сибирские огни. Новосибирск, 1964. № 6. С.184 – 186.

Каралькин П.И. Хоостардан портретке (от вышивки к портрету). // Ах тасхыл. Абакан, 1977. № 25. С. 135 – 138. (Перевод на хакасский язык – И. Бутанаевой).

Новикова М. Мастер шелковой нити (о художнике Г. Аткнине) // Хакасия. 2006. – 15 сентября, № 174.

Об авторе

Бутанаев В. Я. – доктор исторических наук, профессор Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова, Республика Хакасия РФ

Butanaev V.Y.

Master of the silk brush from the Steppes Gongora (Khakassia Republic)

Abstract. In the article, on the basis of diverse sources, highlights little-known pages from the life of the first Khakass masters of portraiture G. A. Atkina. Most of the material presented in this article are taken from personal correspondence of the author with our great fellow – artist. Committed to bringing back the undeservedly forgotten at the time, the names of the honored figures of art and culture of Sayano – Altai historical and cultural region.

Keywords: G.A. Atkin, Khakassia, Hungary, Kyrgyz, embroidery, portraits, miniature, sculpture, artist, Museum, Abakan, Tashkent, AlmaAta.

Статья поступила в редакцию 11.10.2016

УДК 902

Э. П. Дворников

Патриотизм: история появления понятия и его формирование в постсоветском обществе

Горно-Алтайский государственный университет

Аннотация. В представленной работе, на основе имеющейся литературы, освещена проблема появления понятия патриотизм, его разнообразные трактовки и границы. Особое внимание автор уделил проблеме сегодняшнего дня, поскольку идеалы советского прошлого ушли, а проблема формирования патриотического отношения молодого поколения к своей Родине стоит очень остро и требует скорого решения

Ключевые слова: патриотизм, система воспитания, современное общество, государственная политика

Прежде чем обратиться к рассмотрению теоретических вопросов системы патриотического воспитания, считаем немаловажным определиться с терминологическими вопросами, поскольку само понятие «патриот», «патриотизм» имеет весьма широкий спектр толкований и связано с совершенно различными аспектами общественного бытия, что само по себе является важнейшей проблемой.

По данным Этимологического словаря Макса Фасмера [1] слово «патриот» переводится с французского как «сын отечества», а с латинского «земляк, соотечественник». В предложенной трактовке словаря Даля – «патриот» – любитель Отечества, отчизнолюб. В словаре С.И. Ожегова [2] слово «патриотизм» трактуется как любовь и преданность Отечеству, готовность к любым жертвам во имя Родины. Удивительно, но в переизданных версиях словаря С.И. Ожегова готовность к самопожертвованию исчезает. В трактовке словаря иностранных слов « патриотизм» – любовь к Родине, преданность своему Отечеству.

В целом «патриотизм» трактуется, как особое эмоциональное переживание к своей стране, языку, традициям. Следует отметить из множества определений понятия «патриотизм» имеет общие характеристики:

-патриотизм не имеет ничего общего с шовинизмом и расовой дискриминацией

-патриотизм представляет собой глубокое осознание, родственность со своей Отчизной

Воспитание гражданина, патриота своей Родины, во все времена является приоритетной задачей государства и образовательных учреждений. Отмечается, что те изменения, которые происходят в обществе в свою очередь, оказывают влияние и обусловливают изменения в современной системе образования, что вызывает необходимость развития свободной и ответственной личности, способной оптимально строить свою жизнь в демократическом государстве. Сегодня на первый план вышла проблема формирования личности гражданина, патриота своей Родины. Молодой гражданин должен быть подготовлен к новым общественным отношениям, уметь адаптироваться в новых социокультурных условиях, найти своё место в этом обществе, стать полноценным гражданином своей страны, патриотом, сохранять и преумножать её культуру, заботиться о её престиже в мире.

Ситуация, сложившаяся в молодёжной среде, обостряет актуальность проблематики патриотического воспитания. Молодёжь – это люди, которые завтра станут полноправными гражданами своей страны – они будут управлять государством, выполнять свои гражданские и профессиональные обязанности. И от того, какими ценностями они будут руководствоваться в своей деятельности и отношениях, какие качества у них будут сформированы, зависит будущее страны.

Следует отметить, что в современной России поэтапно выстраивалась система патриотического воспитания через призму национальной политики. В частности в предложенной Доктрине государственной молодёжной политики 2002 года [3] отмечается, что, с одной стороны, в молодёжной среде проявляется мощный инновационный потенциал, современная молодёжь по отношению к прошлым поколениям – более самостоятельная,

инициативная, мобильная, восприимчива к новому, что свидетельствует о её готовности к созидательной деятельности, направленной на сохранение и преумножение достижений культуры. А с другой стороны, перестроечные процессы, распад СССР обострили многие проблемы, которые вызывают тревогу в обществ. Среди этих проблем можно назвать: образование «духовного вакуума»; падение образовательного и культурного уровня у достаточно большой части школьников и студентов; проявление агрессивного национализма, расширение деятельности различного рода националистических организаций и «неформалов», рост подростковой преступности [4].

Определённую тревожность вызывает и тот факт, что в стране ширится формирование неонацистских молодёжных организаций, развивается их сеть, агрессивность, проявляется агрессия по отношению к людям неславянской национальности. Причём, молодые люди утверждают, по их мнению, «новый патриотизм», считая себя истинными патриотами России.

Переосмысление исторического прошлого нашей и иные духовные ценности предлагают СМИ, происходит духовная дезориентации людей, потеря ценностных ориентиров, что во многом способствовало «искажению понятие патриотизма», т.е. причастность к судьбе Отечества, его прошлому, настоящему и будущему многими не осознаётся как нравственная ценность, а сохранение самобытности зачастую подменяется национализмом, которому стремятся придать позитивный характер [5]. Довольно часто квазиценности иностранной культуры воспринимаются молодыми людьми как проявление «цивилизованности», «продвинутости», а неумение оценить разнообразную информацию ставит их в позицию конформизма и мешает проявлению полноценной созидательной деятельности.

В целом следует констатировать озабоченность государства данной проблемой, на что указывают постановления правительства Российской Федерации: Государственная программа «Патриотическое воспитание граждан РФ на 2001-2005 годы» (2000) [6], которая определила фундаментальные основы системы патриотического воспитания в современной России. В частности в ней определялась необходимость взвешенной, пролонгированной и долгосрочной политики, основанной на глубокой проработке отдельных вопросов «способной на основе формирования патриотических чувств и сознания обеспечить решение задач по консолидации общества, поддержанию общественной и экономической стабильности, упрочению единства и дружбы народов Российской Федерации» [7]. В 2003 году принята – «Концепция патриотического воспитания граждан РФ» (2003) [8], которая определила место и роль патриотического воспитания как важнейшего направления в деятельности общества и государства; – Программа «Патриотическое воспитание граждан РФ на 2006-2010 годы» (2005), в которой были подведены итоги реализации первой программы и определены перспективы развития системы патриотического воспитания граждан Российской Федерации. Содержание программы направлено на дальнейшее формирование патриотического сознания российских граждан как важнейшей ценности, одной из основ духовно-нравственного единства общества.

Обозначенные проблемы во многом обусловлены переломными процессами в обществе, но и во не чётко разработанной системе общественного воспитания, адекватной современной обстановке. Неслучайно в значительном количестве исследований отмечается, что воспитательно-образовательный процесс поверхностно ориентирован на развитие личности гражданина, патриота своей Родины; учебная деятельность превалирует над практическими формами воспитательной работы. В школе слабо представлена общественная направленность деятельности школьников, не создаются педагогические ситуации для проявления субъектной позиции личности. Следует отметить, что в школе решили отказаться от разработок советской системы воспитания, а эффективной новой модели не придумали.

На сегодняшний день в современной педагогической науке и практике развивается интерес к проблеме комплексного подхода в толковании целостного воспитательно-образовательного процесса, что определило важность переосмысления целостного процесса воспитания с учётом современных условий и определило необходимость разработки проблем патриотического воспитания современных школьников. Этот интерес обусловлен необходимостью комплексного подхода к организации процесса воспитания, придания ему системного характера. В настоящее время происходит переосмысление патриотического воспитания в соответствии с новыми общественно-политическими и социально-экономическими условиями. Сегодня оно реализуется как переосмысление опыта прошлого, его адаптация к новым условиям, и как попытка выстроить новые подходы к пониманию и трактовке сущности целостного процесса воспитания. Сегодня это переосмысление носит поисково-экспериментальный характер.

Анализ литературы показал, что проблемами патриотического воспитания занимаются многие исследователи, однако патриотическое воспитание рассматривается ими как самостоятельные системы воспитания, что приводит к противоречиям в толковании целостного воспитательного процесса и мешает разработке интегрированного подхода в его толковании.

Теоретические основы воспитания патриотических и гражданских качеств подрастающего поколения получили освещение в трудах философов, социологов и педагогов – И.А. Ильина [9], Т.А. Ильиной[10], В.А. Караковского [11], В.А. Сухомлинского [12,13,14], Г.Н. Филонова [15] и многих др. Проблема патриотического воспитания личности обозначена группой авторов, среди них можно назвать И.Н. Глазунову [16], М.А.Горбову [17], В.В. Дьяченко [18], Н.Н. Дубинину [19], И.П.Иванова [20], С.А. Константинова [21], В.А. Коробанова [22], Ю.В. Лазарева [23], А.С.Макаренко [24], С.Н, Марзоева [25], С.Е. Матушкина [26], Е.Н. Поддубного [27] и др.

Формированием патриотического сознания школьников занимались А.А. Аронов [28], С.А. Алиева [29], В.В. Дьяченко [18], Н.Н. Михнев[30] и др.; проблемы национального воспитания рассматривались А.Г.Голевым [31], Ю.В. Лазаревым [23] и др.

Проблемы гражданского и патриотического воспитания рассматривались в разных аспектах казачьей культуры – Н.П. Башкатова [32], Г.Ефремова [33], Н.Н. Михнёв [30]и др; интернациональности и толерантности — А.Г. Голев [31], Е. Громова [34] и многие другие

В целом, патриотическое воспитание в научных исследованиях представлено достаточно полно. Тем не менее, отмечается неоднозначность понимания формы патриотического воспитания: сущности, цели и задач, принципов построения, содержания применительно к новым мировоззренческим постулатам. Можно отметить и недостаточную разработанность вопросов, связанных с определением понятия гражданина, патриота своей Родины, требуется устранить противоречивость в понимании основополагающих терминов «гражданин», «патриот», «гражданственность», «патриотизм», Всё это в конечном итоге и мешает разработке современной системы патриотического воспитания.

Анализ литературы показывает, что формирование современной системы патриотического воспитания происходит медленно, поскольку «потому что нет идеологических ориентиров» [35]. Представленные исследования посвящены историческому анализу, демонстрируется попытка интегрировать известный опыт школ советского периода к новым условиям, достаточно и новых подходов к решению данной проблемы, исследования носят противоречивый, поисковый характер.

В научной литературе обращается на необходимость объединения патриотического и гражданского воспитания, создание целостной воспитательной системы, однако эта проблема недостаточно полно освещена в современной педагогике. По данной тематике можно назвать публикации С.Д.Полякова [36, 37, 38], В.И. Лутовинова [35]. Отмечают, что хотя на сегодняшний день существует достаточно много наработок и по патриотическому, и по гражданскому воспитанию, но обширные исследования всё еще не привели к пониманию патриотического воспитания как целостной концепции, как качественно нового явления в педагогической науке и практике. Игнорируется динамическое единство, неразрывность главных составляющих патриотического воспитания. По мнению автора, «абсолютизация гражданственности, предполагающая депатриотизацию воспитания граждан, представляется деформацией, совершенно неприемлемой не только обществом и государством, но и для самой личности, высшее предназначение которой – служение Отечеству, самореализация в качестве достойного гражданина, участвующего в возрождении России» [35].

В результате изучения исторического опыта, предлагаемых теорий и практики воспитания можно выделить наиболее актуальные блоки:

- существует противоречие между задачей построения гражданского общества и отсутствие строгой системы, что делает практически невозможным осуществление системного подхода к организации воспитательного процесса;

- существует социальный заказ на разработку проблемы патриотического воспитания личности, поскольку разработанность теории и практике на современном этапе развития общества дело будущего;

- существует проблема разработки комплексного воспитательно-образовательного процесса, ориентированного на формирование личности гражданина-патриота, объединение разрозненных воспитательных действий и приемов в строгую систему.

Таким образом, имеется множество противоречий между реальными требованиями повысить планку воспитательно-образовательной работы по патриотическому воспитанию подрастающего поколения и недостаточной разработанностью тео-

ретических и организационно-методических основ реализации объективного процесса. Существующие противоречия, как нам представляется, можно преодолеть, решив каким же должно быть патриотическое воспитание современных школьников, что должно наполнять эту важнейшую систему координат социальной жизни современного человека.

Исторический опыт нашего Отечества указывает на то, что эффективнейшим средством формирования многонациональной страны является патриотическое воспитание граждан. Распад СССР, революционные изменения вызванные переходом из одной экономической формации в другую, привели к уничтожению системы патриотического и интернационального воспитания. В сознание людей стали проникать безыдейность, эгоцентризм, цинизм, агрессивность, нравственный релятивизм, нигилизм, национализм, граничащий с шовинизмом. Беспокоит и то, что это происходит в нашей стране на фоне усиления патриотического воспитания в основных странах мира, где продвигается идея верности родине, уважение к государственному флагу и гербу.

В условиях социальной и политической нестабильности оказалось весьма сложным разработать строгую государственную концепцию, которая бы позволила педагогам определить, какого гражданина следует воспитывать и что в нем формировать. В этом вакууме стали появляться различные национал – социализма, а понятие патриотизм стало воспользоваться с порой извращённым толкованием понятий, так же как и «Отечество», «гражданство», «патриотизм», «интернационализм», «национализм», «шовинизм», «фашизм», «сионизм», «антисемитизм», «космополитизм» и т.д. В столь сложной ситуации происходит забывание граждан России основ советского патриотизма, поскольку стало модным ругать советскую эпоху, и постепенное формируется нового – российского патриотизма, в котором должны органично сочетаться традиции героического прошлого российской империи, советского государства и сегодняшние условия жизни с учетом перспективных направлений развития социума в ближайшем будущем.

В.В. Путин выступая на различных форумах, говорит о том, что, к сожалению, само слово «патриотизм» «подчас используется в ироническом или даже ругательном смысле. Это не случайно, поскольку понятие «Родина» для многих граждан современной России связано с СССР, которого нет. Отрадно, что для большинства россиян оно сохранило свое первоначальное, полностью, исключительно позитивное значение.

В последнее время в обществе все более широко осознается крайняя опасность для будущего России потеря патриотических чувств, слово «патриотизм» вновь обретает свое высокое значение.

Как отмечают авторы в учебниках по политологии, Российский патриотизм — это отношение граждан к своей Родине — Российской Федерации, выражающееся в готовности служить ей и защищать ее. Это отношение к необъятным просторам страны, ее природным богатствам, героическому историческому прошлому и сегодняшним противоречивым реалиям, народам, ее населяющим, их национальному достоинств); культурам, традициям, соотечественникам [39, с.102].

«Дружба народов Российской Федерации – это взаимоотношения наций, народностей, основанные на идеях гуманизма, демократии и добрососедства. Она представляет собой и процессы воплощения этих идей в сфере межнациональных отношений, находящих свое практическое выражение в форме совместных согласованных созидательных действий, направленных на достижение единых целей» [39, с. 108].

Дружба народов России и российский патриотизм взаимосвязаны и взаимодополняют друг друга и абсолютно не противоречат. Это трактуется тем, что патриотизм к своему Отечеству, культуре, языку предполагает прежде всего толерантное отношение к другим народам и культурам. В нашем полинациональном обществе национальное (частное) и патриотическое (общее) сочетаются как общее и особенное. Патриотизм в этих условиях лишь обособляет национальности страны, сближает их. Примером является советская национальная политика в лучшие годы её проявления.

Российский патриотизм призван не противопоставлять народы страны, а объединять их в рамках единой Федерации, укрепляет их связи с народами СНГ и других зарубежных стран, тем более что страны содружества не забыли общесоветской системы сосуществования, в том числе и патриотической. В российском патриотизме формируется и отличное от советского принципа, в частности любовь к Родине со столицей Москва сочетается с его любовью к малой родине – посёлку, городку, субъекта федерации.

В российском патриотизме должны найти продвижения принципы общего народов России с национальной и российской историей, что по задумке реформаторов может стать фундаментом, основой, смыслом жизни россиян. В российском

патриотизме должно также сочетаться личное, присущее каждому гражданину (независимо от национальной и религиозной принадлежности) и общественное, связанное с развитием могущества страны, ее прогрессом, укреплением Федерации.

«Политологи отмечают, что цели образования и воспитания в многонациональном государстве формируются в соответствии с интересами этноконфессионального состава населения, характером взаимоотношений народов и национально-территориальных образований, входящих в федерацию. Эти цели, естественно, отражают уровень развития общества. При этом важно заметить, что свободное от диктата общество способно выдвигать реально достижимые цели, если оно пришло к пониманию того, что только хорошо осознанные перспективы намеченного дают педагогам верное направление, помогают им добиться успехов» [40].

Для России важнейшим является чувства дружбы народов и веротерпимости. Если хотите это государственная задача – воспитание культуры межнационального общения через социальные институты (семью, учебные заведения, учреждения культуры, СМИ). Государство обязано формировать межнациональные идеалы, которые стали бы привлекательными для Российской федерации.

Задачи воспитания вытекают из национальной, религиозной политике, а именно: любви к Отечеству – Российской Федерации и ее многонациональному народу; уважительного отношения ко всем народам Российской Федерации, к их истории, традициям, языкам, культурам, национальной чести и достоинству; любви к родному языку, культуре и истории своего народа; уважительного отношения к русскому языку как важнейшему средству межнационального общения и сближения народов России и СНГ, формирование чувства принадлежности к Содружеству Независимых Государств; уважения к международным нормам прав человека и народов, что предполагает формирование правового сознания и правовой культуры; глубокого уважения к Конституции и другим законам Российской Федерации; уважения к правам и свободам человека и гражданина, независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства и отношения к религии; глубокого уважения к общечеловеческим ценностям, торжество разума и гуманизма, обеспечение прав и свобод личности; уважения к мировым языкам и языкам межнационального общения, сопровождение этой работы разъяснением безусловного права всех народов на свободное пользование родным языком; уважения к национальному достоинству и чувствам людей, к их этническим взглядам и убеждениям; уважительного отношения к национальной и конфессиональной принадлежности человека, к этнокультурным и религиозным запросам людей; непримиримого отношения ко всем формам проявления национализма, шовинизма, расизма; воспитание ненависти к геноциду, апартеиду, проповеди фашизма и иной расовой, национальной или религиозной исключительности; веротерпимости и уважения религиозных чувств людей; уважения к положениям Конституции о том, что Россия является светским государством, где религиозные объединения отделены от государства и равны перед законом, всем гражданам гарантируется свобода совести и вероисповедания, образование носит светский характер.

Принципы патриотического воспитания вытекают из задач. Органы государственной власти и общественность руководствуясь принципами государственной национальной политики должны регулировать отношения народов страны, налаживать их совместную мирную жизнь, укреплять общую многонациональную основу.

Принципы патриотического воспитания составляют взаимосвязанную, целостную систему, руководствуясь которой педагоги обеспечивают эффективное выполнение целей и задач воспитания, воплощают в педагогическую практику содержание образования и воспитания при обязательном условии общественного и государственного регулирования деятельности учреждений образования и культуры, общественных организаций, СМИ и семьи по патриотическому воспитанию [41].

Среди основных принципов можно выделить:

- учет особенностей различных категорий населения по возрасту, социальному положению, роду занятий;

- развитие сложившихся дружеских отношений народов России;

- способствование развитию культур и языков народов Российской Федерации, в том числе и русских; содействие мирному разрешению межэтнических противоречий и конфликтов; предотвращение межнациональных конфликтов; сохранение самобытной культуры, языков, традиций и среды обитания коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока; учет в воспитании этнополитической ситуации Северного Кавказа, его историко-культурной специфи-

ки, особого геополитического положения и последствий вооруженных конфликтов;

овладение русским языком — средством межнационального общения и взаимосближения народов России и СНГ.

Следовательно, в концепции патриотического воспитания перечислены вечные и базовые национальные ценности – это свобода и справедливость, межнациональный мир и единство нации, семейные традиции и вера в Россию. Патриотизм связан с осознанием исторического бытия народа, так как Родина — это не только сегодняшняя страна, но и вся ее история: история ее культуры, ее духовного становления во времени. А наглядно отображает историю малой Родины, в первую очередь, музей с его экспонатами. Патриотизм, как многогранное по своему содержанию понятие, включает в себя: любовь к родным местам, почтение прошлого своей Родины.

Библиографический список

1. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка в 4-х томах. /М. Фасмер. М.: Прогресс, 1986.
2. Ожегов, С.И. Словарь русского языка. /С.И. Ожегов. М: Советская энциклопедия, 1970. – 900с.
3. Доктрина государственной молодёжной политики. АНО «Центр Молодёжного парламента»,[Электронный ресурс] 2002. Режим доступа // http: // www. Dumai. ru/ madrlibrery/ laws/ doktrina. html (дата обращения 6 мая 2016)
4. Зуева, И.В. Теория воспитательного коллектива в отечественной педагогике. Текст.: дис. . канд. пед. наук / И.В. Зуева. Пятигорск, 2004. – 179с.
5. Лутовинов, В.И. Гражданско-патриотическое воспитание сегодня /В.И. Лутовинов // Педагогика. 2006. – № 5. – С. 52-59.
6. Государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2001-2005 годы» (с приложениями) // Официальные документы в образовании. 2001. – № 9. – С. 2-35.
7. Дуничева, О.Н. Воспитание подростков на принципах культуры мира в детском общественном объединении: автореф. дис. . канд. пед. наук / О.Н. Дуничева. Комсомольск-на-Амуре, 2005. – 22с.
8. Концепция патриотического воспитания граждан Российской Федерации // Патриотическое воспитание. М.: Творческий центр Сфера, 2005. – С. 48-59.
9. Ильин, И.А. Сочинения в 10 томах Текст. /И.А. Ильин. М.: Просвещение. – 1993. – Т. 1.
10. Ильина, Т.А. Педагогика: учебное пособие для студентов педагогических институтов Текст. /Т.А. Ильина. М.: Просвещение, 1968. – 572с.
11. Караковский, В.А. Стать человеком. Общечеловеческие ценности основа целостного учебно-воспитательной процесса /В.А. Караковская. – М.: Просвещение, 1993.
12. Сухомлинский, В.А. Воспитание личности в советской школе /В.А Сухомлинский. Киев: Рад. школа, 1965. – 213 с.
13. Сухомлинский, В.А. Как воспитать настоящего человека /В.А. Сухомлинский. Москва: Педагогика, 1989. – 286 с.
14. Сухомлинский, В.А. О воспитании. Выдержки из книг и статей / Сост. С. Соловейчик. М.: Политиздат, 1973. – 272 с.
15. Филонов, Г.Н. Феномен гражданственности в структуре личностного развития / Г.Н. Филонов // Педагогика. 2002. – № 10. – С. 25 – 24.
16. Глазунова, И.Н. Патриотическое воспитание старшеклассников в учебно-воспитательной деятельности.: дис. . канд. пед. наук / И.Н. Глазунова. Липецк, 2002. – 184 с.
17. Горбова, М.А. Воспитание патриотизма у старшеклассников игровыми ifc средствами туристско-краеведческой деятельности: автореф. дисс. . канд.пед. наук /М.А.Горбова. М., 1999.-23с.
18. Дьяченко, В.В. Теория и практика патриотического воспитания учащихся в современной России /В.В.Дьяченко. М., 2001.

19. Дубинина, Н.Н. Педагогические условия патриотического воспитания подростков в деятельности молождёжных образовательных центров.: автореф. дис. . канд. пед. наук / Н.Н. Дубинина. Петрозаводск, 2005. – 25с.
20.Иванов, И.П. Два подхода к воспитанию и проблема воспитательных отношений /И.П. Иванов. Информационный центр и кафедра психологии КГПИ. 1996.-496с.
21. Константинов, С.А. Воспитание патриотизма и готовности к защите Отечества у учащихся средней школы.: дис. . канд. пед. наук / С.А. Константинов. -С-Пб., 2002. -213с.
22. Коробанов, В.А. Патриотическое воспитание молодёжи в условиях трансформации российского общества.: автореф. дис. . канд. полит, наук / В.А. Коробанов. -Саратов, 2005. 22с.
23. Лазарев, Ю.В. Национально-региональный компонент в формировании патриотически ориентированной личности старшеклассника.: дис. . канд. пед. наук /Ю.В. Лазарев. -М., 1999. -180с.
24. Макаренко, А.С. Сочинения в 3-х томах. /А.С. Макаренко. -Киев, 1984. Т.3, 575с.
25. Марзоев, С.Н. Теория и практика патриотического воспитания.: дис. . канд. пед. наук / С.Н. Марзоев. Владикавказ, 2000. -147с.
26. Матушкин, С.Е. Сущность и особенности патриотического воспитания в современных условиях Текст. /С.Е. Матушкин, Н.В. Ипполитова. Челябинск, 2000. – 153с.
27. Поддубный, Е.Н. Патриотическое воспитание школьников в изменяющейся России.: дис. ..... канд. пед. наук / Е.Н. Поддубный, – Ставрополь, 2004. 184с.
28.Аронов, А.А. Воспитываем патриотизм / А.А. Аронов // Дошкольное воспитание. 1998. – № 2. – С. 10-13.
29. Алиева, С.А. Военно-патриотическое воспитание старшеклассников на современном этапе.: дис. . канд. пед. наук / С.А. Алиева. -Махачкала, 2002. 185 с.
39. Михнёв, Н.Н. Национальные традиции как средство военно-патриотического воспитания молодёжи (в условиях поликультурного региона).: дис. . канд. пед. наук / Н.Н. Михнёв. Ставрополь, 2002. – 178 с.
31. Голев, А.Г. Воспитание патриотизма и культуры межнациональных отношений у старшеклассников. Текст. учеб.- метод, пособие по педагогике /А.Г. Голев; Пятигор. гос. лингвист, ун-т, Пятигорск, 1996. -55 с.
32. Башкатова, Н.П. Система патриотического воспитания в народной педагогике казачества: история и современность.: автореф. дис.д-ра пед наук / Н.П. Башкатова. Владикавказ,2005. – 22с.
33. Ефремова, Г. Народная культура и патриотическое воспитание школьников /Г. Ефремова // Воспитание школьников. 2005. – № 8. -С. 17-18.
34. Громова, Е. Развитие этнической толерантности в школе /Е. Громова // Воспитание школьников. 2006. – № 1. – С. 13-17.
35. Лутовинов, В.И. Гражданско-патриотическое воспитание сегодня /В.И. Лутовинов // Педагогика. 2006. – № 5. – С. 52-59.
36.Поляков, С.Д. Технологии воспитания. /С.Д. Поляков. М.: Владос, 2002.- 132 с.
37. Поляков, С.Д. Психопедагогика воспитания и обучения. /С.Д. Поляков. М., 2003. – 154 с.
38. Поляков, С.Д. Реалистическое воспитание. /С.Д. Поляков. – М.: Центр «Педагогический поиск», 2004. -176с.
39.Кобылянский, В.А. Национальная идея и воспитание патриотизма/ В.А. Кобылянский // Педагогика. 1998. – № 5. – С. 52-58.
40. Кукушин, В.С. История архитектуры Нижнего Дона и Приазовья. -Ростов н/Д: ГинГо, 1996.-275 с.
41. Ефремова Г. Патриотическое воспитание школьников /Г.Ефремов // Воспитание школьников – 2005 №8 – С. 17

Об авторе
Дворников Э. П. – кандидат исторических наук, доцент Горно-Алтайского государственного университета, заместитель главного редактора журнала «Мир Евразии»

Dvornikov E.P.

Patriotism: the history of the emergence of the concept and its formation in post-soviet society

Abstract. In the presented work, based on the existing literature, the problem of the emergence of the concept of patriotism, its varied interpretations and boundaries. Special attention was paid to the issue today, as the ideals of the Soviet past is gone, and the problem of formation of the Patriotic attitude of the younger generation to their Homeland is very serious and requires a quick solution

Keywords: patriotism, education system, modern society, public policy

Статья поступила в редакцию 11.11.2016

УДК 902

Б. А. Ердембеков

Междисциплинарные подходы в условиях изучения вопросов краеведения на примере культурного наследия Восточного Казахстана

Восточно-Казахстанский государственный университет им. С. Аманжолова, г. Усть-Каменогорск, Республика Казахстан

Аннотация. Автор на стыке междисциплинарных связей филологии и истории рассматривает возможности формирования культуроведческих навыков на примере историко-культурных памятников Восточного Казахстана, возможности. Выявляет концептуальные проблемы сохранности историко-культурного наследия, использования их в развитии туристического сектора на территории региона.

Ключевые слова: краеведение, персоналии, наследие, литература, региональный туризм

В условиях поиска национальной идеи, формирования Государственной программы «Мангилик Ель», «Народ в потоке истории» и пр., как никогда актуализируется история малой родины – история края. Некогда Н.М. Карамзин сказал: «Россия сильна провинцией». Эти же слова можно сказать и о нашей республике Казахстан. Все регионы нашей страны богаты и интересны своим культурно-историческим прошлым. Другой русский писатель – В.Г. Короленко был убежден, что человек непонятен вне окружающей его природы, передающей ему свой общий тон. По определению академика Д.С. Лихачева, «краеведение – самый массовый вид науки».

Краеведение – это и форма общественной деятельности, и метод познания, и средство творческого общения людей разных поколений и разного уровня образования, и путь воспитания уважения к традициям предков, родной земле, культурному наследию прошлого.

Известно, что Восточно-Казахстанская область (ВКО) богата различными историческими событиями, литературно – культурными памятниками, характеризующими общечеловеческую цивилизацию. Территория Юго-Западного Алтая, в том числе Восточного Казахстана была не только торгово-экономическим, финансовым, культурным центром, здесь возникали каганаты тюркских племен, вошедшие позднее в состав Казахского ханства. Восточный регион силу своего стратегического положения всегда играл значимую роль на магистрали трансконтинентального Великого Шелкового пути, связывавшего народы и государства континента. На основе межкультурных, социально-экономических связей именно здесь зарождались древнетюркские письмена. На этих письменах созданы древнетюркские памятники. Историко-культурное наследие тюркской письменности хранятся за пределами региона и республики – в Китае, Монголии, на территории РФ и т.д.

Восточный Казахстан представляет интерес по многим параметрам на стыке междисциплинарных связей для представителей многих научных направлений. Это связано с историей края, его промышленным потенциалом, природными ресурсами, туристическими возможностями, народонаселением, уникальным трансграничным положением.

С учетом инновационных подходов и реализации множества государственных программных положений, посланий Президента страны Н. Назарбаева, руководство Восточно-Казахстанской областью предпринимает реальные шаги по сохранению и воспроизводству культуры региона, его консервации и музеефикации.

Казахстан в составе Российской империи стал объектом исследовательских интересов русских ученых и путешественников, в частности в XVIII веке, в 1769 году одну из первых экспедиций в край возглавлял П. С. Паллас. Результатом данной экспедиции стал труд «Путешествие по разным провинциям Российской империи» (1773 год).

Крупным этапом изучения Казахстана стал выход в свет в 1832 году книги А. И. Левшина «Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких орд и степей».

В XIX веке среди исследователей Казахстана были ученые с мировым именем, такие как П.П. Семенов-Тянь-Шанский – глава Русского географического общества, исследовавший Центральный Тянь-Шань. Ученый путешествовал по Алтаю, Семиречью, Средней Азии. Под его руководством было составлено и издано многотомное исследование «Россия. Полное географическое описание отечества». Два тома из них: «Киргизский край» и «Туркестанский край» посвящены Казахстану и Средней Азии. В работе были описаны географические условия, природные богатства, история, быт казахов.

Географию, флору, фауну Казахстана, его природные ископаемые изучали Н.А. Северцев, И.В. Мушкетов и другие.

Несмоненный, значимый вклад в изучение края внес востоковед, тюрколог, этнограф, академик Петербургской академии В.В. Радлов (1837-1918 годы), изучавший обычаи, обряды, фольклор народов Алтая, северных областей Казахстана, Семиречье. Его труд «Образцы народной литературы тюркских племен» содержит значительное количество казахских сказок, фрагменты эпических произведений, лирику. Сбором данных по истории, этнографии, географии также занимались военные, чиновники русской администрации, политические ссыльные.

В развитии культуры и общественной мысли в Казахстане во второй половине XIX века важную роль сыграли научные общества и культурно-просветительные учреждения. Отделы Русского географического общества были открыты в Оренбурге (1868 год), в Омске (1877 год), затем – подотдел в Семипалатинске, а в 1897 году – отдел в Туркестане. Члены этих обществ издавали сборники, где публиковались материалы по истории, этнографии, географии. В них активно сотрудничала казахская интеллигенция.

Открытие Семипалатинского подотдела Западно-Сибирского отдела Русского Географического общества находится в тесной связи с историей Семипалатинского областного статистического комитета, организованного в 1878 году. Это было первое краеведческое учреждение в Семипалатинской области, занимавшееся изучением края. Первым секретарем и фактически руководителем комитета был политический ссыльный, последователь и ученик Н.Г. Чернышевского Е.П. Михаэлис. В Семипалатинске он служил с 1869 по 1882 г. и прекрасно изучил историю и культуру казахского народа.

Активные члены Семипалатинского статистического комитета –Герн В.К., Н.Я. Коншин, Г.А. Сопетов, В.И. Маевский – изучали нравы и обычаи казахов, изделия и технику домашних промыслов и ремесел, развитие оседлости и орошаемого земледелия. Преобладание в рядах комитета политических ссыльных, господство традиций Михаэлиса, Абая, Маковецкого обеспечили комитету плодотворные результаты в области изучения жизни и быта казахов и утверждения гуманного отношения к ним [1, с. 5].

Во второй половине XIX века в Казахстане были созданы областные статистические комитеты, которые публиковали «Обзоры» областей, содержащие материалы по статистике, истории, этнографии, культуре. В работе Семипалатинского областного статистического комитета принимал участие Абай Кунанбаев. Изучением Казахстана занимались и другие научные организации: Общество сельского хозяйства, любителей археологии и истории Востока, любителей естествознания, антропологии и востоковедения. В Казахстане стали открываться общественные библиотеки. Одна из первых публичных библиотек была открыта в 1883 году в Семипалатинске.

Позже были открыты учительские семинарии в Актюбинске, Верном, Семипалатинске, Уральске.

В исследованиях краеведческого характера отмечается большая роль Ч. Валиханова. Так, в 1855 году в качестве адъютанта генерал-губернатора Западной Сибири Гасфорта он принял участие в поездке от Омска до Заилийского Алатау, где закладывалось укрепление Верное. Во время этой поездки ученый собрал и обобщил богатый материал по истории, религии, обычаям, фольклору казахов.

В 1856 году Валиханов принял участие в экспедициях от Ала-Куля до Иссык-Куля, а также в Кульджу. По результатам этих путешествий были написаны: «Дневник поездки на Иссык-куль», «Записки о киргизах». Он записал также отрывки из знаменитого киргизского эпоса «Манас» и т.д.

Исследования Ч. Валиханова внесли ясность в историю практически малоизученных в то время таких регионов Центральной Азии, Семиречья, Кыргызстана, Восточного Туркестана. Ученый собрал уникальный материал по истории, этнографии, фольклористике, литературе, политическому, социальному и экономическому развитию этих земель.

Ч. Валиханов одним из первых ввел в научный оборот пласт исторических источников, как казахский и кыргызский эпос, фольклор. Ему принадлежит приоритет в постановке и разрешении ряда узловых проблем истории тюркских народов, таких как этногенез, социальная структура, политическое положение, национально-освободительная борьба, роль ислама в их жизни.

Восточный Казахстан имеет также богатую литературную историю, связанную с именами Абая Кунанбаева, Шакарима Кудайбердиева, Мухтара Ауэзова, Шакира Абенова, Сапаргали Бегалина, Арипа Танирбергенова, Мухтара Магауина, Калихана Алтынбаева, Нурлыбека Баймуратова, Каюма Мухамедханова, Михаила Балыкина, Семена Анисимова и многих других выдающихся казахских и русских писателей, включая великого классика русской литературы Ф.М. Достоевского, имя которого носят музей и русский театр г. Семей, польского исследователя А. Янушкевича и т.д.

Именно родная земля оказывается той пуповиной, которая связывает человека с другими людьми, определяет его физическое и духовное бытие, способствует формированию художественного мышления.

Напевы казахской степи стали основой формирования множества различных видов искусства. Песни и кюи, мелодии и поэмы, созданные на широких просторах страны, имеют свою, неповторимую, манеру исполнения, которая зависит от того, где, в каких краях они были рождены. Слова песен, напевы музыкальных сочинений, другие произведения искусства подпитываются, в первую очередь, красками природы родного края.

Изучая особенности литературы, краеведение способно активизировать в нем моделирующие возможности отечественной культуры, исходя из постулата о том, что, например, Семей издавна и традиционно считается духовным центром страны.

Научные основы историко-литературного краеведения связаны с общественной и культурологической деятельностью И.Я. Коншина, Е.П. Михаэлиса, Г.П. Потанина, Б.Г. Герасимова, братьев В.Н. и А.Н. Белослюдовых и других. Будучи членами Семипалатинского подотдела Западно-Сибирского отдела Русского географического общества, они внесли значимый вклад в дело изучения географии, геологии, этнографии, археологии, животноводства, административного хозяйствования и т.д. Именно они были организаторами проведения ряда мероприятий, посвященных памяти Абая Кунанбаева.

К 10 – летию со дня смерти поэта одна из выдающихся казахских женщин того времени, общественный деятель – Назипа Кульжанова, организовала и провела литературный вечер.

Первый вечер прошел в январе 1914 года в Русском географическом обществе. Об этом вечере за подписью «М.М.» свое впечатление оставил выпускник медресе «Галия» г.Уфы, учитель, журналист, автор «Нового казахского букваря» (1912), общественный деятель Мустакым Малдыбаев. Так, в опубликованной им в газете «Айкап» статье автор отмечает большую роль Назипы и Нургали Кульжановых в организации этого благотворительного вечера, упоминает учеников Абая – Турагула, Какитая, Шакарима и других, называя их талантливыми поэтами. Свои мысли автор заключает словами: «Мы надеемся, что такого человека как Абай, никто не забудет». Среди лучших номеров вечера, прошедшего в 1914 году, были отмечены выступления певца Альмагамбета и кобызиста Берикбая, которые относились к окружению Абая. Их выступления обнаружили не только высокий уровень исполнительского мастерств, но и вызвали неподдельный интерес участников и гостей вечера к казахской культуре.

Второй же вечер прошел в клубе приказчиков 13 февраля 1915 г.. Доброжелательные отзывы о первом вечере способствовали тому, что и на второй вечер собралось много народа. Об этих литературных вечерах писали в журналах «Ай-Кап», в газетах «Казак», «Семипалатинский телеграф» и другие.

На этом литературном вечере писатель Р. Марсеков, выступивший с докладом, посвященном казахской литературе, представил собравшимся отрывок из поэмы Шакарима «Калкаман – Мамыр». В заключении своего выступления Р. Марсеков дал высокую оценку роли Абая в казахской литературе: «После смерти Абая начался третий период развития литературы. С тех пор, как молодое поколение начало брать пример с Абая, наша литература стала развиваться в нужном направлении».

Поводом для подробного рассматрения данных вечеров, организованных и проведенных супругами Н. и Н. Кульжановыми, стало то обстоятельство, что основными участниками этих вечеров стали акыны, певцы, музыканты – ученики Абая. В истории и абаеведении эти литературные вечера навсегда останется большим культурным явлением.

Спустя 10 лет, в декабре 1924 г., по случаю уже 20-летия со дня смерти Абая, также прошел литературный вечер, где были прочитаны докла-

ды: «Место Абая в киргизской литературе» М. Ауэзовым, «Биография Абая» – Х. Габбасовым. Выступления известных ученых также вызвали большой интерес и желание знать и изучать культуру края.

Дальнейшее изучение края (история, культура, литература, образование, социальные аспекты) связано с именами Ш. Кудайбердиева, Турагула Кунанбаева, М. Ауэзова, А. Бокейханова , Ж. Аймаутова, Н. и Н. Кульжановых и др. В работах современных исследователей М. Касымбаева, В. Кашляка, М. Каримова, А. Исина и других наблюдается попытка исследования Восточного Казахстана с позиций историко-политических преобразований, происходящих в стране [1].

На текущий день есть много ученых филологов, историков, исследующих на стыке междисциплинарных связей наследие казахской литературы, в частности к ним можно отнести таких ученых, как Смагулову А.Т. (К.Мухамедханов) [2], Мухажанову Р.М. (М.О.Ауэзов) [3], Мукашева Е.С. (У. Шондыбаев) [4], Толебаевой К.Т. (К. Алтынбаев) [5], Ердембекова Б.А. (Поэты – ученики Абая) [6], Сейсекеновой А.Б. (Шакарим Кудайбердиев) [7], Кабышева Т.Б. (Т. Жомартбаев) [8], Турысбековой Ж.К. (Т.Кобдиков) [9], Аитовой Ж. (А.Найманбаев) [10], Аубакира Ж.М. (К. Жанатайулы) [11] и других, восстанавливающих культурно-исторический и литературный ландшафт Восточного Казахстана.

Вместе с тем комплексное представление о литературном и историческом процессе ВКО, его наследии как части отечественной культуры, на наш взгляд, нет. Поэтому важно способствовать всемерному сохранению литературы края как части богатейшей сокровищницы казахской литературы и культуры, что в свою очередь, соответствует задачам Концепция стратегической национальной программы «Культурное наследие» и является важным шагом в ситуации, когда общество переживает дефицит духовности [12].

Историческое и литературное наследие области не исчерпывается памятниками, находящимися в его центральной части, а простирается значительно шире, охватывая обширную историко-географическую зону.

Сложившаяся в обществе и сфере образования социокультурная ситуация, процессы гуманитаризации, гуманизации, происходящие в общеобразовательной и высшей школе, попытки создать условия для формирования у учащихся и студентов ценностных отношений к достижениям культуры, потребность в интеллектуальной и духовной деятельности, в самообразовании и саморазвитии необычайно актуализируют проблему использования краеведенияв литературном и историческом образовании.

Краеведение может сыграть особую роль в актуализации ценностей отечественной культурной традиции и активно влиять на процесс воспроизводства культуры в РК, активизировать интерес к литературе и чтению и тем самым составить альтернативу массово-информационной культуре.

Восточный Казахстан является привлекательной зоной для развития познавательного туризма, доступного внешним и внутренним потребителям. Наиболее востребованным этот вид туризма является для привлечения иностранных инвестиций, для создания благоприятного экономического климата в регионе, так как уникальное расположение в сердце континента дает возможность воссоздать и представить миру неповторимую историческую модель цивилизации кочевников Алтая, а туристический кластер должен стать высокоприбыльным сектором в экономике области и республики в целом, направленный на решение проблем занятости сельского населения, привлечение молодежи в село, развитие малого и среднего бизнеса, укрепление внешнеэкономических связей Восточного Казахстана.

ВКО как географическое пространство сегодня вступает в новый этап консолидации социума, делает большие шаги на пути к конкурентоспособности и международного сотрудничества. В этом направлении представителями приграничных государств осуществляется социально-экономическая и культурная интеграция в рамках маршрута «Алтай – Золотые Горы». Данный тур является трансграничным, вокруг горной системы Алтай, пролегающий по приграничной территории России, Монголии, Китая и Казахстана.

В 2001 году была принята Концепция развития туризма в РК, согласно которой определены точки роста туристического сектора в Восточном Казахстане – Верхне-Бухтарминский район, включающий отдельные пункты: с. Катон-Карагай, с. Берель, курорт Рахмановские ключи, р-н оз. Маркаколь и т.д.

Практика развития этих пунктов указала на дальнейшие перспективы в укреплении достигнутых экономических результатов, на основе которых были разработаны проекты по реализации Государственной программы развития туризма в РК на 2007-2011 годы. [13].

Важным методологическим видением решения задач по развитию туризма в Казахстане, особенно на этапе его становления, является формирование познавательной ниши на базе истори-

ко-культурных объектов региона. Это позволит интегрировать в единую систему разные направления науки: географию, экологию, экономику, историю Казахстана, этнографию, археологию, социологию и др.

Историческая и литературная наука XXI века не может находиться в стороне от глобальных процессов внедрения инноваций и новых технологий на практике, она имеет большой потенциал для инкорпорации в мировое научно-технологическое и инновационное пространство.

Одним из таких направлений работы является участие в развитии туристического сектора страны на основе историко-культурного и литературного наследия. Сегодня необходимо: комплексное исследование историко-культурных и литературных памятников региона; проведение комплексного культурологического исследования литературного краеведения на материале произведений поэтов и писателей ВКО; экспедиционное исследование районов ВКО на предмет выявления исторических и литературно-культурных объектов; разработка рекламных проспектов и видеотуров по туристическим (историко-литературным) маршрутам региона; создание программы и определение маршрута экспедиций, туристического маршрута по литературным и историческим местам (Жидебай, Борли, Аягуз, Коныр-аулие, Маканши, Бескарагай и др.); внедрение в учебный процесс средних школ и гуманитарных специальностей вузов элективных курсов по историческому и литературному краеведению; подготовка материалов для энциклопедии «Историко-литературные памятники ВКО» и т.д. Эти и другие насущные задачи стоят сегодня перед отечественными учеными.

Библиографический список

1. Избранные труды семипалатинских краеведов: 1903–1929 гг./ КГУ «Центр документации новейшей истории» Управление архивов и документации ВКО, научный центр исторических и социально-политических исследований им. М. Козыбаева, СГПИ. – Семей, 2012.
2. Смагулова А.Т. Каюм Мухамедханов: Семей, 2009.
3. Мухажанова Р.М. Мухтар Ауэзов и Семей. // Семей университеті. – Семей, 2004. – 192 с.
4. Мукашев Е.С. Уаис-акын // Семей, – 2008, 180 с.
5. Толебаева К.Т. Собрание сочинений Калихана Алибаеваа. – Алматы, 2009.
6. Ердембеков Б.А. Литературная среда Абая. – Семей, 2010. – 307 с.
7. Сейсекенова А.Б. Шакарим и Гете. Семей, 2004.
8. Кабышев Т.Б. Казахское просвещение в начале XX века. Усть-Каменогорск, 2012
9. Турысбекова Ж. К. Толеу Кобдиков. Семей, 2003.
10. Аитова Ж. Ж. Асет Найманбаев. Семей, 2006.
11. Аубакир Ж.М. Кокбай Жанатайулы. Произведения: стихи, айтысы, дастаны // Составитель Ж. Аубакир. – Алматы, «Информ-Арна», 2001. – 200 с.
12. Концепция стратегической национальной программы «Культурное наследие» на 2009–2011 гг.
13. Государственная программа развития туризма, Астана, 2001.

Об авторе

Ердембеков Б. А. – доктор филологических наук, профессор Восточно-Казахстанский государственный университет им. С. Аманжолова (г. Усть-Каменогорск, Республика Казахстан)

Erembetov B.A.

Interdisciplinary approaches in the context of the study of history example of the cultural heritage of East Kazakhstan

Abstract. The author at the junction of the interdisciplinary connections of history and Philology considers the possibility of forming cultural skills on the example of historical and cultural monuments of Eastern Kazakhstan, features. Identifies the conceptual problems of preservation of historical and cultural heritage, their use in the development of the tourism sector in the region.

Keywords: local history, personalities, heritage, literature, regional tourism

Статья поступила в редакцию 27.09.2016

УДК 902

Б. Р. Зориктуев

К вопросу об этнических предшественниках тюрков и монголов

Институт монголоведении, буддологии и тибетологии СО РАН, г. Улан-Удэ

Аннотация. В статье, на основе разнохарактерных источников рассматривается весьма неоднозначно трактуемый исследователями вопрос об этнических предшественниках современных тюркских и монгольских народов. Объективный и непредвзятый анализ имеющихся источников дает основания говорить, что этногенез тюрков восходит к группам «тукю» и «теле», а от них – к «хунну». Исходя из такого рода посылки, можно утверждать, что монголы являются потомками средневековых этносов «сяньби» и «жужань», предками которых была древняя общность «дунху».

Ключевые слова: тюрки монголы, хунну, дунху, Центральная Азия

Для того, чтобы разобраться в вынесенном в заголовок статьи вопросе, необходимо вначале уяснить несколько достаточно простых, но в то же время очень важных моментов. Прежде всего, необходимо определиться с употреблением понятий «монгольский(е) народы» и «монголоязычный(е) народ(ы)». Первым термином, т.е. «монгольские народы» (реже, в зависимости от контекста, *монголоязычные народы*) обозначаются современные монгольские народы, относящиеся к центральноазиатскому типу североазиатской расы большой монголоидной расы и говорящие на монгольских языках алтайской семьи. Всего сейчас существует около 20 монгольских народов, которые живут в пределах трех стран: Монголии, России и Китая, – это халха, мингаты, дурбэты, захчины, буряты калмыки, дунсяне, баоани, дагуры и др. Исследователи полагают, что все они возникли после XIII-XIV вв. в результате распада империи Чингис-хана и единой монгольской суперэтнической общности. Ядром суперэтноса были племена Трехречья (я их назову *собственно монголами* или просто *монголами*), которые самыми первыми приняли самоназвание *монгол* и в конце VIII в. заселили земли в верховьях Онона, Керулена и Толы. После того как прекратила свое существование монгольская империя, монголы Трехречья стали основой халхаской народности. Поэтому халхасцев по праву следует считать основой всего современного монгольского мира.

Что касается этнических предшественников нынешних монгольских народов, то их правильно будет называть *монголоязычными народами*. Эти народы говорили на разных диалектах древнемонгольского языка, но существовали до появления собственно монголов и потому монголами не назывались. К монголоязычным народам средневековья относились дунху, сяньби, тоба, кидань, жужань, цифу, кумоси и др. Применять по отношению к ним названия монголы или монгольские народы неверно, хотя с подобным мнением нередко приходится встречаться даже в работах специалистов-историков.

Этногенез всех монголоязычных народов восходит к дунху. Об этом говорят китайские хроники, которые на сегодняшний день остаются самыми надежными источниками для определения этнической принадлежности народов Центральной Азии. При династии Хань выдающийся китайский историк Сыма Цянь (145? – 87 гг. до н.э.) впервые включил в официальную историю главы, посвященные соседним государствам и народам. Это нововведение превратилось в традицию, и во всех последующих официальных историях, за исключением отдельных сочинений, имеются аналогичные главы.

Начиная с Сыма Цяня, китайские историки делят северные народы на три большие этнические группы – хунну (сюнну), дунху и сушэнь, что совпадает с принятым в настоящее время в науке делением этих же народов на тюркоязычные, монголоязычные и тунгусоязычные [Материалы. С. 4].

Название дунху появилось в Китае в период Чжань-го (403-221 гг. до н.э.). Термином *ху* китайцы в рассматриваемое время называли хунну, в то время как термин *дунху* (букв. *вост. ху*)

возник в результате того, что дунху жили к востоку от хунну. Вполне возможно, что под дунху имелось в виду не одно, а целый ряд этнически родственных племен, наименования которых не сохранились в китайской истории.

В 209 г. до н.э. дунху потерпели сокрушительное поражение от хуннуского правителя Маодуня, в результате чего им пришлось покинуть родные кочевья. Одна часть бежавших на север дунху стала называться сяньби, другая – ухуань. В истории Центральной Азии чрезвычайно велика роль сяньбийцев. Почти весь дальнейший процесс формирования монголоязычных народов определялся той или иной группой сяньби, которой удавалось объединить этнически родственные племена, а затем и подчинить своему влиянию все население Центральной Азии. В связи со сказанным большое значение приобретает свидетельство китайских источников о родстве сяньбийского подразделения тоба с монголоязычным народом жужань [Материалы. С. 47-48]. Этот факт говорит о том, что сяньби, жужани, а затем современные монголы [Зориктуев. С. 52] являются прямыми генетическими преемниками и носителями этнокультурных традиций дунхусцев.

Поскольку все средневековые монголоязычные народы образовались от дунху, то тогда дунхусцы были самой ранней известной по письменным источникам монголоязычной общностью Центральной Азии. Если по отношению к сяньби и жужань дунхусцы являются протосяньбийским и протожуаньским этносом, то по отношению к современным монголам – протомонгольским. В свою очередь, сяньбийцы и жужани по отношению к монголам также будут протомонгольскими этносами второго и третьего порядков. Протомонголами нельзя назвать киданей, которые не являются предками монголов и представляют собой боковую ветвь сяньби.

По данным «Цидань го чжи» в составе киданей был род дахэ [Е Лун-ли. С. 311], который часто отождествляется с предками современной народности дагур. В то же время по сообщению «Цзю Тан шу» род с похожим названием дагоу был в составе этнической группы шивэй [ЦзюТан шу. С. 5356]. По материалам «Суй шу», «Цзю Тан шу» и «Синь Тан шу» группа шивэй была ветвью киданей [Материалы. С. 136, 137, 139]. Но основное ядро шивэйцев по своему происхождению, вероятно, было связано с сяньби. Эта точка зрения соответствует логике имевших место в истории сяньбийцев событий, не случайно она превалирует в современной российской и китайской историографии. После разгрома от хунну и ухода на север дунхусцев центром тех племен, которые позже получили известность как сяньби, стал северо-запад Маньчжурии. Об этом можно судить по тому, что в горах Большого Хинганского хребта в местности Гашань существует внушительная по размерам каменная пещера, служившая сяньбийцам, как свидетельствуют летописи и высеченная на стене пещеры надпись, храмом для жертвоприношений предкам. В таком случае вполне законно предположение, что северная половина Большого Хингана, где располагался этот каменный храм сяньбийцев, в древности называлась Да Сяньбишань (Большие Сяньбийские горы). Данный ороним явился основой для возникновения этнонима сяньби [Чжао Юэ. С. 7-10; Ми Вэньпин. С. 59-60].

При правителе Туйине началось, а при Цифене в первых веках нашей эры завершилось переселение значительной части сяньбийцев на юг на бывшие хуннуские земли. Оставшиеся на севере сяньбийские племена стали складываться в этническую группировку шивэй. Существует предположение, что шивэй является поздней формой термина сяньби [Ми Вэньпин. С. 59; История. С. 342, прим.17]. В свете сказанного не исключено, что род дагоу и его возможные потомки дагуры имеют сяньбийско-шивэйское происхождение, а кидани являются тупиковой ветвью на этногенетическом древе средневековых монголоязычных народов. Этот сложный вопрос нуждается в дальнейшем исследовании.

Довольно часто встречается утверждение, что монголы произошли от хунну. Я согласен с мнением, что в этническом и языковом отношении племена, входившие в состав державы хунну, были неоднородны. Но для нас важен вопрос: что из себя представляли собственно хунну. Прежде всего надо сказать: «Чжоу шу», «Суй шу», «Синь Тан шу» и другие китайские хроники единодушны в том, что из состава хунну вышли туцзюэ, т.е. тюрки-тукю, которых в научной литературе принято еще называть древними тюрками. Принимая этот факт, многие исследователи тем не менее не принимают его во внимание при определении этнической принадлежности хунну. По данным «Вэй шу», «Синь Тан шу», «Танхуйяо», «Вэньсяньтункао» и других источников вторую ветвь хунну составляли племена теле [Бичурин. С. 214, 301; Кюнер. С. 36, 38, 39]. Отдельные исследователи полагают, что телесцы имели смешанный тюрко-монгольский этнический состав, а некоторые и вовсе считают телесцев древними монголами. Так, Ц.Б. Цыдендамбаев, обосновывая свою гипотезу о происхождении этнонима бурят от тюркского слова *bori* – «волк», писал:

«Прежде всего заслуживает внимания то обстоятельство, что еще со времен сяньбийцев, то есть с III-IV веков н.э., существовала легенда о волчьем происхождении части протомонголов. Этому вполне импонирует то, что позже некоторые монгольские племена и отдельные легендарные предки монголов соответственно носили название и имя чино – «волк» [Цыдендамбаев. С. 275]. В подтверждение своих слов он привел содержащуюся в труде Н.Я.Бичурина известную легенду из «Вэй шу» о двух дочерях хуннуского шаньюя, одна из которых вышла замуж за волка и родила сына, потомство которого размножилось и составило государство. Судя по всему, Ц.Б.Цыдендамбаеву наиболее импонировала концовка легенды, в которой говорится о том, что живущие в том государстве люди любят продолжительное пение или воют, подобно волкам, и добавление, сделанное в примечании к этому месту легенды самим Н.Я.-Бичуриным: «Монголы и ныне поют песни протяжно и жалобным голосом, точно как воют» [Бичурин. С. 215, прим.1]. Поэтому не удивительно, что он, опираясь не столько на саму легенду, сколько на добавление Н.Я.Бичурина, предположил, что в легенде о дочерях шаньюя волк и его потомство олицетворяют сяньбийцев.

Между тем Н.Я.Бичурин в пояснении к переведенной им легенде указал, что сын дочери шаньюя, основатель Дома хойху (уйгуров) – главного этнического подразделения теле, по отцовской линии как раз принадлежал к племенной группе теле [Бичурин. С. 213]. Ц.Б.Цыдендамбаев, конечно, знал этот комментарий. Но, тем не менее он, может быть, под влиянием труда Н.Я.Бичурина, одним из самых существенных недостатков которого было отождествление этнической принадлежности древних народов с этнической принадлежностью современного населения тех же районов [Бичурин. С. XXXVIII], поставил знак тождества между теле и сяньби, что фактически означало отнесение телесцев к числу монголоязычных этносов.

Кто же по своей этнической принадлежности были теле, если тюрками были вышедшие вместе с ними из состава хунну туцзюэ? Хотя ответ очевиден, все же приведу несколько данных из письменных источников. Их немного, и все они свидетельствуют не о монгольском, а о тюркском происхождении теле. Весьма характерный пример содержится в «Цзю Тан шу». Если в одном месте этого источника указано, что исток р. Ванцзяньхэ (Аргуни и Амура) находится к северо-востоку от хуйхэ, т.е. хойху, то в другом месте слово *хуйхэ* заменено термином *туцзюэ* [Цзю Тан шу. С. 5356]. В памятниках более раннего времени этническая принадлежность теле указана более конкретно. «Бэй ши» сообщает, что теле (баегу, пугу, тунло, вэйху и др.) – потомки хунну. Они относятся к туцзюэ [Бэй ши. С. 3303]. Аналогичная и в то же время более развернутая информация имеется в «Суй шу»: «Теле (баегу, пугу, тунло, вэйху и др.) являются частью туцзюэ. Обычаи их сходны» [Суй шу. С. 1880].

Источники показывают, что термин *теле* был фактически синонимичен термину *туцзюэ*. Это означало, что для китайцев принадлежность телеских племен к тюркским никогда не вызывала сомнения. Если в свете сказанного обратиться к главнейшему признаку этничности языку, то можно сказать, что язык основного племени телеской конфедерации хойху (уйгуров) был таким же, как у хунну и их ближайших потомков туцзюэ. Сказанное подтверждается уйгурскими и тюркскими руническими памятниками VIII-IX вв., где впервые зафиксированы связные тюркские тексты [Викторова. С. 121]. Приведу другой факт. Известно, что тотемом туцзюэ (тюрков-тукю) был волк. Однако, как хорошо видно из легенды из «Вэй шу» о дочерях шаньюя, одним из основных тотемов теле тоже был волк. Наличие общего тотемического предка дает основание предположить, что в этногенетическом плане туцзюэ и теле некогда составляли единый этнический организм. В таком случае туцзюэско-телеский этнокультурный слой, определяемый как тюркский, был древнейшим в обществе хунну.

Изложенные факты, несмотря на свою немногочисленность, позволяют подвести итог. Если туцзюе и теле по своей этнической принадлежности были тюрками, то тюрками, точнее, прототюрками были и их этнические предшественники хунну. Отсюда логически вытекает другой вывод: если хунну были прототюрками, то обитавшие восточнее их дунху – протомонголами.

Современные монголы, как самостоятельный этнос, сформировались после жужаней, продолжая линию генетической преемственности от дунху. Поэтому разработка проблемы происхождения монголов – это изучение процессов сложения новой общности на базе первоначального жужаньского этнокомпонента, возникновения у нее устойчивого этнического самосознания и самоназвания, получивших развитие в хронологических рамках древнетюркского периода. В целом исследование этногенеза монголов сводится к раскрытию проблемы Эргунэ-куна, которая по своей научной значимости является одной из ключевых в мировом монголоведении [Зориктуев. С. 47-48].

Библиографический список

1. Бичурин Н.Я. (Иакинф) Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. I. М.;Л., 1950.
2. Викторова Л.Л. Монголы. Происхождение народа и истоки культуры. М., 1980.
3. Е Лун-ли. История государства киданей (Цидань го чжи). Пер. с кит., введ, комм. и прил. В.С.Таскина. М., 1979.
4. Зориктуев Б.Р. Об этимологии этнонима *монгол* // Восток (Oriens). 2011. № 1. С. 47-57.
5. История Тувы. Т. I. Изд. 2-е. Новосибирск, 2001.
6. Кюнер Н.В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М., 1961.
7. Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху. Введ., пер. и комм. В. С. Таскина. М., 1984.
8. Цыдендамбаев Ц.Б. Бурятские исторические хроники и родословные. Улан-Удэ, 1972.
9. Ми Вэньпин. Сяньби, шивэй цзумин шии. Хулуньбэйэр вэньу (нэйбу каньу). 2000, № 5.
10. Чжао Юэ. Цзи нянь сяньби ши ши фасянь эрши чжоунянь. Хулуньбэйэр вэньу (нэйбу каньу). 2000.
11. Бэй ши (История северных [династий]). Пекин, 1973.
12. Суй шу (История [династии] Суй). Пекин, 1973.
13. Цзю Тан шу (Старая история [династии] Тан). Пекин, 1959.

Об авторе

Зориктуев Б. Р. – доктор исторических наук, профессор. Заведующий отделом истории и культуры Центральной Азии. Институт монголоведении, буддологии и тибетологии СО РАН, г. Улан-Удэ

B.R. Saryctuev

To the question about the ethnic predecessors of the turks and mongols

Abstract. In the article, on the basis of diverse sources is considered very ambiguously interpreted by the researchers is the question about the ethnic predecessors of the modern Turkic and Mongolian peoples. Objective and unbiased analysis of the available sources gives grounds to say that the ethnogenesis of the Turks goes back to groups «, tucu» and «body,» and from them to the «Xiongnu». Based on such premise, it can be argued that the Mongols are descendants of medieval ethnic groups «xianbi» and «Zsuzsanna» whose ancestors were the ancient community «Donghu».

Keywords: the Turks, the Mongols, the Xiongnu, Donghu, Central Asia

Статья поступила в редакцию 17.10.2016

УДК 93/908

Ю. А. Крейдун

Алтайская духовная миссия: наследие, традиции, деятельность

Барнаульская духовная семинария, г. Барнаул

Аннотация. В статье автор описывает основные тенденции и аспекты культурного и духовного просвещения народов Алтая, а также роль в этих процессах Алтайской духовной миссии, позволившей Горному Алтаю органично войти в состав Российской империи.

Ключевые слова: Алтайская духовная миссия, православие, Горный Алтай, миссионерская деятельность, просвещение, культуризация

Горный Алтай широко известен далеко за пределами России как один из немногих уголков, относительно не тронутых человеком. Сегодня для современников Алтай, в первую очередь ассоциируется с чистотой первозданной природы, горным воздухом, туристическими базами и курортами. Действительно, край высоких скалистых гор и голубых озер, пещер и ледников, раскинувшихся на площади примерно в 100 тысяч квадратных километров, – настоящая жемчужина Сибири. Редкое место на земле сравнится с Алтаем по красоте и неповторимому природному великолепию. В красоте Алтайских гор присутствует особый, сибирский колорит. Но для нас, прежде всего Алтай, Горный Алтай, интересен как место апостольского подвига десятков и сотен сотрудников Православной миссии на протяжении почти ста лет.

К сожалению, сегодня мало кто обращает внимание на то, что богатство края не только в неповторимой природе, но и в особой духовной атмосфере, с древнейших времен, привлекавшей представителей разных религий. Многие столетия здесь бок о бок живут татары, калмыки, киргизы, русские и другие народы. В числе наиболее распространенных религиозных традиций можно назвать буддизм, ислам, шаманизм и, конечно же, православие. На Алтае не было каких-либо серьезных конфликтов на религиозной почве. Это говорит об особом, в целом, миролюбивом характере местных жителей. Они любят природу, ценят ее сокровища и дары. И это не удивительно. Ведь их жизнь, так или иначе, зависела от тайги, пастбищ, рек. Здесь было и жилище, и пропитание.

Сложный и неоднозначный процесс включения Сибири в состав Русского государства имеет принципиальные отличия от колонизации, например, европейцами американского континента. Последняя сопровождалась уничтожением памятников культуры аборигенов, их физическим истреблением. В Сибири всё было иначе: коренное население, благодаря общению с русским народом, усвоило прогрессивные трудовые навыки, бесписьменная культура многих народностей сменилась письменной. С XVII в. их общая численность увеличилась в четыре раза. Вхождение Сибири в состав России означало ликвидацию её изолированности в экономике, политической жизни и культуре коренных жителей этого региона [Демидов, 1996, с. 12; История..., 1937, с. 7], в т.ч. и алтайских кочевников. Так, Л.П. Потапов утверждал, что вхождение алтайцев в состав Русского государства было «исторически перспективным событием», так как из соседствующих с Горным Алтаем территорий Россия обладала наиболее высокой культурой [Потапов, 1953, с. 182-183].

Одновременно с присоединением Сибири к Русскому государству началось и распространение здесь православия: ведь те, кто приходил на земли «иноверцев», были носителями христианской культуры. Наибольший же размах миссионерской деятельности на юге Западной Сибири был достигнут лишь в XIX-м столетии, когда была образована Алтайская духовная миссия. Воистину сказано в Священном Писании: «Сила Божия в немощи совершается». Так произошло на Алтае. Основателем Миссии в отдаленном, труднодоступном регионе стал весьма болезненный, но пламенеющий жаждой просвещения и благословленный на то Церковью преподобный Макарий Алтайский.

Деятельность Алтайской духовной миссии охватывала ряд регионов юга Западной Сибири,

а именно Алтая, Шории, Хакасии. К 1917 г. общее количество миссионерских селений составило 434. В них проживало 46 729 крещеных жителей. В каждом из тридцати одного отделения находилась самостоятельная церковь. Кроме того, в миссионерских станах было 11 приписных храмов, 47 молитвенных домов и 10 часовен. Помимо богослужебных учреждений, на территории Алтайской миссии действовали архиерейское подворье, шесть миссионерских монастырей и общин, а также целый ряд благотворительных учреждений. К объективным трудностям православной миссии на Алтае следует добавить низкую плотность населения, отсутствие всесезонных путей сообщения и какой-либо инфраструктуры, а также относительно суровый климат сибирских гор. Тем не менее, созданная фактически с нуля структура миссионерских учреждений охватывала все стороны жизни населения Алтая: религиозные потребности, хозяйственно-бытовые нужды, образование, благотворительность. Еще раз подчеркнем – упорядочение и развитие структуры Миссии не было следствием какой-либо госпрограммы. Бюджетное финансирование в лучшем случае покрывало скромное жалование небольшого числа сотрудников, остальное – строительство храмов, школ, миссионерских домов, церковная утварь и другое изыскивалось на добровольные пожертвотвования.

В Алтайской миссии трудились выдающиеся благовестники и пастыри, чьи имена и масштабы деятельности выходят далеко за её пределы. Это, в первую очередь, основатель миссии – преподобный архимандрит Макарий (Глухарев), не только известный миссионер, но и ученый-лингвист, сыгравший большую роль в создании русского перевода Библии. Ныне он прославлен в лике святых (память 18 мая и 7 сентября ст.ст.). Это и святитель Макарий (Невский), прошедший путь от рядового катехизатора до иерарха Первопрестольной – митрополита Московского и Коломенского (память 16 февраля). Всего из рядов Алтайской миссии вышли более десяти иерархов Русской Православной Церкви. Можно говорить, что Миссия стала своеобразной кузницей кадров, где не в учебных аудиториях, а на практике миссионерского служения формировались личности и характеры. Особенности служения в Горном Алтае требовали чрезвычайной самоотдачи и напряжения всех моральных и физических сил, что, в свою очередь, приводило к полному раскрытию талантов и способностей сотрудников.

За время после официального вхождения Горного Алтая и сопредельных территорий в состав Российской империи (с 1754 г.) можно указать целый ряд исторических вех, которые могут считаться совместными достижениями русского народа и народов юга Западной Сибири. Это преодоление зависимости от Цинской империи, грозившей геноцидом целому ряду малых народностей региона, появление письменности, рождение местной интеллигенции, появление высокохудожественных работ в области литературы, изобразительного искусства, народных промыслов и архитектуры. Все это способствовало не только возникновению новых форм регионального искусства, но и возможности фиксации, сохранения и изучения исконной традиционной культуры алтайских народов, в частности, обширного по содержанию и временному охвату народного эпоса. Русская православная церковь на протяжении всей своей истории являлась оплотом здравого патриотизма, всегда выступая за единство народа и целостность государства. Этому, прежде всего, способствовала идейная основа вероучения, подразумевающая многонациональность и мирное сосуществование с различными культурами и представителями иных религиозный традиций. В Горном Алтае и нескольких сопредельных территориях Шории, Хакасии, Тувы за почти столетнюю историю деятельности миссионеров православие укоренилось настолько, что стало неотъемлемой частью жизни местного населения.

Алтайские миссионеры, подобно Кириллу и Мефодию, не ограничивались в своей деятельности крещением туземцев и построением простейших молитвенных домов. Наряду с богослужением значительное распространение получило просвещение и образование. Общее количество организованных учебных заведений в рамках деятельности Алтайской духовной миссии было близко к числу всех храмов и молитвенных домов. Практически в каждом миссионерском селении, где заводился стан с богослужебным зданием, существовала как минимум школа грамоты. В этом проявилось стремление просветителей сделать доступным для новообращенных не только обряд, но и смысл проповедуемого учения. Вместе с тем, священные тексты переводились на местные наречия, это делало понятным содержание вероучения буквально на первых этапах проповеди.

Таким образом, осуществлялось приобщение не только к религиозной библейской культуре, но и к искусству, и русской культуре в целом. Русский язык явился средством общения и культурного обмена. Это, в свою очередь, сыграло значительную объединяющую роль, как для отдельных народов, так и для страны в целом. Единство бескрайних просторов Российской империи требовало наличия столь мощного связующего фактора.

Обратим внимание на ещё один важный факт. Вместе с крещением и получением грамоты менялся образ жизни, «инородцы» приобретали новые для себя навыки ведения домашнего хозяйства, земледелия и хлебопашества. Это приводило к распространению среди коренного населения оседлости. Искусственной интенсификации данного процесса не предпринималось. Об этом говорил, в частности, начальник Миссии архимандрит Владимир (Петров): «принудительные меры к перемене образа жизни, кочевого быта на оседлый не только были бы бесполезны, но и фактически для миссии невозможны» [Миссионерство..., 1886, с. 47]. В 1870 г. из пяти тысяч новокрещеных более половины еще сохраняли кочевой образ жизни. Таким образом, христианизация в понимании алтайских миссионеров не отождествлялась с обязательной оседлостью. При этом были обстоятельства, которые косвенно стимулировали желание новокрещеных селиться в миссионерских селениях. Первое. Весьма частым явлением был отказ родственников-язычников от связей с новокрещеным. Принятие крещения для молодого человека, например, могло привести к потере места проживания, потере наследства, потере средств к существованию. В таких случаях материальная помощь Миссии становилась единственной возможностью выжить. Второе. Беднейшие семьи, принимавшие крещение, получали возможность обзавестись более обширным хозяйством, поэтому проживание в миссионерском селении становилось предпочтительнее. Третье. Некоторые новокрещеные семьи селились в миссионерских селениях, поскольку таковые, как правило, заводились на землях, удобных для пахоты, сенокошения и пастбищ. Это гарантировало определенную защиту от посягательств на землевладения и также стимулировало оседлость. Еще один существенный фактор оседлости коренных жителей стал актуальным на рубеже веков - стремление к цивилизации. В этот период и позднее многие новокрещеные стали отдавать детей в школу, селиться ближе к наиболее развитой во многих отношениях Улале (совр. г. Горно-Алтайск). Вследствие возрастающей плотности населения кочевой образ жизни на территории Улалинского отделения был уже немыслим. Таким образом, оседлый образ жизни постепенно стал преобладающим на территории Алтайской миссии. Хотя, даже в наши дни, сохраняются некоторые виды хозяйствования, восходящие к кочевому образу жизни.

В целом, XIX век явился важным этапом на историческом пути коренных народов юга Западной Сибири. В течение этого периода завершился процесс преобразования Горного Алтая в часть Российской империи с ее законами и порядками.

Объективно оценивая работу миссионеров, необходимо подчеркнуть, что столь значительные результаты были достигнуты: 1) в достаточно короткий срок (около 80 лет); 2) при отсутствии стабильного финансирования (преимущественно благотворительные средства); 3) в отсутствии целенаправленной государственной или церковной программы; 4) на территориях с низкой плотностью населения; 5) при отсутствии всесезонных путей сообщения и иной инфраструктуры; 6) при неблагоприятных климатических и социальных условиях; 7) при недостатке не только квалифицированных кадров, но и рядовых штатных сотрудников.

Преодоление многообразных препятствующих факторов стало возможным во многом благодаря колоссальной личной инициативе руководства и сотрудников Миссии. Однако даже предельная самоотдача приезжего русского духовенства не имела бы столь существенных последствий, если бы не удалось наладить взаимный продуктивный контакт с местным населением на основе взаимного уважения. Выходцы из новокрещеных со временем стали занимать самые различные должности – от переводчиков, иконописцев до священнослужителей. К началу 1910-х гг. местное население занимало 75% штатов Миссии. Сформировалась заинтересованность местного населения в храмостроительстве, развитии системы школьных и социальных миссионерских учреждений.

Таким образом, миссионерская деятельность на юге Западной Сибири стремилась приобщить кочевой народ к социокультурным ценностям всего многонационального государства, в состав которого он вошел. За XIX столетие население Горного края увеличилось в 9 раз, составив 46 тыс. человек, в том числе дючин и кочевых волостей в 6 раз.

Конструктивность миссионерской деятельности Русской Православной Церкви XIX – XX вв. была обусловлена тем, что на протяжении всей своей истории она выступала за единство народа и целостность государства, являясь оплотом патриотизма. Этому, прежде всего, способствовала идейная основа вероучения, подразумевающая многонациональность и мирное сосуществование с различными культурами и представителями иных конфессий.

Сегодня, на наш взгляд, стоит не только научно-достоверно изучать опыт Алтайской духовной миссии, но и стараться найти пути его

применения в реальной приходской деятельности. В архивных материалах прошлого по истории Русской Православной Церкви в целом и миссии в частности содержится большой потенциал для вовлечения более широкого круга наших соотечественников в данную тематику. Речь идет не только о богатом духовном опыте, но и о генеалогических исследованиях, эпистолярного наследия, изучении архитектурно-строительных памятников прошлого, этнографии и много другого, что может стать содержательным и привлекательных материалом для учебных исследований, внеаудиторной краеведческой работы как в высших, так и в средних учебных заведениях.

Библиографический список

1. Демидов В.А. От Каракорума к автономии. – Новосибирск, 1996.
2. История Сибири. – Т.1. – М.-Л., 1937.
3. Миссионерство на Алтае и Киргизской степи в 1885 году. – Томск, 1886.
4. Потапов Л.П. Очерки по истории алтайцев. – М.-Л., 1953.

Об авторе
Крейдун Ю.А.– (протоиерей Георгий), Алтайский государственный университет, профессор, проректор по учебной части Барнаульской духовной семинарии, доктор искусствоведения, кандидат богословия, г. Барнаул

Kreidyn Y.A.

Altai ecclesiastical mission: heritage, tradition, activities

Abstract. In the article the author describes the main trends and aspects of cultural and spiritual enlightenment of the peoples of Altai and the role in these processes of the Altai ecclesiastical mission, which allowed the Altai mountains to organically be part of the Russian Empire.

Keywords: The Altai ecclesiastical mission, Orthodoxy, Altai Mountains, missionary activity, education, culturitalia

Статья поступила в редакцию 21.10.2016

УДК 32.019.5

Л. В. Кыпчакова

Николай Михайлович Киселев. Личность и политика

Горно-Алтайский государственный университет, г. Горно-Алтайск

Аннотация. В статье, на основе изучения опубликованных материалов и архивных источников, представлен анализ партийно-политической деятельности Н.М.Киселева.

Ключевые слова: Политика, партийно-политическая деятельность, автономная область, история алтайского народа, политика партии, историческое и политическое время

Летом текущего года многонациональный народ Республики Алтай торжественно отметил 260-летие добровольного вхождения алтайского народа в состав России и 25-летие образования Республики Алтай. Вглядываясь в то далекое прошлое, не были оставлены нами без внимания и более близкие к нам события. Осмысливая то и другое, мы постарались понять и осмыслить то, что стало нашим историческим достоянием, причем, не только отдельно взятого народа, но и нашего государства в целом.

Память же, о прошлом, способна, как известно, вернуть нам понимание важности знания жизни и судеб не только народа, но и его яркие и неординарные личности. Посредством знакомства и изучения их биографий, мы получаем возможность познать не только факты и события прошедших времен, эпох, но также политическую и гражданскую волю, мужество тех (ныне уже легендарных людей, осмелившихся принять (в свое время) ответственные решения на сложных, порой кризисных поворотах нашей истории.

Говоря об этом, позволим себе утверждать, что биографии неординарных личностей часто служат нам достойным и действенным средством патриотического воспитания всех нас и нашего подрастающего поколения, в частности. И Республика Алтай в этом плане, естественно, не исключение. Имеющийся в нашем распоряжении материал, бесспорно, может способствовать нашему самопознанию, самоопределению, саморазвитию в непростых реалиях современной эпохи. Это знание поможет нам, смеем надеяться, объективно разобраться в непростых событиях прошлых лет и с достоинством ответить вызовам и угрозам современного мира.

XX век востребовал, как известно, к жизни целую плеяду ярких и глубоких по мысли и результатам социально-экономической и политической деятельности личностей.

Вторая половина XX столетия воочию продемонстрировала все возрастающую роль так называемого «человеческого фактора», где очень важны были и интеллект, и нравственные качества человека, находившегося в самых разных сферах социально-политической и общественной жизни.

Ныне обществом все более осознается значимость интеллекта как важнейшей производительной силы. В итоге, все это послужило живительным импульсом для появления в нашем обществе целой плеяды неординарных, социально активных и талантливых политиков, организаторов, хозяйственных руководителей, особенно, в период «хрущевской оттепели».

Достойное место среди них по праву занял выделившийся в то время из рядов партийно-политической элиты Горного Алтая – бывший фронтовик Николай Михайлович Киселев, оказавший весьма положительное влияние на всестороннее развитие тогдашней Горно-Алтайской автономной области. Обладая политической зоркостью и про-

зорливостью, а также гражданским мужеством, он уже в те далекие 50-е годы XX века всячески содействовал процессу становления нашей будущей республики.

В свое время, благодаря усилиям архивистов Республики Алтай, увидело свет их «детище «Моя судьба в судьбе Алтая» [1]. В этом биографическом справочнике, один из его создателей (В.П.Майер) подметила, что «Николай Михайлович Киселев был делегатом исторического XX-го съезда КПСС», после которого и начался, как заявили историки, период так называемой «хрущевской оттепели». А (50-е годы XX столетия действительно были переломными для страны. И Горный Алтай в этом плане не был исключением. Следует подчеркнуть, что Н.М.Киселев оказался тогда в числе тех руководителей, кто пытался уйти в хозяйственном руководстве «от командных методов управления». Будучи руководителем области, он, естественно, не мог не видеть, что наша автономия «безнадежно» отставала от соседних регионов, как по темпам социально-экономического, так и культурного развития. И главная причина этого отставания, виделась ему «в нахождении нашей автономии в составе Алтайского края, что привело ее, по его мнению, к потере ею определенных правительственным Декретом «губернских прав, т.е. прав автономии, к потере самостоятельности в вопросах управления сельским хозяйством, промышленностью, к «изъянам» в кадровой политике и к ошибкам в принципах планирования. По сути дела, большой национальный регион – Горно-Алтайская автономная область – «в силу всего этого и превратился со временем в один из «заштатных районов Алтайского края» [1, с. 67-68].

Исходя из вышесказанного, становится вполне понятным наше стремление познать и осмыслить человеческую и политическую судьбу Николая Михайловича Киселева.

Политическая же судьба и карьера нашего героя была, как нам представляется, вполне закономерным явлением. Само время социально-экономических преобразований второй половины 50-х годов XX в. востребовало его как вдумчивого и тонкого политика, организатора и хозяйственного руководителя.

К тому же, как показало время, Николай Михайлович обладал такими качествами как трудолюбие, высокая личная самоорганизация, самообладание, справедливость, тяга к сотрудничеству, чутье на незаурядных людей, самокритичность и весьма значительная личная и социально-политическая ответственность.

Его выдвижению способствовало не только политическое время, но и личные, профессиональные качества Н.М.Киселева. Особенно стоит обратить внимание на тот факт, что он становится первым секретарем обкома КПСС уже в 33 года. И в этом нет ничего удивительного, ибо Николай Михайлович очень рано встал на самостоятельной жизненный путь. Родился он, как явствуют документы, 15 февраля 1922 г. в селе Майма, Майминского района в семье крестьянина – середняка. До 1937года он жил с родителями. В 15 лет юноша поступил учиться в Горно-Алтайское педучилище, причем сразу, на 2-й курс.

Окончив в 17 лет училище, он стал работать учителем. Спустя год, Н.М.Киселев был назначен директором Кискинской семилетней школы (Чойский район, Горно-Алтайской автономной области). Это достаточно яркий пример зрелости и ответственности личности, даже, невзирая на юные годы. В октябре 1940 года Н.М. Киселев был призван «на действительную военную службу в Красную Армию». Службу проходил на Дальнем Востоке. Там же довелось и воевать. Получив ранение, был демобилизован. С 5 января 1943 года по 26 февраля 1944 года Николай Михайлович работал военруком в средней школе, села.Майма, Майминского района. С конца февраля 1944 по 15 февраля 1946 года он вновь служит в 116 полку (в Одесском военном округе). По окончании военной службы, он возвращается в родную школу и проработает в ней военруком (до середины августа 1946 года). В августе 1946 года, в возрасте 24 лет Н.М.Киселев вступает в партию. Вскоре после этого, его отзывают на партийную работу, которую он начинает заведующим парткабинетом Майминского РК КПСС. Спустя некоторое время, его направляют на учебу в крайпартшколу (г. Барнаул), которую он с отличием заканчивает в августе 1948 года. После ее окончания, Н.М. Киселев становится лектором Горно-Алтайского обкома КПСС. А с декабря 1948 года. по 22 октября 1949 года он – заведующий отделом пропаганды и агитации Горно-Алтайского горкома КПСС, а с октября 1949 года по октябрь в 1950 года – заведующий сектором агитации Горно-Алтайского обкома КПСС.

Накопленный опыт партийной работы позволяет Н.М. Киселеву занять в последующем должность заместителя заведующего одного из отделов обкома КПСС. В конце июня 1951года Николай Михайлович становится первым секретарем Шебалинского РК КПСС. В этой должности он работает до 13 мая 1953 года. После этого, он «идет на повышение» – т.е. он стано-

вится вторым секретаря Горно-Алтайского обкома КПСС.

На мартовском пленуме 1955 года о Н.М. Киселев избирается первым секретарем Горно-Алтайского обкома КПСС. Ему в то время было всего лишь 33 года, Иначе говоря, надо понимать: какая громаднейшая политическая, хозяйственно-организаторская, социально-экономическая ответственность за судьбы людей, нашей автономной области в целом легла на плечи молодого первого секретаря обкома.

В этой связи, следует особо стоит остановиться на следующих качествах характера и стиля руководства Н.М. Киселева. Судя по документах и отзывам лиц, знавших Николая Михайловича, он относится к себе «реалистически и самокритично». никогда «не надувал щеки», подчеркивая тем самым свое превосходство перед людьми и своими сослуживцами». Независимо от социального признания, общественного положения багажа знаний, он всегда с уважением относился к людям. Он всегда знал цену и себе, и людям. А это, на наш взгляд, особенно важно, в работе с людьми, ибо «здесь мелочей» ни когда не бывает, а по большому счету, и никогда не должно быть.

Словом, личности такого уровня как Н.М. Киселев всегда обладали, и обладают весьма развитой способностью ставить себя на место других людей, уметь мудро сопереживать им, не осуждая и не подавляя их и не доминируя над ними.

Такого рода люди как Николай Михайлович Киселев каждый свой жизненный этап и карьеру воспринимали «как задание партии». Такими, к сожалению, были в то время, увы, не все высокопрофессиональные и добропорядочные политические лидеры, которые «пронзительно понимали и достойно несли не только бремя власти, но и всю меру социально-экономической и политической ответственности за будущее нашего Отечества.

Но Николай Михайлович был и оставался до конца своей жизни таким. Он, кстати, постоянно учился. В 1955 году, наш земляк с отличием закончил (заочно) Высшую партийную школу при ЦК КПСС, куда поступил после окончания Барнаульской краевой партийной школы (в 1949 г). Итак, учитель, фронтовик, партийный работник – таков социально-политический опыт и путь Н.М.Киселева до избрания на должность первого секретаря обкома КПСС.

Общеизвестно, что в СССР была налажена безупречная и четкая система не просто подготовки кадров, а реально и эффективно работала система воспитания руководящих кадров.

Николай Михайлович Киселев был из числа тех, кто основательно прошел эту школу и приобрел «бесценный опыт», позволивший ему стать «сильной личностью, имевшей свое особое поведенческое мышление и в жизни, и в политике».

А этот бесценный опыт, приобретался им в течение всей его неустанной работы, способствовавшей выработке и закреплению его организаторских способностей, нацеливавшей на постоянный поиск новых путей в деле совершенствования механизма реализации принимаемых решений.

Как настоящий патриот своего Отечества он видел не только политические пути развития народов, проживавших в автономной области, но и пути глубочайшего совершенствования ее экономики. Став первым секретарем обкома, он изначально обращает внимание на то, что «Сейчас нельзя руководить сельским хозяйством, не зная сельского хозяйства», необходимо «решительно исправить положение дел в областной партийной организации».

Вклад Н.М. Киселева значим и велик и по такому вопросу как проведение торжества по случаю 200-летнего юбилея добровольного вхождения алтайского народа в состав России.

Впервые за всю историю вхождения алтайцев в состав России должно было состояться празднование.

Научно-теоретическое обоснование было подготовлено историком этнографом, кандидатом исторических наук Павлом Егоровичем Тадыевым. Совместная деятельность и подготовка необходимых документов как П.Е. Тадыевым, так и Н.М. Киселевым способствовала успешному решению этого вопроса. Так за подписью первого секретаря обкома Н.М.Киселева, отправлена Докладная записка в ЦК КПСС и в Бюро Алтайского крайкома КПСС, где дано обоснование для проведения торжества, а в том числе отмечено, что «Горно-алтайский областной комитет КПСС принял решение просить Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза санкционировать нам проведение торжества по случаю двухсотлетнего юбилея» [3, л. 8-9].

Отмечая 260-летие со времени вхождения алтайского народа в состав России как важно знать и помнить тех, которые первыми внесли свой достойный вклад в то, чтобы это торжество состоялось.

Документы архива зримо свидетельствуют о национальной гордости первого лица автономной области: «общение с русской народной культурой, помощь русского трудового народа, несмотря на колониальную политику царизма, открывало

алтайскому народу большую перспективу для развития его экономики и культуры». В этой оценке он проявляет себя как зрелая личность и мудрый политик. Здесь нет «величавого самомнения» и «плоского самодовольства» [3, л.8-9].

В архивных фондах сохранился документ, свидетельствующий о глубокой обеспокоенности секретаря обкома о материальном благосостоянии сельских тружеников высокогорных районов области. Уже в то время он ходатайствует и всесторонне обосновывает необходимость объективных льгот для населения этих районов. В письме от 6 января 1956г. на имя Председателя Совета Министров РСФСР тов. Пузанова А.М. послано письмо, где обращено внимание на то, что «Кош-Агачский и Улаганский районы являются высокогорными районами по отношению к другим районам Горно-Алтайской автономной области. Эти районы расположены на высоте 2000 метров над уровнем моря. Климатические условия суровые, которые не позволяют населению заниматься подсобным хозяйством – огородами, овощи и картофель не производятся, а завозятся. Прибывшие специалисты и другие квалифицированные работники в высокогорные районы, вынуждены жить только на заработной плате, которая не полностью удовлетворяет их потребность» [3, л. 4].

Как секретарь обкома свою задачу он видел, прежде всего, в том, чтобы обеспечить и укрепить квалифицированными специалистами высокогорные районы области, а значит распространить «на них льготы, предоставленные работникам крайнего севера» [3, л. 4].

В фондах комитета по делам ЗАГС и архивов имеется Докладная записка за подписью заведующего отделом пропаганды и агитации Горно-Алтайского обкома КПСС Н.Шевцова от 24 декабря 1955 года на имя секретаря ЦК КПСС Н.С. Хрущева по вопросу обоснования для выхода Горно-Алтайской автономной области из состава Алтайского края. Докладная записка собственноручно завизирована первым секретарем обкома КПСС Н.М. Киселевым: «рассмотрено на бюро обкома 31/I-56 г.»

В рамках данной статьи, к сожалению, мы не имеем возможности опубликовать весь текст. Он заслуживает специального, отдельного изучения и анализа. Констатация реальных фактов, анализ и осмысление сложившейся ситуации позволили руководству того периода сделать вывод о том, что «существующая система партийного и советского руководства автономной областью, прогрессивная в прошлом, является тормозом развития национальной культуры и экономики в настоящем. За годы Советской власти Горно-Алтайская автономная область в культурном и экономическом отношениях сделала такой громадный шаг вперед, что переросла рамки существующей структуры руководства ею» [4, л. 9].

В «целях улучшения развития национальной культуры и экономики области, необходимо,...: выделить область из края и подчинить ее непосредственно Правительству республики, не меняя ее наименования.

При выделении области из края не потребуется почти никаких затрат, не будет необходимости увеличивать численность партийного или советского аппаратов.

При выделении области из края возрастет роль, повысится ответственность, развяжется инициатива областных организаций и работников в решении хозяйственно-политических вопросов, стоящих перед областью, а самое главное более успешно будет расти местная промышленность, сельское хозяйство и повышаться национальная культура области» [4, л. 9-11].

Надо полагать, что над этим документом работал не один человек, а целая команда управленцев того времени. Н.М.Киселев взял на себя личную, гражданскую и политическую ответственность. В книге «Моя судьба в судьбе Алтая» отмечено, что «Летом 1959 года он отправил в ЦК КПСС докладную записку о возможности выхода Горного Алтая из состава Алтайского края. Под ней стояла подпись только Н.М. Киселева, а те люди, которые его поддерживали и помогали составить документ, предпочли остаться неизвестными» [1, с. 68].

В государственных архивных фондах нашей республики нам, к сожалению, не удалось найти эту Докладную записку за подписью первого секретаря обкома КПСС Н.М. Киселева. Возможно она сохранилась в государственных архивных фондах Алтайского края и архивах ЦК КПСС. Это позволило бы не только воочию ознакомиться с материалом, но и сравнить с Докладной запиской за подписью Н. Шевцова.

В условиях безоговорочного диктата партии и командно-административного стиля руководства страной это был смелый и мужественный шаг целой команды, а в том числе лично первого секретаря обкома КПСС Н.М. Киселева. Годы трудовых и военных лет, политическая деятельность и полученный опыт, закалили его характер. Жизненные испытания и социальная зрелость выработали в нем политическую зоркость, правдивость, гражданскую и политическую волю и мужество. Он достойно нес и вынес бремя власти и ответственности за принимаемые и принятые решения.

В этом поступке – величие Н.М.Киселева как Человека, Личности, Гражданина и Политика. Он заслуживает глубочайшего уважения и о нем должны знать и помнить все кому не безразлична судьба Республики Алтай и ее неповторимых личностей.

В своей Автобиографии Николай Михайлович пишет: «За допущенную ошибку по руководству областью на областной партийной конференции не был рекомендован 1-м секретарем обкома партии и был направлен на работу в Горно-Алтайский пединститут»

За стойкую позицию, смелое и мужественное обоснование материалов по выходу области из состава Алтайского края, Н.М.Киселев безоговорочно отстранен от занимаемой должности первого секретаря обкома КПСС. Краевая и центральная партийная власть умела «укрощать» и не «прощать» непокорных.

В целом партийной работе были отданы лучшие молодые годы. В далеком августе 1946г. в 24 года началась его партийная карьера. В 33 года, как мы уже упоминали, он становится 1-м секретарем обкома КПСС. В свои 38 лет в январе 1960 года «не рекомендован 1-м секретарем обкома партии». Время зримо показало, что итогом такой «ошибки» и всей партийной деятельности Н.М. Киселева созидание и отстаивание юридическо-правовой самостоятельности автономной области. Своей неустанной партийно-политической, хозяйственно-организаторской, социально ответственной деятельностью внес свою достойную лепту в судьбу не только автономной области, но и будущей республики. Непосредственно партийно-политической деятельности было отдано 14 лет активной жизни. Отставку с должности 1-го секретаря обкома Николай Михайлович пережил сложно, но не сломился и не сломался, а выстоял и выдержал, но ценою нервов и своего здоровья. Он был человеком громаднейшей выдержки и самообладания. Своей созидательной деятельностью он всесторонне способствовал развитию Горно-Алтайской автономной области.

Новый этап жизни связан с Горно-Алтайским педагогическим институтом. Вначале он приступает к должности декана историко-филологического факультета, а уже с марта 1960г. становится ректором. В качестве ректора он проработал до мая 1969г., а затем был проректором по научной работе, доцентом кафедры марксизма-ленинизма. Большой опыт практической партийно-политической работы, талантливого организатора, мудрого и вдумчивого управленца сказались самым благотворным образом на деятельности единственного высшего учебного заведения области. Уровень и качество подготовки учителей не только для области значительно вырос. Преподаватели вуза активно проходили стажировку и курсы переподготовки.

Будучи ректором он сам неустанно учился. В стенах пединститута активизируется научная деятельность преподавателей, студентов и самого ректора. С января 1963 по январь 1964 года он прикомандирован в годичную аспирантуру Института экономики и организации промышленного производства СО АН СССР для завершения и защиты кандидатской диссертации.

Научным руководителем Н.М.Киселева был член-корреспондент Академии Наук СССР, директор Института экономики СО АН СССР Г.А.Пруденский.

Блестящая защита кандидатской диссертации по теме: « Особенности формирования экономики Горного Алтая» состоялась 22 декабря 1965года на объединенном Совете СО АН СССР, где ему была присуждена ученая степень кандидата экономических наук, а 9 апреля 1966 года выдан диплом кандидата наук.

В свое время еще до защиты кандидатской диссертации он опубликовал свою работу по теме: «О некоторых особенностях развития экономики Горного Алтая в послевоенный период (1946-1963 гг.)» [2].

Представленный материал являлся частью исследования послевоенного развития экономики Горного Алтая с характеристикой основных ее отраслей – промышленности и сельского хозяйства. Научное обобщение хозяйственного опыта, разработка практических рекомендаций и перспективы развития экономики Горного Алтая находятся в диапазоне научных интересов Н.М. Киселева.

Будучи ректором он считал должным и нужным заниматься параллельно и преподавательской деятельностью. Глубокая научно-теоретическая подготовка позволяют ему связывать изучаемый студентами программный материал с процессами, происходящими в жизни, с решением народно-хозяйственных задач дня. Он пользовался заслуженным авторитетом не только среди преподавателей и студентов института, но общественности города и области в целом.

Не случайно, по отзывам бывших студентов вуза, «годы киселевского «ректорства» вошли в историю пединститута как золотое время» [1, с. 68]. Много времени уделяет организации научной работы среди студентов.

Н.М.Киселев являл достойный пример мудрого ректора, талантливого преподавателя и ученого.

Жизнь и судьба Николая Михайловича вместила в себя громаднейший опыт учителя, фронтовика, партийно-политического лидера, преподавателя, ректора, ученого.

25 июня 2016 года исполнилось ровно 40 лет со дня его смерти. Ему было всего лишь 54 года. К сожалению, ушел слишком рано.

Без всякого преувеличения, он являет пример яркого, светлого человека и гражданина, который состоялся как Личность и в жизни, и в политике Горно-Алтайской автономной области, а ныне Республики Алтай.

Как важно знать, помнить и чтить тех, кто были первыми в дни и годы не только юбилейных торжеств, но и великих испытаний.

Библиографический список

Монографии, диссертации:

1. Моя судьба в судьбе Алтая. Биографический справочник. XIX – начало XXвв. – Горно-Алтайск, 2006 – 367с.
2. Киселев, Н.М. О некоторых особенностях развития экономики Горного Алтая в послевоенный период (1946-1963гг)/ под ред. А.Ф.Чепрасов. – Горно-Алтайское отделение Алтайского книжного издательства г.Горно-Алтайск. 1964. – 97с.

Архивные источники:

3. Комитет по делам ЗАГС и архивов РА. Ф № П-1. Оп.2а.д.518,л.л.8-9
4. Комитет по делам ЗАГС и архивов Р.А. Ф № П-1. Оп.2а.д.534,л.9.

Об авторе

Кыпчакова Л.В. – кандидат исторических наук, доцент. Горно-Алтайский государственный университет, г. Горно-Алтайск

Kipchatova L.V.

Nikolay Kiselev. Personality and politics.

Abstract. The article based on the study of published materials and archival sources, presents an analysis of party political activities of N. M. Kiseleve.

Keywords: Politics, party and political activity, autonomous oblast, history of the Altain people, policy of party, historical and political time

Статья поступила в редакцию 23.10.2016

УДК 32.019.5

Л. В. Кыпчакова

Павел Егорович Тадыев: ученый и гражданин

Горно-Алтайский государственный университет, г. Горно-Алтайск

Аннотация. В статье, на основе имеющихся в распоряжении автора материалов, проанализирована жизнь и деятельность ученного, видного политического и общественного деятеля Горного Алтая Тадыева Павла Егоровича.

Ключевые слова: история алтайцев, добровольное вхождение «насельников Алтая» в состав России, культурное взаимодействие, прогрессивное значение добровольного вхождения алтайского народа в состав России

Летом текущего года многонациональный народ Республики Алтай торжественно отметил 260-летие добровольного вхождения алтайского народа в состав России, объективно и по достоинству оценив значимость этого исторического события не только для судеб алтайского народа, но и Российского государства в целом.

Исходя их этого, автором настоящей статьи предпринята попытка восстановить и полнее отразить (с учётом новых исторических фактов и источников) сложные, противоречивые события и процессы 260-летней давности.

Как известно, любой юбилей был и остается, по общему признанию, своего рода индикатором состояния здоровья народа как этноса. К тому же он дает возможность оценить вклад учёных, общественных и политических деятелей, которые не просто внесли свой вклад – свою лепту в развитие социально-гуманитарных наук.

В этой связи, никоим образом, не умаляя заслуг и достижений исследователей досоветского и советского периодов, обратимся к личности нашего земляка – алтайского учёного, видного политического и общественного деятеля – Павла Егоровича Тадыева.

Свой разговор о нем, мы начнем с его научно- педагогической деятельности. Павел Егорович был в свое время деканом историко-филологического факультета Горно-Алтайского государственного педагогического института (ГАГПИ) заведующим кафедрой истории, проректором по учебной и научной работе. С 1993 года статус нашего учебного заведения повысится: он станет Горно-Алтайским государственным университетом.

Возвращаясь к герою нашей статьи, скажем, что это был настоящий учёный из той плеяды алтайской интеллигенции, которая была рождена и воспитана созидательной энергией пролетарского общества того времени.

Следует сказать, что 6 января 2016 года Павлу Егоровичу исполнилось бы – 90 лет, но этого, к сожалению, не случилось: тяжелая болезнь преждевременно оборвала, его жизнь.

В 2006 году на базе Горно-Алтайского госуниверситета (совместно с Институтом алтаистики им С.С. Суразакова) была проведена научно-практическая конференция, посвящённая 80-летию со дня его рождения Павла Егоровича. Ее материалы (воспоминания его коллег, друзей, бывших студентов, словом тех, кто хорошо знал Павла Егоровича) были опубликованы потом в Сибирском педагогическом журнале [5, с. 64-80].

В своих публикациях авторы единодушно подчеркивали, что П.Е. Тадыев отдал все свои силы на благо процветания своей малой – Горно-Алтайской автономной области и всего нашего Отечества. И делал он это независимо от того, какой пост он занимал в данный момент. А он, как известно, был в свое время и секретарем горкома, секретарем и областного комитета партии, Словом, на любом посту П.Е. Тадыев верно служил своей Родине.

Говоря о Павле Егоровиче, нельзя не сказать и о его научном наследии. Знакомство с ним, дает все основания говорить о П.Е. Тадыеве, не только как о блестящем учёном – историке-этнографе, – но и о настоящем гражданине своего Отечества.

Без всякого преувеличения, мы можем сегодня сказать, что и ныне – условиях XXI столетия алтайский народ сохранил в целом своё этническое самосознание, основные культурные черты, традиционные свои ценности: язык, осознание общности своего происхождения и исторической судьбы.

Общеизвестно, что исторический путь этнического развития алтайского народа являет собою сложный процесс его интеграции на различных этапах в новую социокультурную среду, которая способствовала формированию базовых конструкций и ценностей как алтайского общества в целом, так и отдельной его личности.

Поэтому становление и формирование П.Е. Тадыева как личности учёного и гражданина всецело определил не простой XX век, столкнувший друг с другом различные социально-политические силы, противостоявшие и активно противодействовавшие друг другу.

Родился же Павел Егорович, как следует из документов, 6 января 1926 года в дружной семье Егора Семеновича и Прасковьи Ивановны Тадыевых, проживавших тогда в с. Александровка Как известно, алтайское население именовало данное село по своему – «Имери». Оно по сей день находится в составе Майминского района. Отец Павла Егоровича был из рода «иркит», покровителем которого алтайцы считали орла. Эту птицу алтайцы считали священной, а посему они во все времена почитали ее. Мама, по словам сына, происходила из рода Куранаковых». Она, по словам ее родичей, была русской, а ее муж – алтаец. В 1937 г. отец Павла Егоровича был репрессирован как «враг народа». Спустя год, его не стало. Павлу в то время исполнилось чуть больше 10 лет. Невосполнимая боль от потери отца наложила отпечаток на всю последующую жизнь Павла Егоровича.

В связи с этим следует подчеркнуть, что он всегда очень бережно и внимательно относился к людям. В свою бытность ему не раз приходилось сталкиваться с неблаговидными поступками своих товарищей, коллег, сослуживцев по партийной работе. И надо сказать: он почти всегда прощал оступившимся коллегам их проступки. Это можно объяснить, скорее всего, тем, что его детский взгляд и цепкая детская память высекла в суровой реальности то, что осталось в сердце навсегда. Он даже как-то сказал однажды: «Уметь прощать – это великое искусство... Это стук в будущее».

Следует подчеркнуть, что П.Е. Тадыев получил в свое время очень хорошее образование: он прошел добротную научную школу Московского педагогического института имени Карла Либкнехта (впоследствии имени Ленина), потом аспирантуру Ленинградского отделения Института этнографии АН СССР им. Н.Н. Миклухо-Маклая (под руководством выдающегося историка-этнографа Леонида Павловича Потапова). За время учебы в Ленинграде, он сумел вобрать, в себя (благодаря наставнику) все самое лучшее, что было наработано тогда на научном поприще в интересующей аспиранта области, а усвоив все это, он сумел внести (естественно, для своего времени) и свой бесценный вклад в развитие истории и этнографии целого ряда коренных народов Сибири – алтайцев, шорцев, хакасов, тувинцев, якутов и др.

Учёба в Ленинграде значимо отразилась (благодаря своему наставнику) не только на научной судьбе П.Е. Тадыева. Оставила она свой след и в его личной жизни Тоже самое можно сказать и о его наставнике, Общение со своим учеником, а потом – коллегой по «исследовательскому цеху- оставило неизгладимый след в душе – Леонида Павловича. Потапова, очень уважавшего своего питомца, блестяще защитившего в 25 лет кандидатскую диссертацию. Словом, учитель и ученик очень дорожили в последующем своей дружбой, достойно пронеся ее через всю свою жизнь. Словом, Ленинградская научная школа, созданная и руководимая Л.П. Потаповым сформировала нашего земляка не только как достойного человека, но и как вдумчивого ученого.

Изначально его научные интересы были связаны со сбором, анализом и осмыслением материла по разноплановому комплексу проблем, касавшихся истории и этнографии алтайцев. Со временем диапазон его научных интересов Павла Егоровича расширился и охватил широкий временной период истории алтайского народа. Но стержневой темой Павла Егоровича на долгие

годы остался: «Процесс национальной консолидации алтайцев в «условиях социализма» [2]. В связи с этим, нельзя не сказать (хотя бы вкратце) обисточниковой базе его исследования. В процессе работы им впервые был введен в научный оборот весьма значительный по объему и очень ценный по характеру архивный материал, извлеченный ученым из центральных и региональных хранилищ. Благодаря ему, исследователю удалось (по справедливому замечанию многих советских исследователей) «стать первопроходцем в деле изучения проблемы присоединения Горного Алтая к России на основе архивных источников» [1, с. 7]. С их помощью им были «выяснены конкретные формы проявления, пути развития и факторы, обусловившие национальную консолидацию алтайцев в условиях социализма» [2, с. 4].

Заслуга Павла Егоровича как исследователя состоит еще и в том, что им впервые был оценен вклад его предшественников – русских и иностранных, ученых, путешественников, фрагментарно описавших в свое время культуру и быт алтайцев. «В дореволюционной литературе, – подчеркивал он в одной из своих публикаций, – можно обнаружить ценный историко-этнографический материал, свидетельствующий о добросовестном его собирании нашими предшественниками – дореволюционными учеными и путешественниками» [2, с.4].

Общеизвестно, что в жизни разных обществ, государств, существовавших в разные эпохи, никогда не было «простых времен». Не исключением стало и наше время. Оно же, по общему признанию ученых и политиков, «является очень непростом». Осознавая это, каждому из нас необходимо стремиться к тому, чтобы молодое поколение нашей многонациональной республики и многонациональной России в целом, помнило о тех, кто внес когда-то посильную ленту в строительство нашего Отечества. Кстати, Павел Егорович Тадыев, будучи ученым и гражданином своей страны твердо верил в то, что необходимым политическим условием и правовой гарантией нормального этнокультурного развития любого народа (в том числе и алтайского) должна быть «его автономия». Он был твердо убежден, что «автономная область, как самостоятельная крупная административная единица, с должным государственным бюджетом и единым планирующим центром народного хозяйства в масштабе данной автономии, в состоянии в короткий срок создать необходимые условия для возникновения и развития экономической жизни данной автономии, в частности, алтайцев» [2, с. 10].

Сегодня мы в полной мере понимаем и сознаем, что состояние традиционной культуры, особенно языка, также относится к числу значимых показателей здоровья этноса – нации – народа в целом.

На сей счет Павел Егорович, еще далекие 50-е годы (XX века) писал, что « без образования и развития национального языка невозможно вовлечь широчайшие массы алтайского населения в хозяйственную и политическую жизнь области, страны, невозможно поднять и их культурный уровень... Для этого необходим процесс их национальной консолидации» [2, с. 13].

Будучи алтайцем (представителем, как уже говорилось выше, рода «иркит», он понимал и подчеркивал, что «русский язык является тем источником, который не только стимулирует дальнейшее развитие алтайского языка, но подпитывает и обогащает его» [2, с.13].

В связи с вышесказанным, позволим себе предположить, что в Павле Егоровиче как в человеке, ученом и гражданине исходно было заложено два живительных начала: алтайское и русское, а потом – общее для нас – русско-алтайское, определившее, в конечном счете, его научную и общественно-политическую жизнь. Будучи истинным сыном своего народа, он, тем не менее, искренне писал в свое время, что «советский строй создал невиданные предпосылки для развития культуры алтайского народа. В связи с этим, для трудящихся Алтая открылись широкие возможности «через выборы своих депутатов в Верховный Совет РСФСР и СССР для непосредственно участвовать в государственной деятельности всей нашей страны» [2, с. 16].

В этой оценке Павел Егорович зримо проявил себя не только как ученый, но и как достойный гражданин своей страны, оценивающий реальное развитие государственности и культуры родного ему алтайского народа в составе многонационального СССР.

Несмотря на то, что повседневная работа отнимала у Павла Егоровича много сил и времени, он, тем не менее, продолжал готовить свое монографическое исследование «Горный Алтай в составе России в конце XVIII – XIX веках». По этой теме им было опубликовано свыше 40 научных работ. Наиболее важное место среди них, заняла, естественно, его большая статья «Поворотный пункт в истории Горного Алтая» [3, с. 5-43].

Значимость этой работы заключается, на наш взгляд, в том, что именно она стала научно-теоретическим обоснованием в определении даты празднования 200-летия добровольного вхожде-

ния алтайцев в состав России. Немалая сложность в проведении такого торжества состояла в том, что его предстояло проводить впервые за всю историю алтайского народа. Готовя его, ученый сумел выявить значительный по объему и ценности архивный материал. Осмысливая (с его помощью) исторический масштаб, глубину и прогрессивность всего процесса вхождения алтайцев в состав России, ученый справедливо заключил, что «алтайский народ избрал в середине XVIII века путь сближения с Россией совсем неслучайно. Еще до вхождения в ее состав, алтайские кочевники имели довольно широкие торговые и культурные связи с русскими людьми, Именно тогда алтайцы наглядно убедились в преимуществе их народной культуры. Словом, это убеждение прошло длительную проверку через их общение с трудовым русским населением. Таким образом, основным стимулом для добровольного перехода алтайцев в русское подданство стало их культурно-экономическое тяготение к русским. Это в полной мере подтвердила история последующих десятилетий их совместного проживания [3, с. 31,32].

Это утверждение Павел Егорович опять-таки подтвердил архивными документами, выявленными им в центральных и региональных архивах. Их материалами исследователь подтвердил и то, что «от принятых в подданство алтайских инордцев никакого худа российским людям не происходит», что «с оными «бывшие зенгорцы» обходятся весьма ласкательно» [3, с. 34].

Исходя из этого, исследователь сделал вывод: «Вопреки колониальной политике царизма, создававшей неблагоприятные условия для культурно-экономического развития алтайцев, в новой ситуации стало расти и укрепляться трудовое содружество простых людей – русских и алтайцев, т.е. стал набирать силу процесс приобщения алтайцев к более высокой русской народной культуре». И этот процесс составлял одну и самых значительных положительных сторон жизни алтайцев в составе России» [3, с. 33].

Как подлинный учёный, наш земляк вполне справедливо заострял внимание современников и последователей на том, что «это культурное воздействие не было односторонним» [3, с. 39].

Ярким свидетельством этого для него служил тот факт, что «совместное проживание русских и алтайцев в одних сёлах приводило к смешанным бракам, ставших в прследствии массовым явлением в Горном Алтае» [3, с. 34]. Учёный также подметил, что «русское население переняло многие элементы алтайской материальной культуры. В частности, в быту русского крестьянства упешно «прижились алтайские лыжи, меховая обувь, одежда и шапки и многое другое, а русские охотники усвоили и «взяли на вооружение многие алтайские приемы охоты на копытных и пушных зверей. Наконец, многие русские люди овладевали алтайским языком и свободно общались со своими соседями-алтайцами.»[3, с. 39].

Кроме указанных, исследователь П.Е. Тадыев привел еще много примеров, иллюстрировавших и подтверждавших прогрессивное значение присоединения алтайского народа к России. Назовем лишь некоторые из них:

· во-первых, «это алтайская письменность, созданная, членами Алтайской духовной миссии на основе русской графики,

· во-вторых, – повышение общего культурного уровня алтайцев,

· в-третьих, «усовершенствование ими крестьянских орудий труда, их более производительные приема хозяйствования. Особенно важным заимствованием алтайцев у русских стало возникновение и дальнейшее бытование у «инородцев» плужного земледелия и огородничества». В этом же ряду стоит и зарождение у алтайцев «стойлового содержания скота». В связи со сказанным, нельзя не сказать роли русской женщины в жизни алтайки. «Своим незаметным, но постоянным влиянием, дружеским примером и доброжелательным отношением «к инородке» она исподволь свершила огромное дело в перестройке примитивного быта алтайцев».

Наконец, нельзя не отметить и «непреходящую роль русских ученых и путешественников в ознакомлении цивилизованного мира с алтайцами. Еще задолго до Октябрьской революции, многие из них поведали миру в своими « скасками», «записками» и «известиями» об алтайских инородцах». Многие из этих «сочинений» не потеряли своего значения и поныне»[3, с. 38,39].

Изначально мы обратили внимание на диапазон научных интересов П.Е. Тадыева, который по времени охватывал различные периоды истории алтайцев.

Ряд работ он посвятил теме гражданской войны в Горном Алтае [4]. Историки не случайно обращают внимание на то, что одна из самых страшных войн на земле – гражданская.

В своих исследованиях, посвященных очень сложному и противоречивому периоду гражданской войны в Горном Алтае он предельно ясно, правдиво, и особо обращает вниманием на то, что «Никакие попытки врагов посеять национальную вражду и разъединить русских и алтайцев в борьбе за Советскую власть, не смогли задержать уже

исторически подготовленного объединения. Партизанские отряды, руководимые коммунистами, и регулярные части Красной Армии были главной и решающей силой установления и сохранения Советской власти в Горном Алтае.

Десятки и сотни известных и безвестных героев из русских и алтайцев родились в годы гражданской войны на Алтае. Славой покрыла себя Первая Горно-Алтайская партизанская дивизия, сформированная большевиками из разрозненных отрядов русских и алтайских тружеников» [3, с. 165-166].

Анализируя и осмысливая различные этапы в исторической судьбе алтайского народа, ученым отслежен процесс зарождения взаимного доверия и дружбы между алтайцами и русскими, русскими и алтайцами, что в итоге является залогом прогрессивного развития народов Горного Алтая. Материал научных статей напитан и наполнен историческими фактами подлинной дружбы между русским и алтайским народом. Эта тема близка и дорога для него не только как для ученого, но человека и гражданина.

Такой подход, на наш взгляд, не случаен. Общеизвестно, что в недрах народной жизни всегда жила и живет культура сбережения, самосохранения, саморазвития, вобравшая в себя духовное богатство, жизненный опыт и величайшую мудрость совместной жизнедеятельности. Все это сполна и зримо проявило себя не только в сложный период добровольного вхождения алтайского народа в состав России, но и в суровые годы гражданской войны.

Исследовательская работа и научные достижения П.Е. Тадыева как историка-этнографа не остались не замеченными со стороны советско-партийных руководителей. В усложняющейся социально-экономической реальности он был востребован и в качестве партийно-политического деятеля. Того требовала и партийная дисциплина, ибо с октября 1952 г. он был членом КПСС.

В декабре 1956 г. его избирают секретарем Горно-Алтайского горкома КПСС, а в декабре 1957 г. избирается вторым секретарем горкома КПСС.

В сложной социально-политической обстановке тех лет в декабре 1959 г. он избирается секретарем Горно-Алтайского уже обкома КПСС, где работает до марта 1964 г. За этот период он сумел эффективно организовать массово-политическую и пропагандистскую работу в области.

Непосредственно партийно-политической работе были отданы восемь лет жизни учёного. Об этом всегда очень сожалел его научный руководитель – Л.П. Потапов. Он нередко сокрушался: «блестящий ум, огромная эрудиция, удивительная работоспособность. Это человек науки». В конечном итоге это, на наш взгляд, было обусловлено и политико-идеологическими установками государственной системы того периода.

Как бы то ни было, есть основания утверждать, что идеологический пресс не обошел стороной и П.Е. Тадыева.

С марта по сентябрь 1964 г. он занимает должность директора научно-исследовательского института истории, языка и литературы, но с сентября 1964 г. по сентябрь 1968 г. проректор по учебной и научной работе, а сентября 1968 г. по апрель 1971 г. проректор по научной работе пединститута, а затем декан историко-филологического факультета и заведующий кафедрой истории.

За годы работы в пединституте он проявил себя не только как талантливый, справедливый и мудрый администратор, но и преподаватель.

В архиве университета сохранился отзыв бывшего ректора пединститута Р.А. Малькова, где он отмечает: «его лекции и семинарские занятия, консультации проводятся на высоком научно-методическом уровне. Они новы по содержанию и приемам его изложения, всегда с глубоким вниманием встречаются студентами. На лекциях доцента П.Е. Тадыева с успехом учатся мастерству молодые преподаватели. Проводит большую шефскую работу, отдавая ей богатый опыт и глубокие знания».

Павла Егоровича студенты действительно глубоко уважали за его интеллект, доброжелательность, человечность, душевную открытость. Он обладал способностью разглядеть и увидеть даже в нерадивном студенте – человека! Это дорогого стоило и стоит.

Он, в свое время в соавторстве с Н.С. Модоровым написал учебное пособие по краеведению для учеников 7-8 классов школ республики.

На протяжении ряда лет был руководителем научно-методологического семинара по общественным дисциплинам.

Успешную научно-педагогическую деятельность он умел совмещать и дополнять общественной работой. Был лектором обкома партии, активным членом городского и областного общества «Знание». Долгое время был председателем областного Совета общества «Знание», а также членом краевой организацией, этого общества, членом Пленума ревкомиссии общества «Знание» РСФСР.

Часто в составе агитпоездов ездил по всем районом автономной области, выступая по самым

различным проблемам социально-политической жизни как нашей страны, так и зарубежья.

Активная жизненная позиция П.Е. Тадыева как ученого и гражданина ярко проявилась и в инициативе по созданию общественного научно-исследовательского института по изучению и развитию производительных сил Горного Алтая. Он лично проделал громаднейшую подготовительную и организационную работу по созданию данного общественного института. В работу, по инициативе и приглашению П.Е. Тадыева, включились доктора и академики СО РАН: М.А. Лаврентьев, Г.А. Пруденский, А.П. Окладников, Е.Н.Мешалкин, Г.В. Крылов, и др. В рамках данного общественного института были созданы различные исследовательские группы. Сам факт создания и, к сожалению, недолгой деятельности общественного института весьма важен.

Энергия П.Е. Тадыева как ученого и гражданина была направлена на создание координационного центра по изучению и развитию производительных сил Горного Алтая.

Будучи верным сыном своего народа, он стремился облагородить своим живительным участием и судьбу родной автономной области.

Опыт П.Е. Тадыева очень дорог, важен и поучителен для молодого подрастающего поколения нашей республики, ибо может служить образцом подлинной гражданской активности и ответственности.

Павел Егорович Тадыев без всякого преувеличения был человеком ярким, талантливым, мудрым, совестливым и избегавшим зла.

Ученый, политик, общественный деятель – верный сын своего многонационального Отечества. Он достойно представлял свой народ и отечественную науку в качестве историка-этнографа на многих международных конференциях, симпозиумах и конгрессах.

Глубоко символично, что в свое время в честь 200 летнего юбилея по инициативе П.Е. Тадыева был воздвигнут памятный обелиск на Семинском перевале. И это не случайно. Пронзительный призыв: как важно знать, помнить и чтить историю своего народа, своего Отечества.

Живительный интерес к Горному Алтаю, к его не только природным красотам, но его археологии, этнографии и истории значительно возрос и продолжает расти. Значит будет возрастать интерес и к научному наследию ученых внёсших достойный вклад в развитие различных наук.

Уходя на заслуженный отдых в возрасте 62 лет, когда Павел Егорович еще долгие годы мог успешно и благополучно работать, он в своем заявлении написал: «Руководствуясь высшими нравственными принципами...». Это не просто слова и поступок подлинного и талантливого ученого и гражданина, а его важнейшие жизненные ценности и принципы.

Поэтому 260-летний юбилей добровольного вхождения алтайского народа в состав России побуждает не просто вспомнить факты истории, но поименно вспомнить и выразить глубочайшее уважение блестящей плеяде ученых, общественных и политических деятелей автономной области, а ныне республики, вложивших свою посильную лепту в историю и судьбу нашего Отечества. Среди них и достойное имя историка-этнографа, политического и общественного деятеля – Павла Егоровича Тадыева.

Ученый и гражданин, стремившийся всей своей сутью к бережному сохранению фундаментальных основ национальной жизни.

Библиографический список

Монографии, диссертации:

1. Самаев, Г.П. Горный Алтай в XVII – середине XIXв.: Проблемы политической истории и присоединения к России/ Г.П.Самаев. Монография. – Горно-Алтайск: Горно-Алтайское отделение Алтайского книжного издательства, 1991. – 256 с.
2. Тадыев, П.Е. Процесс национальной консолидации алтайцев в условиях социализма: Автореферат дис.... канд.ист.наук/ Павел Егорович Тадыев; Институт этнографии имени Н.Н.Миклухо-Маклая. – М-Л., 1951. – 16с.
3. Тадыев, П.Е. Поворотный пункт в истории Горного Алтая/П.Е.Тадыев. – Великая дружба., Горно-Алтайск, 1956г. – 166 с.
4. Тадыев, П.Е. Гражданская война в Горном Алтае / П.Е. Тадыев: 40 лет Советскому Горному Алтаю. – Горно-Алтайск, 1957 г.

Статьи из журнала:

5. Памяти ученого. Павел Егорович Тадыев: к 80летию со дня рождения//Сибирский педагогический журнал. – 2006. – №3. – с. 64-80

Об авторе
Кыпчакова Л.В. – кандидат исторических наук, доцент. Горно-Алтайский государственный университет, г. Горно-Алтайск

Kipchakova L.V.

Pavel Egorovich Tadiev: the scientist and the citizen

Abstract. In the article, on the basis of available published papers, analyzed the life and work of scientists, prominent political and public figure of the Altai mountains Tagieva Pavel Egorovich.

Keywords: History of the Altai people voluntary entry «inhabitants of Altay» in Russia, cultural interaction, and the progressive value of the voluntary entry of the Altai people in Russia

Статья поступила в редакцию 29.10.2016

УДК 94(571.16)«189/192»:(27)

Р. В. Мезенцев, И. Г. Черлояков

Старообрядцы Бийско-Прителецкой черни на рубеже XIX-XX вв.

Алтайский государственный гуманитарно-педагогический университет им. В.М. Шукшина; Тондошенская СОШ, с. Тондошка, Турочакский район, Республика Алтай

Аннотация. В статье, на основе опубликованных материалов и архивных документов, освещен процесс освоения старообрядцам и Бийско-Прителецкой черни на рубеже XIX-XX вв.

Ключевые слова: Освоение Сибири, русские переселенцы, Русская Православная церковь, старообрядчество, Никоновские преобразования, «беспоповцы», Прителецкая чернь

История алтайского старообрядчества была, по свидетельству отечественных исследователей (светских и церковных), была весьма тесно связана с освоением Сибири русскими переселенцами. Наиболее представительными среди них оказались старообрядцы (как поповских, так и беспоповских согласий). Кстати, «беспоповские возникли, как известно, еще в 90-е гг. XVII века (в результате смерти священников «старого рукоположения», т.е. поставленных еще Русской Православной церковью до Никоновского патриаршества, т.е. еще до середины XVII в. Именно они называли себя «древлеправославными христианами иже священства не приемлющие». Иначе говоря, это были те православные христиане, которые не приняли «новшеств» патриарха Никона и в силу этого, они остались совершенно без священников, а потому и стали именоваться в быту «беспоповцами». Вместе с иереями они лишились и многих церковных таинств, в частности, причащения, миропомазания, брака, елеосвящения и др. Потому исполнение большинства таинств у них взяли на себя выборные миряне.

Суть вероучения беспоповцев заключалась в идее об уже свершившемся воцарении «антихриста». Из этой идеи родилось и убеждение «о прервании благодати священства и прекращении церковной иерархии. Проповедь духовного «антихриста» трактовалась ими, как правило в виде совокупности ересей, проникших в Русскую Православную церковь. Словом, отвергали «беспоповцы и «никонианскую хиротонию», а также необходимость священства для спасения души». Истинное духовенство, по их мнению «беспоповцев, «было истреблено «антихристом» [1, с. 719].

Если говорить о беспоповском согласии в Бийско-Прителецкой черни, то здесь оно было представлено «часовенным» или «стариковским» толком, бытовавшим здесь, начиная с XVIII столетия. Из дошедших до нас легенд известно, что в горах на Телецком озере «издревле существовали скиты «стариковцев». Однако некоторое исследователи старообрядчества считают, что они занимали промежуточное положение между поповским и беспоповским согласиями.

«Стариковцы», как утверждают отдельные из них, «издревле отличались своеобразием своих представлений и строгостью своих нравов». Соглпсно их утверждениям, сами они называли свой толк – «стариковина». Блюдя ее, многие из них наотрез отказавшись участвовать в мирских делах, старались жить только натуральным хозяйством. В силу своих «претензий, «стариковцы» пользовались отдельной посудой, дабы «не осквернить себя через общую трапезу с мирскими людьми». Не принимали «стариковцы» и технические изобретения, кои они считали «бесовскими». Были им свойственны и обрядовые особенности. В частности, «стариковцы», причащаясь, пользовались не просфорами, а «Богоявленской водой», а на Пасху – яйцом, пролежавшим перед иконами целый год, т.е. со дня прошлой Пасхи. При переходе в «стариковину» «никониане» должны были «крещаться заново», а старообрядцев – «поповцев» они только «докрещивали, с отречением от ереси». По свидетельству «стариковцев», для принятия их веры человек прежде, чем креститься, обязан был три года учить устав. Так как, согласно в евангельской притче о хозяине и садовнике, последний три года ухаживал за деревом и лишь только на четвертый год оно зацвело.

Духовным руководителем «стариковской» общины являлся, по их признанию, настоятель,

который по их словам, являлся – «почти как священник». Он, по их словам, «имел право отсаживать от собора, сводить жениха и невесту и др.». Иначе говоря, «стариковцы решали все проблемы собором» (т.е. общиной) на духовной беседе», в том числе и догматические. К примеру, отпевание умерших без покаяния. «Стариковцы», по их словам, сознательно не распространяли свою веру. «Веру свою надо скрывать, чтобы посторонние не осмеяли Писание». Ведь все, написанное в Вашем Писании», – заявляли «стариковцы» – это «сказки и небылицы». Наша же вера – бессмертна. Если ваша вера от этого, т.е. от широкого распространения – погибнет, то наша вера не погибнет, от этого, она только чуть истончится и вытянется в ниточку», – говорили «стариковцы» своим оппонентам.

«Часовенный» толк («стариковщина» – одно из его самоназваний) именовался так вследствие совершения службы в лишенных алтарей часовнях. Важным отличительным принципом их догматики являлся отказ от перекрещивания перешедших в «стариковщину» старообрядцев иных согласий [2].

Другая часть старообрядцев – «поповцы» – принимали «беглых» священников из Русской Православной церкви. При этом с самого начала раскола, они не оставляли мысли «залучить» к себе архиерея. Но их попытки, начиная с начала XVIII в., не увенчались успехом. Особенно остро встала для них эта проблема эта в первую половину XIX в., когда правительство издало ряд законодательных актов, запрещавших «стариковцам принимать «беглых» попов. Вопрос о необходимости восстановления в старообрядческой Церкви трехчинной иерархии обсуждался в Москве, Петербурге, Стародубье, на Керженце, Ветке, Иргизе и других центрах староверия. Было решено послать на Восток на поиски архиерея доверенных лиц – иноков Павла (Великодворского) и Олимпия (Милорадова (он же Зверев).

Экспедиция старообрядческих делегатов увенчалась успехом: в Константинополе они познакомились с бывшим босно-сараевским митрополитом Амвросием (Поповичем). Он согласился присоединиться к «древлеправославию» и переехал на территорию Австрии в монастырь, расположенный близ местечка Белая Криница. 28 октября 1846 г. «вдовство» старообрядческой Церкви окончилось: митрополит был присоединен к староверию. Новое поповское согласие получило название «Белокриницкой иерархии (“австрийцы”)». Тем самым старообрядческая церковь обрела собственного епископа, наделенного правом рукополагать служителей в священнический сан.

В России архиереи Белокриницкой иерархии по разным причинам смогли появиться не ранее 1849 г. Первым, сюда в сане епископа Симбирского, прибыл Софроний (московский мещанин Степан Трофимович Жиров; который был поставлен во епископа 3 января 1849 г. митрополитом Кириллом). Вскоре по прибытии из Австрии, Софроний совершил поездку по стране (естественно нелегально). По пути он занимался «подбором кадров» для руководства общинами нового согласия. Особенно «плодотворным» было его посещение Пермской губернии. Согласно отчету Пермского губернатора, в 1850 г. в губернии проживало около 72 тыс. «раскольников разных сект и толков» [3]. В эти годы отмечается и распространение белокриницкого священства среди алтайских «поляков», а пермские раскольники – переселенцы – во многом определяли положение «австрийцев» в Бийско-Прителецкой черни. Так, здесь в 1894 г. из всех черневых отделений Алтайской Духовной миссии (АДМ), раскольники проживали только в одном – Макарьевском и то в количестве всего 150 душ обоего пола [4, с. 84-85]. Но через каких-то восемь лет ситуация с численностью «ревнителей древлеправославия» в крае изменилась коренным образом. Из шести северных отделений АДМ более половины из них «заразились» расколом. Так, в Кебезенском отделении их насчитывалось тогда 427 человек, Макарьевском – 396, Паспаульском – 166 и Тайнинском – 608 [5, с. 8-9]. Большинство «староверов» являлись переселенцами поповского направления «австрийского» согласия. Лишь деревни Левобережья Бии и Прителечья оставались верны «стариковщине». Таковой была деревня Пьянково, где размещалось до восьмидесяти дворов раскольников. В ней проживал и Григорий Завьялов известный, как наставник «стариковщинской» секты. Никто этой деревней не заведовал: ни Кебезенский, ни Тайнинский миссионер, и не было о ней сведений в «Братстве Святого Димитрия». «От раскольников веяло холодом, ? вспоминал в своих путевых заметках епископ Томский и Барнаульский Макарий: и все выглядело мрачно, как мрачен, был самый день; но живут [стариковцы] зажиточно, ? дома хорошие, имеют много скота [6, с. 49].

Однако после манифеста 17 октября 1905 г. о даровании свобод русскому народу, подняли голову и раскольники – «австрийцы». Они стали строить церкви, торжественно святить их архиерейским служением, их же священники начали устраивать крестные ходы, не отказывались они совершать требы и у православных, особенно браки. Из-за браков нередко происходили пререка-

ния у причтов с прихожанами по поводу требования законных документов. А у «австрийских» священников венчали браки без всяких документов. Легкость брачного сопряжения у «австрийских» лжеиереев частенько смущала даже православных русских из тех, кои издавна имели некоторую склонность к расколу. Были случаи венчания православных подростков «австрийскими» священниками. Все это, конечно, не радовало миссионеров и приносило им лишнюю горечь в служении. Открытая проповедь раскола разных толков делало население равнодушным к религии. В соседстве с расколом крестьяне и далее «черневые татары», хотя не уклонялись в раскол, но, тем не менее, охладевали к храму, к службе, «небрегли об обязанностях христианина». Увещания священников таковых часто парализовались влиянием соседей расколовождей. Особенно такого центра «австрийского» раскола в Бийской черни как в Тайнинском отделении, где их скопилось к тому времени до 1181 души обоего пола. Здесь в самом миссионерском стане – Тайне, у «австрийцев» имелся благоустроенный храм с колокольным звоном, сюда же часто наезжал и их лжеепископ. Много нужно было иметь такта, чтобы не уронить достоинство православного священника в глазах раскольников и немало мужества, чтобы бороться с преобладающим по количеству и сильным по материальному благосостоянию расколом. Отец Алексий (Петропавловский) часто устраивал в школе беседы с православными для укрепления их в истинах Православия, старался о благолепии храма, истовом богослужении и главное внимание обращал на школу. На собранные миссионером пожертвования он отремонтировал храм: покрыл его крышу железом, обшил и выкрасил стены. Устроил вокруг церкви ограду. Несомненно, что все это вместе взятое производило приятное впечатление на людей. Не желая уступать «австрийцам» в благозвучии колокольного звона, батюшка приобрел «стройный и мелодичный ряд». Он же устроил ученический хор, а главное – сумел расположить местного жителя Голованова к постройке новой школы с железной крышей, довольно светлой и обширной. Ее появление обрело «симпатию» местных жителей, причем не только православных, но и раскольников. Несмотря на то, что в селе Тайне имелось две раскольнических школы, в миссионерской школе у о. Алексия обучалось восемь раскольнических детей, кроме двадцати четырех православных [7, с. 28-29].

В 1908 году в Тайнинском и Макарьевском отделениях приверженцев «белокриницы» перевалило за 2000 человек. Раскольников в Кебезенском отделении насчитывалось до 130 дворов, держатели которых прибыли все из Пермской губернии. В том году АДМ понесла «урон» – две семьи православных перешли в этом же году в раскол, а именно: дочь Алексея Казанцева, ктитора церкви в Турочаке, и солдатка – вдова, мать пятерых детей [9, с. 26]. Это обстоятельство заставило священников Кебезенского и Макарьевского приходов зорче наблюдать за расколом. Не секрет, что в его темной среде совершалось много таких деяний, раскрытие которых, несомненно, заставило бы всякого человека посерьезнее взглянуть на эти религиозные общины и многих бы удержало от разного рода «соблазнов». Так, Макарьевский миссионер со слов очевидца изложил следующий факт: «В Марте месяце, в деревне Коже помер стариковщинский наставник Трифон Рогожников. При смерти Рогожникова находились все его родственники – раскольники и в числе их один православный, который передал мне следующее: Рогожников подзывает к себе старшего сына и говорит ему: слушай, запрягай коня и поезжай в Макарьевское за священником. Я хочу перед смертью покаяться в своих грехах пред истовым (т.е. настоящим – Авт.) священником. Хотя я был вашим наставником и соблазнял вас не слушать и не ходить в церковь православную, но знайте, что без церкви православной и без принятия Святых Тайн спастись нельзя. Я вас, братцы обманывал, чтобы нажить состояние, которое, как видите, я и нажил и оставляю вам, мои дети. Но знайте, оно меня погубит, так как я много погубил душ, которые отвратил от Святой Церкви и ее таинств, я сделался уже слугою диавола. Но чтобы мне избавиться от него, – ты съезди за священником в Приселок. Стоящие вокруг кровати умирающего раскольники говорили: он бредит, не слушай ты его; он хочет погубить свою душу, когда тебя посылает за никонианским попом. Нет, родные мои, я нисколько не брежу, я говорю вам сущую правду... Что ты, дедушка Трифон! – загалдела родня, – на что тебе приселкового попа, лучше съездить в Кутобай за отцом Иваном. – Нет, нет мне не нужно его, – застонал больной, – он такой же обманщик, как и я. Съездите, прошу вас, пожалуйста, в Приселок. – Не слушайте его, – твердили раскольники, не видите что ли, в жару он – вот и бредит. – Бог вас накажет, – сказал Трифон младшему сыну, – за то, что вы не послушались отца. С этими словами Трифон помер [8, с. 3-6].

Непростыми были отношения не только между членами толка, но и с другими согласиями. «В августе месяце в деревню Кожу приезжали два

лжеиерея австрийских, – вспоминал Макарьевский миссионер, – которые вели беседу со стариковцами, между прочим, тут были и православные. Австрийский лжеиерей сказал стариковцам: «Вы погибаете без церкви и ее таинств». Стариковец Шмаков на это ему ответил: «А вы разве самито не погибаете? У вас также нет церкви; хотя она у вас и есть, но она незаконная, вы иереи незаконные, неправильно рукоположенные; а еще говорите, что мы погибаем; сначала вы подумайте о себе, а потом уже и нас учите». – Нет, Кирилло Андреич, – возразил австриец, – у нас церковь древлеправославная, от времен апостолов». – «А как же так: до Никона патриарха на Руси была одна церковь, а после Никона разделилась она на двое. Так нам известно, что у вас не осталось епископа, и вы поехали искать его в Грецию и вот там – де за деньги и купили Амвросия. А ты говоришь, что со времен апостолов», – парировал Шмаков». – Да ведь Амвросий правильно рукоположен в Греции, а у нас вера-то от греков, – сказал австриец. – «Мало-ли, что от греков, но ведь Амвросий бежал от своей церкви, как нам известно, нет, мы лучше пойдем к православным, чем к вам; мы сами хорошо знаем, что погибаем без церкви, но только к вашей – не пойдем». – «Ты слушай, – сказал один из собеседников, австриец, – у Никониан попы – то обдирают с живых и мертвых, а у нас этого нет». – Ну, так не говори, – возмутился Шмаков, – что ваши попы ничего не берут, а откуда же у Кутобайского попа взялось 22 коровы дойных? Они не с неба же пали, а он еще году не живет. Мне известно, что к мирскому попу идущие на исповедь, кто даст – ладно, а не даст – тоже. Но к вашему попу надо идти не с пустыми руками, а то и прощенную не даст». – После этого у них на беседе поднялся такой шум, что они чуть было, не передрались.

«В этой же деревне, – продолжал миссионер, – наставником был крестьянин Беркутов, который выдал свою дочь замуж: конечно, за своего единоверца. Для этого наставник, немалое время сводил свою дочь с женихом. Однако в конце августа месяца дочь его убежала от своего мужа и заявила отцу, что жить со своим мужем, она не будет. Беркутов вынужден был принять дочь к себе. Однако пасомые его узнали, что дочь его вернулась от мужа и живет у отца. Они собрались на сходку и порешили отказать Беркутову от наставничества за то, что он принял свою дочь обратно. Беркутов кое – как умолил своих пасомых, чтобы они оставили его на месте. Стариковцы согласились, но при условии: он возвращает дочь к своему мужу. Однако дочь «забастовала» и заявила отцу и прочим стариковцам: «Я ваш брак не признаю. Если вы желаете, чтобы я возвратилась к мужу – то пусть он повенчается со мною в православной церкви; тогда он мне будет муж, а я ему жена». Но родители мужа воспротивились этому. Но дочь наставника стояла на своем и они и порешили ее прогнать. Она вынуждена была жить в деревне Кутобай, у православных» [9, с. 43-44].

С одной стороны, конец XIX – начало XX в. стало наиболее благоприятным периодом в истории черневого старообрядчества. Это было время развития обрядовой практики, осмысление догматических вопросов староверия, формирование библиотек духовной литературы, функционирование старообрядческих школ и храмов, в которых обучали церковно-славянскому языку и крюковому пению, способствовавшим сохранению богослужебных традиций. Однако, с другой стороны, наблюдалось печальное явление: православные, ничтоже сумняшеся, ходили в праздники в «австрийскую» церковь, и даже приглашали к себе на дом лжеиерея для служения молебнов, а иногда и крещения младенцев. Почему это стало возможным в Российской империи, с ее вековыми православными традициями? На это можно ответить словами святителя Тихона Задонского: «Душа бо человеческая, яко дух, от Бога созданный, ни в чем ином удовольствия, покоя, мира, утешения и отрады сыскать не может, как только в Бозе, от которого по образу Его и подобию создана, когда от Него отлучится, принуждена искать себе удовольствия в созданиях, и страстями различными, как рожцами, себя питает...» [10, с. 813].

Иначе говоря, главная проблема заключалась в выражении «много званых, но мало избранных», не говоря уже о том, что Алтайская Духовная миссия, как и Церковь в целом, оставались частью политической системы царской России того времени. Целью христианской жизни является, стяжение Духа Святого, т.е. приобщение Тела и Крови Христовых. Однако многочисленные исследования свидетельствуют о том, что в Миссии больше внимания уделялось количеству крестившихся, а не числу причастившихся, повышению знаний о Боге, нежели познанию Бога через Св. Причастие, увещанию и беседой против падения нравов вместо очистительной благодати Святых Тайн. Так, в начале XX в. в Северном Алтае проживало 13720 человек православного взрослого населения, из них же причащались ежегодно только 5617 душ (т.е. только около 41% верующих), остальные 8103 или 59% верующих (Подсчет – Авт.) были христианами только по имени [5, с. 10-11].

Библиографический список

1. Православная энциклопедия. – М., 2002. – Т. IV.
2. Казанцева, Т.Г. Старообрядцы Алтая. // Самарское староверие. 2007.
3. Белобородов, С.А. «Австрийцы» на Урале и в Западной Сибири. // Из истории Русской православной старообрядческой церкви – белокриницкого согласия. УГУ. 2002.
4. Отчет Алтайской Духовной миссии за 1894 г. – Томск, 1895.
5. Отчет Алтайской Духовной миссии за 1902 г. – Томск, 1903.
6. Отчет Алтайской Духовной миссии за 1903 г. – Томск, 1904.
7. Отчет Алтайской Духовной миссии за 1906 г. – Томск, 1907.
8. Отчет Алтайской Духовной миссии за 1908 г. – Томск, 1909.
9. Отчет Алтайской Духовной миссии за 1909 г. – Томск, 1910.
10. Дворкин, А. Сектоведение. – Нижний Новгород, 2006.

Об авторах

Мезенцев Р.В. – кандидат исторических наук, доцент Алтайский государственный гуманитарно-педагогический университет им. В.М. Шукшина

Черлояков И.Г. – учитель Тондошенской СОШ, с. Тондошка, Турочакский район, Республика Алтай

Mezencev R.V., Cherloyakov I.G.

Old Believers of Bijsko-Teletskoye Lake plain folk the XIX-XX centuries

Abstract. The article, based on published and archival documents, the process of learning of Old Believers Bijsko-Teletskoye Lake plain folk at the turn of XIX-XX centuries.

Keywords: Development of Siberia, Russian immigrants, Russian Orthodox Church, the Old Believers, Nikon conversion «bespopovtsy», Teletskaya plain folk

Статья поступила в редакцию 17.09.2016

УДК 93/908

А. С. Орехов

Чемальский детский приют до учреждения Чемальской женской общины

Барнаульская духовная семинария, г. Барнаул

Аннотация. В статье на основе опубликованных материалов и архивных документов освещается история возникновения и развития Чемальского детского приюта «Всех скорбящих Радость», входившего в систему благотворительных учреждений Алтайской духовной миссии, вплоть до момента учреждения при нем Чемальской женской общины.

Ключевые слова: Алтайская духовная миссия, Горный Алтай, Чемал, благотворительность, детский приют, миссионерство, миссионерский приют

На всем протяжении существования Алтайской духовной миссии дело благовествования было неразрывно связано с благотворительной деятельностью. Именно миссия стала на Алтае инициатором появления большинства специальных благотворительных учреждений: попечительств, приютов, больниц и пансионов [Миссионерство..., с. 39, 40]. Одним из самых известных сегодня являлся миссионерский детский приют, открытый в 1896 в Чемале на частные и местные средства трудами и заботами миссионера, Начальника миссии и Томского Преосвященного [Отчет..., 1897, с. 24].

Мысль о призрении сирот новокрещенных в Чемале возникла задолго до этого, но долгое время не могла быть осуществлена за отсутствием средств. Как написано в отчете Алтайской миссии за 1910 год: «Нельзя было без сердечной боли смотреть на бедных детей, брошенных положительно на произвол судьбы. Голодные, почти нагие, в зимнюю стужу, они жмутся, бывало к огню, опаляя свое тело и жалобно заглядывая на всякого, как бы ища сострадания в окружающих. За горсть толокна, за крышу юрты приютившие этих детей родичи заставляли их нести непосильные работы, при чем колотушки, а иногда и сильные побои так и сыпались на несчастных» [Отчет..., 1911, с. 21]. С открытием Чемальского приходского попечительства в 1891 г. [ГААК. Ф.188. Оп.1. Д.1. Л.31об.] была сделана попытка облегчить участь таких детей. Тем семьям, где были сироты, выдавались ссуды хлебом, деньгами, одеждою. Однако, далеко не всегда помощь эта поступала по назначению. Сознавая это, миссия решилась «устроить приют, не имея средств, а полагаясь в этом деле исключительно на помощь Божию» [Караваева, с. 97].

Финансовую поддержку открываемому приюту оказал бывший чемальский миссионер, известный благотворитель Миссии, Преосвященный Макарий. Назначение в 1891 году на Томскую кафедру, вынудило его покинуть Алтай и пост Начальника Алтайской духовной миссии. Тем не менее, он остался навсегда связан тесными узами с Миссией и ее тружениками. Для многих на Алтае святитель был духовным отцом или братом, потому неудивительно, что став Томским преосвященным, епископ Макарий по-прежнему не забывал о нуждах Миссии. С некоторыми из ее сотрудников владыка даже имел постоянную личную переписку. Так, находясь с поездке по томской епархии, с борта теплохода «Фортуна», плывущего по реке Кеть в Нарымком крае, епископ Макарий в письме к чемальскому миссионеру о. Петру Бенедиктову писал: «Чемал-Чопош – мой первенец, не могу забыть его. Теперь же он сугубо для меня дорог: все в нем для меня свое, как бы родное: и церкви, и люди, и школы» [ГААК. Ф.164. Оп.1. Д.52. Л.13]. В том же письме Владыка просил «не лишать его утешения известиями обо всем, что касалось дорогого его сердцу края».

В 1895 году, Преосвященный Макарий впервые с 1891 года посетил Алтай. Одним из основных пунктов поездки был избран Чемал, куда будущий Святитель прибыл вечером 12 июля. Здесь, в «старой» миссии, владыка Макарий провел в свое время много лет, служа миссии, и место это было особенно ему дорого. «Как не любить этот

дивный и восхитительный уголок, в котором приютилось село и старая миссия? Кто хотя раз побывал в этой местности, тот не забудет ее никогда. Самое село Чемал лежит в прелестной долине, с востока окаймленной цепью гор, а с запада – быстротечной и беловодной, как молоко, р. Катунью... Против миссии река заключена как бы между каменных гигантских щек, которые обрывистыми скалами спускаются в воду. Скала берега, на котором стоит миссия, имеет до 10 сажень высоты. Против старой миссии, посреди реки, возвышается каменный остров, покрытый смешанным лесом и кустарниками и поднимающийся над поверхностью воды сажень на 20. На этом острове были некогда убогие кельи, устроенные иночествующими миссионерами. Самая верхушка скалы острова увенчана деревянным крестом. Почти на самом краю скалы острова, опускающейся отвесно в бушующие воды Катуни, находится чугунная плита с соответствующей надписью в память посещения и освящения этого места бывшим преосвященным Томским Парфением в 1855 году» [Посещение..., с. 13].

От современного к тому времени центра села «старая» миссия находилась в полуверсте. Это было место, где при основании Чемальского стана построили первый небольшой храм с помещениями для миссионера-священника и псаломщика. К 1895 году, согласно документальным источникам, дом миссионера из-за крайней ветхости уже разобрали, а дом псаломщика перестроили. Старый же храм к приезду святителя Макария вновь был отремонтирован, а вся бывшая усадьба при нем была обнесена оградой.

Именно после посещения Святителя окончательно было решено организовать в Чемале приют для детей-сирот инородческого происхождения, при этом предоставив в его пользование старый чемальский храм. Чуть позже, летом 1896 года, в храм был перенесен иконостас из старого Пешпельтирского молитвенного дома, и Преосвященнейший Мефодий (Герасимов), новый начальник Миссии освятил молитвенное здание. Так первый чемальский молитвенный дом вновь стал действующим, теперь уже в качестве храма для устраиваемого детского приюта. В архиве Синода (сегодня его фонды находятся в ведении Российского Государственного Исторического архива) сохранились обмеры храма в страховой оценке 1910 года. Там указано, что это была деревянная церковь, без фундамента и без колокольни, покрытая тесом. Размеры храма были следующие: длина церкви 15 ? аршина, ширина 9 ? аршина, высота до карниза 7 аршин. Церковь снаружи была окрашена масляной краской и имела три главы: одну большую и две маленьких над алтарем и притвором. Полная оценка здания вместе с иконостасом составляла 600 рублей [РГИА. Ф.799. Оп.33. Д.2121. Л.84].

Приют и храм получили наименование в честь Скорбященской иконы Божией Матери. В храме находилась запрестольная икона Божией Матери с Предвечным младенцем художественной работы графини М.В. Орловой-Давидовой. Иконостас казался миниатюрным, по стенам храма было развешено множество маленьких иконок. Колокольней для церкви служила тогда старая сосна, на которой висел один небольшой колокол, также принесенный общине в дар Святителем Макарием.

В сентябре 1896 года в переписке с о. Петром Бенедиктовым владыка Макарий благодарил чемальцев за восстановление памятного ему «старого храмика» и желание сделать «старую миссию» в Чемале местом для «жилища желающим предать себя на служение Господу в свободе безбрачной жизни, в послушании воле Господней, в самопринуждении ради царствия Божия и служении ближним в духе любви, взаимоуважении, послушании и терпении» [ГААК. Ф.164. Оп.1. Д.52. Л.1-2]. В ответ на просьбу дать для общинников правило «для стяжания смирения и молитвы» Святитель писал: «У них оно есть, не мной дано, а Господом и Его Апостолами. Вся вам любовию добывают, чего хочешь себе, того и желай другому. Яко же хощете да творят вам человецы, и творите им такожде. Непрестанно молитеся – вот правило и молитва». В добавление к этому владыка Макарий говорит о желательности совершения литургии для келейниц в домовой Скорбященской церкви хотя бы один раз в неделю в будние дни, посещения литургии в приходской церкви – в воскресные. Владыка коснулся и вопроса о наименовании создаваемой общины. В ответ на предложение о. Петра назвать общину в честь самого Владыки Макария, он ответил: «Если же назвать ее нужно, то отнюдь не моим именем при жизни моей; лучше пусть именуется «Чемальской» келейкой, или общиной, или скитом, или богадельней» [ГААК. Ф.164. Оп.1. Д.52. Л.1-2].

Стоит отметить, что при открытии приюта Владыкой еще не было окончательно решено, что это будет за учреждение. Первоначально предполагалось принимать в него и детей-сирот и престарелых прихожан, не имевших крова, лишь чуть позже возникла мысль об учреждении здесь и женской общины, что бы сестры этой обители, как послушание, могли нести труды по уходу за осиро-

телыми детьми и беспомощными больными. Как писал основатель приюта о. Петр Бенедиктов в 1896 году: «Мы не задаемся широкими целями, а желаем только оказать посильную помощь страждущим из прихожан» [Приют-богадельня..., с. 373]. Предполагалось брать детей с 5-6 лет и воспитывать их до того возраста, когда они сами смогут зарабатывать себе на жизнь. При этом приют должен был их приучить к труду, опрятности и христианским нравственным заповедям [Отчет..., 1911, с. 22].

Первой Начальницей Приюта стала Ирина Макаровна Козлова – дочь местного зажиточного алтайца [Отчет..., 1912, с. 44, 45]. Духовная дочь бывшего местного миссионера а позже Святителя Московского Макария, бескорыстно, из любви к детям и миссионерскому делу отдала себя на служение приюту. Ранее, начиная с конца 1869 года [ГАТО. Ф.183. Оп.1. Д.2], по благословению владыки Макария она преподавала в местной миссионерской школе, хотя сама к тому времени умела лишь «читать да считать», получив образование в Улалинской Никольской общине: «Детей учи и сама учись» [Макарова-Мирская, с. 12]. С 1869 года в течение двадцати четырех лет преподавала она в Чемале [ГАТО. Ф.183. Оп.1. Д.2]. Но годы брали свое, и в начале 1890-ых гг. Ирина Макаровна попросившись на покой, уехала к своему племяннику,[1] который служил при Чолышманском миссионерском стане. Прожила она там всего два лет, и выезжая с Чолышмана, дала обет вернуться в Чемал, в «новосоздаваемый сиротский приют». К возвращению И.М. Козловой, домик для сирот уже был готов и о. Петр как раз искал воспитательницу. Ею и стала Ирина Макаровна. Все последующие годы она трудилась в качестве начальницы детского приюта, получая лишь небольшое содержание по окладу заштатной учительницы [ГААК. Ф.164. Оп.2. Д.19. Л.78.; ГААК. Ф.164. Оп.2. Д.30. Л.123-124об.]. Этот же скромный оклад остался за ней и после назначения новой начальницы в 1909 году [ГААК. Ф.164. Оп.2. Д.47. Л.207.; ГААК. Ф.164. Оп.2. Д.122. Л.18]. Даже через двадцать лет уже пожилая учительница, не могла без душевного волнения вспоминать первые годы существования приюта: «Трудно было жить... ох, как трудно тогда!» [Макарова-Мирская, с. 12]. Особенно тяжело было в первый год. У дома не было ни кладовки, ни сеней (их пристроили только на второй год). Не было практически ничего, нуждались и в одежде, и в помещениях, и в продуктах. Не было своих надворных построек. А зимой возникла проблема и с водой. Спуск к Катуни обледенел, река промерзала, приходилось или топить лед, или идти за водой в село. Да и сам дом был холодным. Помогали хоть как то его обогреть всем миром, «кто рогожи принесет, кто одеяло пожертвует». В конце осени о. Петр устроил в доме железную печь, но она была старой, и давала много дыма. Особенно тяжело, конечно, было во время бурь, длинными холодными ночами, когда ветер, проникая в малейшие щели в стенах, вынуждал поддерживать огонь постоянно. Спасали лишь духовные труды и молитва, да еще воспоминания о том, что здесь же в свое время жил Владыка Макарий, жил один без помощников и поддержки. «Не мы одни, думаю, для Господа маемся», – думала первая воспитательница приюта. Начальствующее положение Ирины Макаровны создавало много забот и печалей о том, чтобы при очень скромных денежных средствах община имела возможность существовать. Постоянные тревоги и тяжелые условия жизни не способствовали сохранению и так шаткого здоровья пожилого человека. В ноябре 1898 года И.М. Козлову тяжело заболела плевритом, чуть не приведя к необходимости искать нового труженика для приюта, но болезнь отступила, и к середине зимы заведующая приютом «вновь была уже на ногах» [Из писем..., с. 175], продлив срок своего служения еще на 10 лет.

Чемальский детский приют под управлением Ирины Макаровны представлял собой учреждение, целиком посвященное делу благотворения, призванное дать детям, лишенным родительского тепла, заботу и внимание, образование и устроенность в жизни. Главной заботой работниц приюта было, чтобы дети в приюте были «чистенькие, скромненькие, жизнерадостные, трудолюбивые, набожные, почтительные. Много требуется знания, чтобы вкоренить в детях эти добрые качества. Много надо душевной теплоты, чтобы вызвать в себе чувства материнские» [Православный..., №4, с. 179].

Воспитание добрых качеств души было неразрывно связано и с необходимостью вырастить заботливых хозяек и образцовых жен для создания крепких семейных очагов. Все это воплощалось в школьных занятиях и хозяйственных работах. Для девочек-инородок кроме предметов обычной школы грамоты были организованы занятия по письмоводительству, музыке, рукоделию, сельскохозяйственным работам. Конечно, Миссия

[1] Вероятно, это послушник Бийского архиерейского дома, бывший солдат Стефан Ермолаевич Козлов.

не забывала и о духовном воспитании приютянок. Ведь, изначальной целью всех духовных приютов являлось воспитание богобоязненных, трудолюбивых, скромных женщин, которые выходя замуж, могли бы устраивать свой домашний очаг на началах истинно-христианской семьи. Кроме того, миссионеры сознавали, что через женщину «скорее проникнут в жизнь инородцев христианские начала» [Отчет..., 1906, с. 19]. Девочек приучали, прежде всего, к навыку молитвы, опрятности, трудолюбию и грамоте. У приюта был свой огород, рогатый скот, птица, хлебные посевы. Девочки все делали сами: косили, жали, пряли, готовили пищу и т.д. На огороде выращивали все, начиная с отличной капусты, картофеля, и кончая помидорами, арбузами и дынями. Кроме огородов община имела свою пасеку, небольшое стадо коров, коз и овец и свой скотный двор. Мальчиков также учили ремеслам, а девочек – шитью, вязанью и другим необходимым рукоделиям. Последнее же особенно желательно было для алтайских девочек, так как женщины Алтая большую часть свободного от хозяйства времени проводили праздно и не знали почти никаких рукоделий [Отчет..., 1903, с. 43, 44]. Свое домашнее хозяйство, хотя и не могло полностью обеспечить общинниц, существенно их поддерживало.

Дело школьного обучения сирот шло неразрывно с воспитанием и делом духовного становления с первых лет существования приюта. Учительствовала в приютской школе все та же заведующая приютом, совмещая, кроме того, и множество других обязанностей по руководству, содержанию и организации приюта. Значение приютской школы для Алтайской миссии сложно было переоценить, ведь выпускницы приютской школы могли в будущем послужить делу распространения православия и на учительской ниве, причем как в смешанных школах, так и в школах с одним лишь алтайским языком.

С первых дней существования приюта, его благодетель, будущий Святитель помогал ему не только духовно, но и материально. Уже в первое время обустройства от Преосвященного лично и через него, от различных благотворителей, первым из которых, кстати, стал некий Г. Щеглов, начали поступать значительные денежные пожертвования [Отчет..., 1897, с. 25]. Именно на эти средства из материала старого миссионерского дома о. Петром Бенедиктовым был построен первый приютский дом, который в первый же год заняли трое круглых сирот-чемальцев [Отчет..., 1912, с. 45]. О первых жертвователях на дело обустройства приюта о. Петр Бенедиктов подробно пишет в своих записках за 1896 год. Одним из самых первых жертвователей стал преосвященнейший Мефодий (Герасимов), на средства которого удалось обновить и изготовить киоты для икон восстановленного храма приюта. В числе жертвователей записаны также и многие миряне: И.Е. Шавров, М. Тюменцева, Г. Эдельштейн, Г. - Вяткин и другие [Приют-богадельня..., с. 373].

Сами чемальцы осознавая неоценимую пользу учреждаемого приюта также вносили свою посильную лепту. Кто-то, как например, Алексей Леонтьевич Зырянов, помог обзавестись хозяйством, другие помогали с лошадьми. Бывали случаи, когда кто-либо из чемальцев предлагал о. Петру взыскать долг в пользу приюта. Посредством увещеваний, миссионеру это иногда удавалось сделать [Макарова-Мирская, с. 13].

В следующем 1897 году на личные средства Преосвященного Макария над приютским домом был отстроен второй этаж, и приют, получил возможность принять под свой кров новых сирот. С этого времени приют начал функционировать тверже. Вот что писал в письме от 2 августа 1897 г. на имя Высокопреосвященнейшего Покровителя приюта, заведующий приютом священник о. Петр Бенедиктов: «То, что другие именуют скудостью в нашем приюте, мы считаем милостью Божией после действительной скудости прошлой зимы. Все наши сироты сыты, одеты, живут просторно, – чего еще желать тем, кто не уверен был, чем пропитает себя на завтрашний день? Правда, многого еще не достает, но жили и тогда, когда ничего не было, правда что беден наш храм, но было время, когда негде было молиться, правда, что проста и очень скромна одежда, но было, что рубище не покрывало наготы тела, правда, что не обильна трапеза, но было и то, что по целым дням почти ничего не вкушали. Мы от всей души благодарим Господа, что Он въяве творит Свою милость к нашему приюту...» [Отчет..., с. 46].

В 1898 году основные потребности приюта были удовлетворены новыми значительными пожертвованиями Святителя Макария [Из писем..., с. 175]. Если в первые годы Святитель жертвовал лишь собственные средства, то к началу XX в. Ему все чаще удавалось привлечь и других «доброхотных жертвователей», что позволило приюту значительно улучшить свой быт и начать обзаводиться новыми постройками.

Первое новое здание было построено в 1905 году. К этому времени в приюте уже призревалось 20 девочек-сирот. Одно приютское здание к тому времени стало тесным, и по инициативе вла-

дыки Макария было начато строительство еще одного отдельного добротного здания. На эти цели Святитель передал в приют 1800 рублей. Дом строился одноэтажный под железной крышей, разделенный на две половины широким коридором. В каждой половине его размещалось по две комнаты. Фундамента дом не имел и был 19 аршин в длину, 12 – в ширину, и 6 ? аршин в высоту. В том же 1905 году он был сдан в эксплуатацию [РГИА. Ф.799. Оп.33. Д.2121. Л.84]. Впоследствии здесь разместился приютский дом для мальчиков [ГААК. Ф.164. Оп.1. Д.149а. Л.5].

Тогда же было начато строительство и еще одного приютского дома – уже двухэтажного. Это было крытое тесом здание без фундамента. Длина его составляла 14 аршин, ширина – 7 аршин, и высота – 8 аршин [РГИА. Ф.799. Оп.33. Д.2121. Л.84]. К этому зданию была пристроена завозня (для конных телег) с погребом. Этими постройками занимался миссионер Тимофей Петров. Уже к 25 июня 1905 года на постройку этого здания было израсходовано 1633 рубля 31 коп. [От Улалы..., с. 6]. А окончательная отделка была произведена в 1906 году [РГИА. Ф.799. Оп.33. Д.2121. Л.84]. Судя по размерам здания, здесь имелось две квартиры с открытой галереей [Крейдун, 2013, с. 155]. В этом здании впоследствии расположился дом для сестер общины [ГААК. Ф.164. Оп.1. Д.149а. Л.5].

Существенным подспорьем для приюта в последующие годы стала сдача этих двух приютских домиков в аренду «дачникам» на летние месяцы. Дело в том, что в начале XX века Чемал благодаря своему уникальному климату стал приобретать все большую популярность среди отдыхающих. В 1905 году летом в Чемале и Элекманаре проживало более 250 отдыхающих. Их здесь называли «дачниками», «воздушниками» или «саламандарами» («соломенники» – от соломенных шляп) [Крейдун, 2007, с. 31]. За аренду домов Община выручала по 150 рублей в год. Кроме того, с ежегодным увеличением количества дачников становились все более существенными и доходы от торговли продуктами. В эти же годы при посредничестве Преосвященного Макария Чемальскому приюту были пожертвованы несколько ценных бумаг на общую сумму в 2500 рублей, банковский процент с которых выдавался на текущие нужды приюта [ГААК. Ф.164. Оп.2. Д.30. Л.8]. Основные же статьи расхода приюта всегда были неизменными: покупка пищи, одежды и обуви для приютянок, отопление и освящение помещений [ГААК. Ф.164. Оп.2. Д.30. Л.125]. Лишь при поступлении значительных пожертвований производились траты на ремонт или строительство новых приютских домов.

Третий приютский дом был построен в 1910 году, на собранные Владыкой Макарием в Томске и свои личные средства (всего около 3000 рублей). Наибольшую часть этих пожертвований составили полученные на постройку нового здания приюта от купеческой вдовы г. Каинска Александры Ивановны Шкроевой 1000 р. [ГААК. Ф.164. Оп.2. Д.47. Л.2, 21-22]. Заготовка леса для него началась еще осенью 1909 года, когда Святитель прислал с этой целью на адрес начальника Миссии 1250 рублей. Новое здание было деревянным одноэтажным на каменном фундаменте, покрытым железом, длина дома составляла 20 аршин, ширина – 18 аршин и 2 вершка [РГИА. Ф.799. Оп.33. Д.2121. Л.84]. Строительство его было окончено в 1910 году, и позже именно здесь и расположился основной приютский дом для девочек [ГААК. Ф.164. Оп.1. Д.149а. Л.5]. Прямоугольно в плане, здание делилось на две части широким коридором, в котором размещалась раздевалка. Справа и слева от входа были две просторные комнаты для спален, а в южной части здания – зал, который мог служить учебным классом, трапезной или игровой [Крейдун, 2013, с. 156].

В архиве сохранилась подробная смета, составленная подрядчиком мещанином Александром Алексеевичем Павлючиковым для постройки этого здания. Примерная цена всей постройки со всеми нужными материалами: камнем, железными и медными изделиями, известью, глиной, землей, и песком, исключая вырубку и доставку лесных материалов на место постройки, составила 1845 рублей [ГААК. Ф.164. Оп.2. Д.38. Л.8, 8об.]. Общая же сумма, затраченная Общиной-приютом в этом году на ремонт своих зданий, составила чуть более 3 тысяч рублей [ГААК. Ф.164. Оп.2. Д.47. Л.202]. В том же году Владыка через игумению Бийского Тихвинского монастыря Ираиду приобрел для приютского храма новые выносные подсвечники и другую утварь [ГААК. Ф.164. Оп.2. Д.43. Л.37].

Постепенное расширение приюта позволяло увеличивать число приютянок. Если в 1901 г. Во время визита в Чемал святителя Макария находилось 8 детей [Обозрение..., с. 27], то к 1905 г. их число составляло уже 20 человек [ГААК. Ф.164. Оп.1. Д.83. Л.5]. Росло и число послушниц и сестер, присматривавших за детьми. А потому Начальник Миссии позаботился о назначении достойной помощницы для Ирины Макаровны, в лице бывшей послушницы Улалин-

ского монастыря Елизаветы Ивановны Чебыкиной. При содействии новой помощницы, Ирина Макаровна несла свои обязанности на поприще воспитания детей-сирот Алтая до осени 1909 г. [ГААК. Ф.164. Оп.2. Д.38. Л.178]. В этом году по преклонности лет и слабости здоровья она выразила желание уйти на покой, оставшись при приюте для изготовления просфор, и присмотра за мальчиками-сиротами [Крейдун, 2008, с. 113].

Место свое Ирина Макаровна уступила бывшей инокине Томского Иоанно-Предтеченского монастыря Лидии Тихоновне Михайловой [Отчет..., 1912, с. 47]. Лидия Михайлова, была дочерью томского мещанина, девицей 1878 года рождения. Окончила курс Томской женской гимназии. В 1896 году поступила в Томский Иоанно-Предтеченский монастырь, где состояла учительницей при монастырском училище девиц духовного звания до 1901 года, а с 1901 до 1908 года трудилась в церковно-приходской школе при местном приюте и доме Трудолюбия. Покрыта рясофором она была по резолюции Преосвященного Макария 28 марта 1902 года [Скворцова, с. 15]. Направил ее в Чемал все тот же владыка Макарий. От святителя ей было благословение: «... ступай, потрудись в моем любимом уголке Алтая, если надеешься на свои силы ...» [Православный..., с. 226]. С 1908 года, приехав на Алтай она сначала трудилась учительницей Чемальской миссионерской школы, получая содержание из личных средств Владыки [ГААК. Ф.164. Оп.1. Д.56. Л.29.; ГААК. Ф.164. Оп.2. Д.30. Л.28-28об.], а в 1909 году Указом Томской Духовной Консистории от 21 августа была принята в число сестер Томского монастыря, с оставлением на послушании в Алтайской миссии. В ее послужном списке было указано, что Л. Михайлова «к прохождению возложенной на нее должности весьма способная» [ГААК. Ф.164. Оп.2. Д.100]. Новая учительница приюта оказалась образцовой «педагогичкой». Об этом свидетельствовали отзывы беспристрастных лиц, имевших более или менее близкое отношение к приюту [Отчет..., 1912, с. 48].

Хорошие отзывы о ней были и со стороны местных жителей. Ее характеризовали как «великую труженицу» и «интересную личность», вспоминая о ней, чемальцы говорили: «Господь ее видно нам послал». Святитель Макарий также был о ней высокого мнения: «в Чемальской общине начальствует моя духовная дочь Лидия Тихоновна Михайлова, юная летами, но зрелая духом» [Молись..., 1998, с. 31]. Заведующей приютом Л. - Михайлова стала в 1909 году, при этом оставаясь в должности учителя школы [Отчет..., 1911, с. 22].

В помощь новой заведующей были командированы из того же Томского женского монастыря, согласно их собственному желанию, еще две сестры: одна для занятия с детьми в школе, другая для дел по домохозяйству. Привезла в Чемал Лидия Тихоновна с собой и свою мать, Евдокию Васильевну Михайлову.

В том же 1909 г. согласно резолюции Преосвященнейшего Макария, Архиепископа Томского и Алтайского для заведования приютской церковью в Чемал был назначен отдельный, второй в Чемальском отделении штатный священник. Им стал, происходивший из «инородцев» и окончивший Бийское Катихизаторское училище отец Василий Михайлович Апанаев, рукоположенный во священника 21 ноября 1901 года. С 1 января 1910 года он стал замещать и должность законоучителя Чемальской мужской школы [ГААК. Ф.164. Оп.2. Д.66. Л.29об.-30об.].

К этому времени в общине уже состояли 8 сестер и 18 воспитанниц [Крейдун, 2008, с. 115], назревала насущная необходимость в официальном учреждении при Чемальском приюте монашеской общины. 17 января 1911 г. указом Святейшего Синода за № 804 было разрешено открыть в Чемальском стане, Алтайской духовной миссии женскую общину под названием «Чемальская женская община», каковая и была официально открыта 1 мая 1911 года [Справочная..., с. 64]. 11 мая того же года Лидия Тихоновна Михайлова резолюцией Высокопреосвященного Архиепископа Макария была утверждена в должности начальницы новооткрытой общины [ГААК. Ф.164. Оп.2. Д.66. Л.34об.-35.; ГААК. Ф.164. Оп.2. Д.53. Л.43].

Такова история развития Чемальского миссионерского детского приюта, прошедшего путь становления от маленького детского приюта размещавшегося в одном небольшом домике до организации женской монашеской общины, обслуживавшей нужды благоустроенного детского приюта, размешавшегося в обширном комплексе зданий.

Библиографический список

Государственный архив Алтайского края (ГААК).
Ф. 164. Оп.1. Д.52, 56, 83, 149а.
Ф. 164. Оп.2. Д.19, 30, 38, 43, 47, 53, 66, 100, 122.

Ф.188. Оп.1. Д.1.
Государственный архив Томской области (ГАТО).
Ф.183. Оп.1. Д.2.
Ф.184. Оп.1. Д.15.
Российский государственный исторический архив (РГИА)
Ф.799. Оп.33. Д.2121. Л.84.
Из писем Алтайских миссионеров. Чемальского миссионера // Православный Благовестник. – М.: издательство Православного Миссионерского общества, 1899. – №4.
Караваева Е.В. Призрение сирот при монастырях и женских общинах в последней четверти XIX – начале XX в. (на примере Томской епархии) // Известия Алтайского государственного университета. – 2010. – №4-3(68). – С.95-100.
Крейдун Ю.А. Алтайская духовная миссия в 1830-1919 годы: структура и деятельность. – М., 2008. – 200 с.+вкл.
Крейдун Ю.А. Миссионерское храмоздательство на Алтае: Воссоздание облика утраченных храмов XIX – начала XX в. – Барнаул: Алт. дом печати, 2013. – 262 с., [8] л.ил.
Крейдун Ю.А. Миссионерский подвиг на южно-сибирской земле // Мир Евразии. – 2014. – № 1(24). – С. 34-39.
Крейдун Ю.А. Храмы, станы и монастыри Алтайской духовной миссии: чертежи, панорамы, 3D-модели. – Барнаул: Алт. дом печати, 2013. – 288 с.
Крейдун Ю.А. Чемальский миссионерский стан // Макарьевские чтения: материалы шестой международной конференции (21-23 ноября 2007 года). – Горно-Алтайск: РИО ГАГУ. 2007. – С. 28-37.
Макарова-Мирская А.И. Полтора месяца на Алтае (Из писем к бабушке). – 1915.
Миссионерство на Алтае и Киргизской степи в 1885 году. – Томск: типо-литография Михайлова и Макушина, 1886.
Молись, борись, спасайся! Письма митрополита Макария (Невского) духовной дочери. – М., 1998. – 95 с.
Обозрение церквей и приходов епархии Его Преосвященством, Преосвященнейшим Макарием, Епископом Томским и Барнаульским в 1901 г. // Томские Епархиальные Ведомости. – 1901. – №24. – С.24-36.
От Улалы до Чемала и Чопош. (К истории Алтайской миссии.) // Томские Епархиальные Ведомости. – Томск, 1905. – №18. – С.1-13.
Отчет Алтайской Духовной миссии за 1905 год // Томские Епархиальные Ведомости. – Томск, 1906. – №9-10. – С.4-22.
Отчет Алтайской духовной миссии, Томской епархии (За 1896 год). – Томск: типо-литография П.И. Макушина, 1897.
Отчет об Алтайской духовной миссии за 1902 год. – Томск, 1903.
Отчет об Алтайской Духовной Миссии за 1911 год. – Томск, 1912.
Отчет об Алтайской Миссии за 1910 год. – Томск: типография Приюта и Дома Трудолюбия, 1911.
Посещение Алтая Преосвященным Макарием, Епископом Томским и Барнаульским в июле 1895 года // Томские Епархиальные Ведомости. – Томск, 1895. – № 21. – С.10-25.
Православный благовестник. – М.: издательство Православного Миссионерского общества, 1912. – №4, 5.
Приют-богадельня в Чемале (Алтайской миссии) // Православный Благовестник. – М.: издательство Православного Миссионерского общества, 1897. – № 24. – С.373.
Скворцова Т. В. Святитель Макарий Алтайский в истории Чемала: Обзор документальных источников // Наследие. Из материалов III Свято-Макариевских чтений: К 210-летию Преподобного Макария Алтайского. Барнаул, 2002. – С.14-26.
Справочная книга по Томской епархии за 1909-1910 год. С дополнениями и изменениями в личном составе священно-церковно-служителей по 1-е марта 1911 г.– Томск: Типография Приюта и Дома Трудолюбия, 1911.

Об авторе
Орехов А. С. – научный сотрудник. Барнаульская духовная семинария, г. Барнаул

Orekhov A.S.

Chemalsky children's shelter before the establishment of Chemal female community

Abstract. The article based on published materials and archival documents highlights the history and development of the Chemal children's shelter «Joy of All who sorrow», which was part of a system of charitable institutions of the Altai ecclesiastical mission, up to the moment of creation with it Chemalsky female community.

Keywords: Keywords: The Altai ecclesiastical mission, Altai Mountains, Chemal, children's shelter, missionary work, missionary orphanage

Статья поступила в редакцию 27.10.2016

УДК 93/94

И.Г. Черлояков

Аборигены Северного Алтая и их взаимоотношения с Алтайской духовной миссией в XIX в.

Тондошенская СОШ, с. Тондошка, Турочакский район, Республика Алтай

Аннотация. В статье, на основе анализа опубликованных и архивных источников, часть которых впервые вводится в научный оборот, рассмотрены взаимоотношения аборигенов Прителецкой черни с Алтайской Духовной миссией в XIX веке.

Ключевые слова: Русское государство, освоение новых земель, Сибирь, Северный Алтай, алтайские «инородцы», местное самоуправление, Алтайская Духовная миссия, приобщение «инородцев» к православию

Активное продвижение Русского государства «встречь солнцу», т.е. на восток, привело его к началу XVII в. к закреплению в верхнем течении р.Томи Основав здесь г.Томск, оно заметно расширило ареал «приискания» и освоения» здесь новых «землиц» и народов. В ходе этого движения на восток, в сферу влияния Русского государства попали и северные алтайцы. Включение их в его состав никак не коснулось жизненного уклада «северян»: они жили и руководствовались былыми правилами и узаконениями. Если говорить об их административном управлении, то оно также не изменилось и функционировало на всем протяжении XVIII в. [1, с. 44]. Тем не менее, в начале XIX в. русские власти образовали новую административно – территориальную единицу в Сибири – Томскую губернию [2, с. 247]. В состав её Бийского уезда и вошли черневые татары (распределившись между шестью волостями: Кергежской, Комляжской, Кузенской, Южской, Верхне-Кумандинской и Нижне-Кумандинской). Их административное деление отражало ранее сложившуюся этническую структуру. Не произошло каких-либо изменений в ней и в «систем» их проживания и в последующие годы, что зафиксировали ученые и путешественники, посетившие их в XIX в.

Но инструкции, которыми руководствовались аборигенами Сибири, не могли охватить все вопросы, касавшиеся их жизнедеятельности. В силу этого, в начале XIX в. появились проекты, касавшиеся вопросов управления аборигенами (Г.И. Спасского (1805 г.), Н.И Трескина (1812 г.). Общей их чертой было одно – сохранение прерогатив инородческой знати, опоры правительства на местах [3, л. 608, 610-612]. Этим последняя пользовалась в полной мере: она укрепляла и свою власть, и своё экономическое положение. Не чуралась при этом она и «злоупотреблений». Они-то и понудили правительство заняться «сибирскими делами». Первым делом был уволен сибирский генерал-губернатор. В марте 1819 г. И.Б. Пестеля сменил М.М. Сперанский. Его «ревизия» вскрыла вопиющую картину злоупотреблений и правительственных чиновников, и инородческих начальников [4, л. 99].

Чтобы «оптимизировать» управление Сибири, Сперанский представил свой проект правительству. Обсудив его, оно утвердило 22 марта 1822 г. «Устав об управлении инородцев», призванный регламентировать их экономическую, административную, судебно-правовую и культурно-бытовую жизнь. В его основу был положен принцип деления «инородцев» на три разряда: оседлых, кочевых и бродячих. Алтайцы Бийского уезда, в т.ч. и северные, были отнесены к кочевому разряду, управление которых состояло из трех ступеней: низшей (родовое управление- управление улусами и стойбищами), средней (инородная управа) и высшей (степная дума). Власть инородной управы распространялась на объединение нескольких улусов и стойбищ. Дума же, согласно закону, управляла всем племенем.

Основу административной и экономической единицы составил, как и прежде, род. Сохранение же родовой общины не лишало родоначаль-

ников былого рычага внеэкономического воздействия на своих соплеменников.

Главная «забота» нового «Устава» состояла в своевременной и бездоимочной уплате «инородцами» ясака и натуральных повинностей. Меньше всего «заботился» он о распространении среди «инородцев» хлебопашества и скотоводства, о своевременной подаче ими сведений о численности населения и заключении им торговых сделок. Со временем натуральный ясак был заменен денежным . Главной причиной этого стало падение роли пушного промысла в «инородческом» хозяйстве и набиравший силу процесс развития товарно-денежных отношений в крае. В этой ситуации только так можно было обеспечить максимальное поступление налоговых платежей в казну, ибо введение дополнительных налогов на «инородцев» запрещалось [5, № 29126].

Заметно ограничил «Устав» и полицейско-судебные функции родоначальников. Отныне они могли разбирать лишь незначительные гражданские дела, не затрагивавших интересов высшей власти. Политические же и уголовные дела были отныне делом царских чиновников.

Чтобы «не обидеть» родовую знать, Устав сохранил ей почетные звания, правда, с оговоркой: «звания наследственные остаются наследственными, звание избирательное остается избирательным». Оставило правительство за собой право и утверждения родоначальников в должности.

По мере укрепления Русского государства в Южной Сибири и в Северном Алтае, в частности, происходит и втягивание аборигенов в систему общерусских государственных связей. Именно это и продемонстрировал Устав 1822 г. Однако включение «северян» в состав России не изменило нормы их обычного права, чего нельзя сказать о их религиозных представлениях и обычаях. Тут свой вклад внесла Русская Православная церковь [6, с.126-127], что стало одним из следствий целенаправленной деятельности М.М. Сперанского. Благодаря ей, «Сибирь стала на общий уровень русской жизни...». «Устав» же предоставил «инородцам» широкие возможности для их общения с русскими, их культурой, бытом, способами ведения хозяйства, что привело «инородцев», в конечном итоге, и к их образу жизни [7, с. 89].

Говоря о религиозных воззрениях, следует отметить, что «Устав» предоставил «инородцам» свободу вероисповедания, не понуждая принимать господствующее в России православие, что способствовало «скреплению» малочисленных народов страны в единое целое [8, с. 24-31]. Но, «даруя это», Церковь не забывала и о распространении православия среди «инородцев».

Несмотря на неудачный опыт второй половины XVIII в., она реанимировала в конце 20-х гг. XIX в. идею приобщения алтайцев к православию В 1828 г. Православная церковь настойчиво ходатайствует перед правительством о «дозволении» ей вести целенаправленную миссионерскую деятельность среди «инородцев» Алтая. Получив «добро», Святейший Синод предписал Иркутскому, Казанскому и Тобольскому епископам организовать при епархиях специальные миссии и подобрать людей, способных вести миссионерскую работу. Благодаря этому предписанию, и была учреждена 28 августа 1830 г. Алтайская Духовная миссия (АДМ) [9, № 21].

Начало ее деятельности связано с именем архимандрита Макария Глухарева. О его жизни, деятельности и истории созданной им миссии написано много, что освобождает нас от их освещения. Поэтому остановим свое внимание на «деле», которое стало для архимандрита «делом всей его жизни», т.е. на «приобщении к вере Христовой инородцев» Горного Алтая. Приобщая их к ней, Макарий пытался добиться для «новокрещенных» некоторых льгот, в частности, соблюдения положения Госсовета от 17 июля 1826 г. «о сложении с инородцев, принимающих Святое крещение», на три года ясака и других податей и повинностей [10, с. 915-916]. Наряду с этим, он пытался создать (но безуспешно) особую волость для «новокрещенных», которая была бы независима и от зайсанов, и от госчиновников [11].

Словом, именно ему были обязаны «северяне» появлению у них первого миссионерского стана – Улалинского, открытого в 1834 г. [12, с.43], в ведение которого входили селения, аилы и заимки, населенные «черневыми татарами» (как крещенными, так и некрещеными), а также русскими крестьянами [13, л. 9-10].

Отъезд о.Макария (в связи с болезнью) в 1843 г., мало что изменил в жизни миссии. Возглавивший её о. С. Ландышев всецело придерживался позиции и взглядов своего учителя. Учитывая обширность края, разбросанность по нему северных алтайцев, новый начальник продолжает работу по устройству новых станов миссии. Благодаря его усилиям, в 1854 г. открывается Макарьевский, а в 1857 г. – Кебезенский станы [14, л. 2-3]

Такая работа миссии по расширению сети станов не осталась незамеченной инспектирующим епископом Томским Парфением. Он «нашел «многотрудную апостольскую работу» миссионе-

ров «весьма успешной», благодаря «коей многие идолопоклонники приобщилось к вере», а край, «доселе слабозаселенный, покрылся... миссионерскими селениями, наполненных новокрещенными алтайцами» [15, с. 69-78].

Представленный им отчет получил в июне 1857 г. «Высочайшее определение»: «1. В виду успешного действования АДМ на идолопоклонников и магометан.., обитающих в Томской губернии,.. увеличить сверх существующих число миссионерских станов. 2. В каждом стане иметь миссионера, причетника, толмача и ...одного причетника ...для письмоводства. 3. Станы подчинить ведению начальника Миссии. 4. На случай болезни его, отлучек и других подобных обстоятельств, назначить ему двух сотрудников, старшего для участия в управлении и младшего для споспешествования в проповеди,..не освобождая ни того, ни другого от общей миссионерской обязанности...» [16, л.18].

Высокая оценка воодушевила миссионеров на новое подвижничество в деле приобщения северных алтайцев к «вере Христовой». Однако последние отнеслись к этому неоднозначно. Одни «инородцы» принимали крещение добровольно. Это делали в большинстве своем (по нужде) – бедняки и калеки. Иеромонах Дометиан приводит случай крещения «слепой инородки Комдожской волости Кереспесь Янушевой с тремя малолетними детьми – сиротами», которые были «совсем наги, истомлены голодом» [17, с. 3]. Такого рода крещений признавал и сами миссионеры. В одном из отчетов прямо говорится, что «переход в христианство начался с бедных, бесприютных и загнанных» [15, с. 69-78].

Наряду с таковыми, была еще одна категория алтайцев, которая соглашалась на добровольное крещение. Но, прежде чем его исполнить, они требовали от миссионеров выплаты им материальной «компенсации». Подобные «добровольцы» своим иждивенчеством вызывали неприязнь миссионеров. Такие новокрещенные, по их мнению, редко меняли свои взгляды. В миссии они видели лишь источник для своего дальнейшего безбедного существования [18, с. 910-911].

И, наконец, были «инородцы», которые ни под каким предлогом не желали креститься. Когда отдельных из них же удавалось окрестить, то «идолопоклонники ополчались» и шли против «новокрещенных». Так, о. Дометиан (Коновалов) писал, что «мать – язычница, узнав, что дочь окрестилась, схватила ее за горло и начала душить. Лишь вмешательство соплеменников избавило девушку от смерти». В другом случае, «некрещеные кебезенцы в качестве мести за крещение сожгли у новокрещенной женщины юрту со всем имуществом» [19, с. 45]. Он же окрестил однажды тубаларку Тану. Но об этом не знал ее муж – Карын. Когда он узнал об этом, то тут же прискакал в Кебезень и бросился на коне в окно избы новокрещенного инородца И. Соколова, укрывшего у себя его жену. Требуя «выдачи» жены, он избивал плетью хозяина дома, пока его не схватили крещенные кебезенцы. Остыв от гнева, он пришел к о. Дометиану, который не только успокоил его, но и сумел склонить Карына к крещению [19, с. 18].

В ответ на подобные акции, миссия принимала меры по защите новокрещенных. В одних случаях, она переводила их в русские селения или в деревни крещеных алтайцев, ходатайствовала перед властями о «предотвращении туземного произвола». Последние лишь увещевали родовых правителей, чтобы их подчиненные не препятствовали желающим креститься и не судили бы без крещенных новокрещенных инородцев» [16, л. 18].

Вмешательство миссии во «внутренние дела инородцев» было не по душе их родоначальникам, не желавшим терять своего монопольного влияния на сородичей. Потому-то зайсаны и баштыки постоянно противодействовали крещению алтайцев, не останавливаясь, порой, перед наказанием «самовольцев». Но, несмотря на это, они видели, что их власть над соплеменниками слабеет. Потому-то они ненавидели миссию и негативно относились к ее деятельности [20, с. 63].

Той же «монетой» платила им и миссия. Уже при С. Ландышеве она стала добиваться, чтобы зайсаны и баштыки были выборными, притом из числа крещеных алтайцев. «Зайсаны, – указывали миссионеры, – имеют для себя особенный интерес держать массы единоплеменников во мраке язычества,.. они опасаются... потерять свое обаяние власти. Звание зайсанов у инородцев наследственно и сохраняется пожизненно, а потому и власть... их – неограниченна и подчиненные относятся к ним с раболепием, боясь и думать о протесте на несправедливые действия своего начальства. Под влиянием зайсанов инородцы... оказывают порой упорное сопротивление проповеди христианской... для устранения этого... враждебного отношения зайсанов – язычников к проповеди Евангелия, желательно... чтобы должность зайсанов на... Алтае была выборная на известный срок, при этом в... волостях, где есть достаточное количество инородцев, выбор начальника должен производиться непременно из чис-

ла крещенных... Если... не изменится порядок и образ местного инородческого управления на Алтае, миссия будет встречать великие препятствия со стороны тех самых инородцев, просвещение и обрусение которых составляет ее коренную задачу» [21, с. 3-4].

Однако Томское губернское правление идею миссии о реорганизации инородческого управления на Алтае не поддержало. Встретив непонимание губернских властей, миссионеры с особым рвением продолжили крещение инородцев, полагаясь в только на собственные силы [19, с. 45].

Но, окрестив «язычника», миссия все делала для того, чтобы освободить его от уплаты ясака. Но сделать это было нелегко: этому мешали многие препятствия. Одно из них – несовпадение официальных имен и фамилий «новокрещенных», записанных в ревизские сказки, и их повседневных имен и кличек. Именно в силу этого, миссии удавалось добиться льгот лишь малой части новокрещенных [22, с. 43].

Выше уже упоминалось, о категориях населения, решивших принять крещение. Но без личного желания «инородца» и элементарного понятия у него о вере, крещение его не осуществлялось. Так, макарьевский миссионер о. Александр (Гусев), соблюдя два этих принципа, окрестил за время своей службы в АДМ 740 человек», а о. Дометиан за 37 лет своего миссионерского служения – только 418 язычников [23, с. 137-138].

Крестя алтайцев, миссионеры понимали, что без закрепления веры у них – все их труды пойдут «прахом». «Укрепить» же новую паству в ней, можно было лишь поселением «новокрещенных» в миссионерские селения, в которых имелись церкви, которые являлись главными опорными пунктами распространения Православия в Северном Алтае. Благодаря «жертвователям» (частично на средства Миссионерского общества), миссия и возводила здесь свои «опорные пункты.

Где и когда появился таковой в Бийской черни? Первым, согласно источнику, стал храм во имя преподобного Макария Египетского (небесного покровителя родоначальника АДМ – Макария Глухарева) появился в 1854 г. Спустя три года, – в 1857 г., церквь» (во имя Покрова Божьей Матери) появилась в Кебезени [24, л. 3-4]. Были они деревянными. Внешне и **в**нутренне они выглядели скромно и не имели никакой декоративной отделки. Именно такой «нашел» в с. Кебезени «свою церковь» о. Дометиан. Более того, она находилась «в жалком состоянии»: пол её прогнулся, отчего покосились печи, потолок закоптился потолок из-за неисправности дымоходов. Через окна, с выбитыми градом стеклами, в храм несло осеннюю сырость. От нее обветшал полотняный иконостас, а вместе с ним – и ризы на престоле, и на жертвеннике, заменить которые было нечем. Но больше всего пострадали в таких условиях богослужебные книги. Церковная утварь состояла из оловянных сосудов и деревянных подсвечников, обтянутых коленкором» [24, с. 3]. Коекак устроившись в притворе «своей церкви», иеромонах Дометиан (вместе с причтом) «подправил» ее и даже установили новые иконы («Спасителя, Божией Матери и святителя Николая»), пожертвованные причетником барнаульского купца Морозова – М. Савельевым.

А тем временем, миссия всё дальше углублялась в просторы Северного Алтая. С учреждением в 1869 г. Ыныргинской церкви (в честь «Казанской иконы Божией Матери»), устроенной на средства представителей «Товарищества торгового дома С.П. Петрова и П.В. Михайлова», под ее конролем оказалась значительная часть Правобережья Бии и территории, прилегающая с юга и запада к Телецкому озеру [25, с.6].

К концу 70-х гг. миссия добилась-таки поддержки своих «идей». Теперь православные (русские и алтайцы) проживали только в миссионерских селениях. Изъятые из рук некрещеных зайсанов и баштыков новокрещенные алтайцы, управлялись теперь сельскими старостами, выбиравшимся (на три года) из числа новокрещенных и утверждавшиеся губернскими властями. Но так это выглядело на бумаге. Фактически же новокрещенными алтайцами «заправляла» миссия. Решительное ее вмешательство в административное управление северными алтайцами нанесло чувствительный удар старой системе управления инородцами, но особенно по прерогативам родовой верхушки [24, с. 3-4].

Из вышесказанного, становится ясно, что идея инициаторами реформы в административном устройстве «черневых татар Алтая» стали миссионеры, которых поддержали губернские власти. Немало потратил сил на это помощник алтайского отдельного заседателя И.С. Ландышев (сына протоиерея С.Ландышева), а также исправник А.К. Поршенников. Успех реформы в немалой степени зависел и от самих «ееверных алтайцев», которые, по свидетельству нынешнего служителя Алтайской Духовной миссии о. Георгия (Крейдуна), «отличались мягкостью характера и без препятствий согласились на замену родового правления выборным, а также на замену некрещеных зайсанов – крещеными» [12, с. 43]. Правда, свет-

ские исследователи, в частности, Н.А. Тадина считает, что это было следствие их русификации [26, с.90-94].

Начало 80-х гг. XIX в. внесло новый штрих в деятельность Алтайской Духовной миссии. Трагические события 1 марта 1881 г. заметно ужесточили внутреннюю политику правительства. В 1883 г. центр миссии был переведен в г. Бийск. Произошлаи изменения и в ее руководстве Миссии. В 1884 г. ее начальником стал о. Макарий (в миру – Михаил Андреевич Невский (Парвицкий) – носитель промонархическх взглядов. К концу XIX в. руководимая им миссия превратилась, по сути дела, в проводника правительственной политики правительства в крае. «Алтайская миссия, – гласило одно из ее заявлений, – совершает не только церковное служение, но и государственное» [26, с. 90-94].

Заметно активизировалось в 80-х гг. строительство новых храмов в отделениях Северного Алтая. Так, в 1880 г. «тщанием инородца селения Маймы – Андрея Семеновича Софронова-Чендекова -, в благодарную память об... архимандрите Макарие была возведена новая церковь. В этом же году, на месте Сайдыпской часовни, на средства миссии и пожертвования, был сооружен молитвенный дом, во имя Святителя Николая Чудотворца [27, л. 4]. В то же время появился новый храм, «устроенный усердием о. Дометиана, прихожан и благотворителя – купца П. Тренихина», в Кебезени [27, л. 5].

Подобного рода изменения произошли не только в миссионерских селениях «северян», но и в русских деревнях. К примеру, в селе Никольском. В 1885 г. здесь появился молитвенный дом, построенный на средства мещанина Л.И. Огородова [28, с. 3-4]. В следующем году – «усердием новокрещенного баштыка Комдожской волости Михаила Васильевича Тобокова» открылся молитвенный дом в деревне Карасук. Он же построил в 1891 г. в Паспауле (после пожара) новую церковь. Через два года, жителями д. Салганда был построен молитвенный дом [29, с.42].

Возросшее число церквей и молитвенных домов позволило миссии создать система богослужебных учреждений, ставшей определять организационную структуру деятельности станов (отделений), которые, в свою очередь, превратились в системообразующие звенья Алтайской Духовной миссии в Северном Алтае, состоявших из «самостоятельных» церквей (бывших главными в стане) и «приписанных» к ним храмов, молитвенных домов и часовен. Первые имели свой причт, состоявший из священника, дьякона и псаломщика. При них велись метрические книги, исповедные росписи, церковная летопись, приходно-расходные книги и др. [30, с.148]. В приписных храмах и молитвенных домах ничего этого не было, как неполагавшегося по положению [31, с. 76-77].

Подводя итог всему вышесказанному, можно констатировать: Алтайская Духовная миссия являлась в XIX веке специальным учреждением Русской Православной церкви. Будучи таковым, она выступала активным проводником официальной идеологии правительства. Миссия решала также и задачу закрепления за Россией национальных окраин, каким, в то время был и Северный Алтай. Миссионерские станы с храмами и молитвенными домами стали, без преувеличения, опорными пунктами в деле приобщения аборигенов к Православию. Но ее решению в полном объему мешало одно препятствие – это общественно-административное устройство Северного Алтая. Против его реорганизации выступала родовая верхушка, не желавшая расставаться со своими вековыми привилегиями. Не хотела она терять и своего былого влияния над своими соплеменниками.

Библиографический список

1. История Сибири. Т. 2. – Л, 1968. – 538 с.
2. История Хакасии с древнейших времен до 1917 г. – М., 1993.
3. Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф.1. Оп.2. Д.1416.
4. Российский исторический государственный архив (РГИА).Ф.468.Оп.476.Д.594.
5. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). Изд. I. Т.38.
6. Храпова, Н.Ю. Православное миссионерство на Алтае/ Храпова Н.Ю. //Русская идея. – Барнаул, 1992.
7. Владимиров, В.Н. Алтайцы во второй половине XVIII – первой половине XIX вв./ Владимиров В.Н.//Очерки истории Алтайского края. – Барнаул, 1987.
8. Бородавкин. А.П., Храпова Н.Ю. М.М. Сперанский и Алтайская Духовная Миссия // Культурное наследие Сибири. – Барнаул, 1994.

9. Вербицкий, В.И. Краткие сведения об Алтайской Духовной миссии (АДМ) //Томские Епархиальные ведомости. – 1886. – №21.
10. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). – СПб., 1831.. Т. VII.
11. Носов. С.К. Русский миссионер //Звезда Алтая. – 1992. – 13 марта.
12. Крейдун, Георгий, свящ. Алтайская духовная миссия в 1830 – 1919 годы: структура и деятельность. – М., 2008. – 200 с.
13. Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. 164. Оп.1. Д. 138.
14. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 184. Оп. 1. Д. 1.
15. Отчет АДМ за 1888 г. – Томск, 1889.
16. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф.796. Оп. 440. Д. 1255.
17. Записки Кебезенского миссионера Алтайской Духовной Миссии иеромонаха Дометиана за 1864 г. // Душеполезное чтение. – 1864. Октябрь.
18. Записки алтайского миссионера иеромонаха Дометиана за 1861-1862 гг.// Странник. – 1863, ноябрь.
19. Отчет АДМ за 1886 г. – Томск, 1887. – 18 с.
20. Государственная публичная историческая библиотека (ГПИБ). Коллекция М.Д. Хмырова.
21. Природа и население Алтая//Томские епархиальные ведомости. №4. – 1891.
22. Отчет АДМ за 1896 г. – Томск, 1897.
23. Алтайская Церковная Миссия. Посвящается основателям первого в Отечестве Миссионерского Общества. – СПб., 1865.
24. ГАТО. Ф.184.Оп.1.Д.3.
25. Клировая ведомость Ынаргинского миссионерского стана за 1906 г. – Томск, 1907.
26. Тадина, Н.А. Тип «крещеных» алтайцев6 прошлое и настоящее//Христианский мир: религия, культура, этнос (матер. конф.). – СПб., 2000.
27. ГААК.Ф.164.Оп.1.Д.46.
28. Отчет АДМ за 1887 г. – Томск, 1889.
29. Справочная книга по Томской епархии за 1902-1903 гг. – Томск, 1904.
30. Алтайская Духовная Миссия. //Православный благовестник. – 1900. №4.
31. Ледебур. К.Ф. Путешествие по Алтайским горам и джунгарской Киргизской степи. – Новосибирск, 1993.

Об авторе
Черлояков И.Г. – учитель Тондошенской СОШ, с. Тондошка, Турочакский район, Республика Алтай

Cherloyakov I.G.

Natives of the Altai north and their relationship with the spiritual altai missiiey in the XIX century

Abstract. In an article based on an analysis of published and archival sources, some of which are first introduced to the scientific revolution, considered the relationship with Aboriginal mob Teletskoye Lake Altai Spiritual Mission in the XIX century.

Keywords: Russian state, new land, Siberia, Northern Altai, Altai «foreigners», local government, the Altai Spiritual Mission, joining «foreigners» to Orthodoxy

Статья поступила в редакцию 29.10.2016

УДК 930+94(47)+314(571) “1917/1922”

В. И. Шишкин

Социальная мобильность в России во время революций 1917 г. и гражданской войны[1]

Института истории СО РАН, г. Новосибирск

Аннотация. В статье ставится задача проанализировать состояние в России каналов и лифтов социальной мобильности во время революций 1917 г. и гражданской войны. Автор делает вывод, что под воздействием происходивших в стране военно-политических событий темпы и масштабы социальных перемещений по сравнению с предшествующим мирным временем многократно возросли, а набор и субординация каналов и лифтов, с помощью которых они осуществлялись, принципиально изменились. К концу гражданской войны главные индикаторы социальной циркуляции явно сигнализировали о возникновении в советском обществе критической ситуации.

Ключевые слова: Россия; общество; Мировая война; революция; гражданская война; социальная мобильность; каналы; лифты; структура

Социальная мобильность, структура и стратификация относятся к числу важнейших характеристик состояния любого общества. Советское общество в этом отношении не составляло исключение. Однако полноценное изучение его социальных проблем отечественными исследователями большую часть времени коммунистического правления было табуировано, а для зарубежных ученых – затруднено из-за недостатка объективной информации.

Закрытость советского общества не стала непреодолимой преградой для его исследования и не привела к утрате научного интереса к социальной проблематике этого феномена. Не случайно, что изучение советского сфинкса, которое началось еще в 1920-е годы, продолжается вплоть до настоящего времени. Наибольшее внимание советские, современные российские и зарубежные исследователи уделили анализу «зрелого» и «застойного» этапов советского общества, датируемых концом 1930-х – концом 1980-х годов [1–10]. Причем для его понимания они предложили различные оригинальные подходы и сформулировали интересные объясняющие концепции.

Вместе с тем историографическим парадоксом нужно признать недостаточное внимание к периоду генезиса советского общества, который пришелся на время революций 1917 г. и гражданской войны. В отечественной историографии имеются статьи и монографии о его социальной структуре только конца гражданской войны, выполненные в марксистской парадигме, с опорой на которую объясняется формат произошедших изменений [11]. Но в этих публикациях не раскрываются социальные перемещения как таковые, их направленность, интенсивность и степень охвата, институты и механизмы (каналы и лифты), с помощью которых такие результаты были достигнуты. Поэтому в настоящей статье ставится задача частично восполнить выявленный пробел, ограничившись только выяснением наличия и характеристикой функционирования основных каналов и лифтов горизонтальных и вертикальных перемещений в России во время революций 1917 г. и гражданской войны.

Как известно, социальная циркуляция детерминируется совокупностью объективных и субъективных факторов, имеющих разный потенциал и продолжительность воздействия на социально-демографическую структуру общества. С середины 1914 г. главными из них стали Мировая война, Февральская и Октябрьская революции. Именно их воздействие привело к многократному возрастанию по сравнению с предшествующим мирным временем темпов и масштабов социальной мобильности, обусловило трансформацию одних ее каналов и лифтов, возникновение других, утрату или ликвидацию третьих.

С началом Мировой войны важнейшими каналами горизонтальной мобильности в России ста-

[1] Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-18-01725)

ли мобилизация мужского населения в армию и на тыловые работы, эвакуация и беженство гражданского населения из прифронтовой полосы. Названные виды перемещений охватили около двух десятков миллионов населения. Они отрицательно повлияли на функционирование такого традиционного канала горизонтальной мобильности как брачность, частично деформировали ранее существовавшую семейную структуру, имели своим следствием понижение социального статуса многих сотен тысяч вынужденных мигрантов. Как следствие названных процессов, российское общество сильно маргинализировалось. Но поскольку указанные каналы горизонтальной мобильности довольно жестко контролировались органами государственной власти, ее повышенные активность и объем не имели для социально-демографической структуры разрушительного характера.

Мировая война, во время которой в России возникли новые организации и структуры, оказала также довольно ощутимое влияние на вертикальную мобильность отдельных социальных групп. Учрежденные во время войны Всероссийский земский союз и Всероссийский союз городов, Центральный и местные военно-промышленные комитеты (ВПК) по своей роли в экономике России к 1917 г. почти не уступали государству. Благодаря находившимся в их собственности и/или в управлении материальным и финансовым ресурсам названные Союзы и ВПК превратились в мощные лифты социальной мобильности, альтернативные органам государственной власти. В них нашли себе место и за кратчайший срок проделали стремительную карьеру тысячи общественных деятелей, которые составили своеобразное ядро всероссийской и местной контрэлиты, после Февральской революции заместившей собой царскую администрацию.

С весны 1917 г. на прямо противоположный по сравнению с предыдущим периодом войны изменился вектор горизонтальной мобильности. Постепенно функцию главных каналов перемещения стали дезертирство и стихийная демобилизация армии. Поскольку они осуществлялись незаконно, то превратились в опаснейший фактор, разрушавший не только армию и фронт, но и тыл. Особенно сильно пострадала от этого неуклонно нараставшего потока агрессивно настроенных людей в солдатских шинелях работа железнодорожного транспорта, который и без того плохо справлялся с перевозками. К тому же дезертиры стали тем социальным ферментом, который активизировал аграрные беспорядки в районах помещичьего землевладения.

Однако еще более серьезные изменения, имевшие для России долгосрочные последствия, произошли в сфере и с механизмами вертикальных перемещений. Свержение самодержавия привело к тому, что были ликвидированы целые сегменты аппарата государственной власти, что обусловило нисходящую мобильность больших групп бывших служащих, в первую очередь силовых и охранных ведомств: армии, жандармерии, полиции.

В то же время население перестало соблюдать законы, которые раньше выполняли роль запретительных барьеров, ограничивавших самовольное учреждение разного рода общественных организаций. В результате в стране возникли сотни разного рода и уровня обществ, объединений, союзов, комитетов, советов и т. п. Они создавались по разным основаниям: идейным, теоретическим, экономическим, культурным, классовым, сословным, национальным, конфессиональным, профессиональным, территориальным, возрастным, гендерным, – и были призваны артикулировать и защищать интересы своих членов. В результате впервые в российской истории его общество предстало перед всем миром и для самого себя едва ли не во всем своем многообразии, сложности и противоречивости.

Все эти общественные институции в той или иной степени выполняли роль социальных лифтов, отличавшихся друг от друга внутренним устройством, структурой, «грузоподъемностью» и «этажностью». Их наличие и функционирование привели к тому, что интенсивность и объем социальных перемещений в России весной–осенью 1917 г. достигли невиданных раньше показателей. Но из-за слабости Временного правительства, изначально не располагавшего всей полнотой власти, происходило неуклонное уменьшение привлекательности и реального значения в качестве лифтов социальной мобильности органов государственной власти, земско-городского самоуправления и армии, которые раньше в этом отношении занимали приоритетные позиции. Сказалось также то обстоятельство, что при Временном правительстве в аппарате государственной власти и в армии основным критерием индивидуальной мобильности чиновников и офицерского корпуса стал не столько высокий профессионализм и достижения по службе, сколько политические взгляды и настроения.

В то же время с весны 1917 г. в России наблюдалась устойчивая тенденция, свидетельствовавшая об усилении позиции в качестве социального лифта разного рода Советов, кооперативных

организаций, профессиональных союзов и политических партий социалистической ориентации. Превращению Советов в основной лифт, обеспечивавший восходящую вертикальную мобильность, во многом способствовало формирование в июне 1917 г. системы Советов во главе с Всероссийским центральным исполнительным комитетом, а затем повторное выдвижение большевиками в сентябре 1917 г. лозунга «Вся власть Советам!». Формирование и функционирование многообразных лифтов привело к возникновению в послефевральской России ряда новых социальных страт, в том числе по мере углубления революционного процесса игравшей все более крупную роль партийной и советской элиты, к частичному изменению позиций и статусов ранее имевшихся групп. Но конфигурация и стратификация общества в основном осталась прежней, дореволюционной.

Взятие в конце октября 1917 г. большевиками государственной власти и утверждение диктатуры пролетариата в России сопровождалось разнонаправленными социальными перемещениями по горизонтали и вертикали. Демобилизация старой армии, возвращение на родину военнопленных из Германии и Австро-Венгрии, бегство интеллигенции, служащих и предпринимателей из городов европейской России на юг и на восток от голода и от большевистского террора, а также мешочничество – вот доминировавшие с конца 1917 до лета 1918 г. каналы горизонтальной мобильности. Если первые два из них «работали» на нормализацию социально-демографической структуры населения, то остальные способствовали ее деформации.

Но еще большее деформирующее воздействие оказала политика большевиков в первые семь месяцев их правления на состояние и результаты функционирования лифтов социальной мобильности. Такой эффект был достигнут двумя взаимосвязанными способами. С одной стороны, по мере установления власти Советов происходила ликвидация и/или ограничение деятельности многих органов, организаций и институтов, которые раньше выполняли роль лифтов для помещиков, предпринимателей, большинства интеллигенции и служащих. Были упразднены управленческие структуры свергнутого Временного правительства, ликвидированного земского и городского самоуправления, демобилизована (а фактически распущена) армия, запрещена партия кадетов, разогнано Всероссийское Учредительное собрание, преследовались партии меньшевиков и правых эсеров, руководимые умеренными социалистами Советы, профсоюзы и кооперация.

С другой стороны, названные и некоторые другие категории населения были лишены по закону права избирать и быть избранными в органы государственной власти, тогда как пролетарии в этом отношении получили привилегии. Как следствие такой политики большевиков миллионы наиболее грамотных и предприимчивых граждан России утратили свой прежний социальный статус, а многие оказались на положении маргиналов. Социальные же низы, особенно городские рабочие, напротив, совершили восхождение. Такого радикального изменения социальной конфигурации и стратификации Россия в своей истории не знала.

В конце весны – начале лета 1918 г. постепенно набиравшая обороты гражданская война приобрела в России широкомасштабный характер. В течение двух с половиной лет, пока она продолжалась, главными каналами горизонтальной мобильности служили мобилизации в вооруженные силы противоборствовавших сторон, которым сопутствовало дезертирство, и миграции из города в деревню, из центральных районов европейской России на юг и на восток, обусловленные военно-политическими событиями и голодом. Но если военные мобилизации и дезертирство продолжали наращивать маргинальные слои общества главным образом за счет крестьянства, то миграции имели своим следствием нисходящую мобильность таких групп городского населения, как предприниматели, интеллигенция и служащие.

За время гражданской войны созданная большевиками система диктатуры пролетариата приобрела завершенный вид и, можно сказать, эталонный характер. Несущими элементами этой конструкции и соответственно главными лифтами вертикальной мобильности являлись партия большевиков, Советы, Красная армия, профессиональные союзы и коммунистический союз молодежи. В совокупности численность состоявших в них людей едва ли превышала десять миллионов человек, что для России было немного. Но каждый из них имел возможность и хорошие перспективы для карьерного роста. Остальные же граждане РСФСР, составлявшие ее гигантское большинство, такой перспективы в принципе не имели. Как следствие, социальная структура советского общества стала более примитивной и жесткой.

Все это свидетельствовало о том, что изначально советское общество отличалось высокими показателями горизонтальной мобильности, чаще всего имевшей принудительный или вынужденный характер, что привело к дальнейшему разрушению и без того уже ослабленного Мировой войной обществен-

ного организма. Ликвидация в ходе Октябрьской революции лифтов, обеспечивавших раньше восходящую мобильность для богатых и образованных слоев населения, обусловила их стремительное падение вниз. Доступ же к новым лифтам, созданным большевиками для продвижения наверх, получили главным образом рабочие и трудящиеся крестьяне, большая часть которых, однако, из-за элементарной неграмотности реально воспользоваться предоставленной им возможностью не могла.

В конце гражданской войны ситуация в советской России резко обострилась. Об этом свидетельствовал недуг, который поразил главные элементы диктатуры пролетариата, выполнявшие функции лифтов: правящую коммунистическую партию, в которой возникли противоречия между «низами» и «верхами» и фракции; систему Советов, о чем сигнализировало выдвижение контрреволюцией лозунга «За Советы без коммунистов!»; профессиональные союзы, ярким проявлением чего стала ожесточенная дискуссия о профсоюзах. Другими словами, главные индикаторы социальной циркуляции явно сигнализировали о возникновении в советском обществе критической ситуации.

Библиографический список

1. Классы, социальные слои и группы в СССР. — М.: «Наука», 1968. — 230 с.;
2. *Шкаратан О.И.* Проблемы социальной структуры рабочего класса СССР: историко-социологическое исследование. — М., 1970. — 471 с.;
3. *Арутюнян* Ю.В. Социальная структура сельского населения СССР. — М.: «Мысль», 1971. 376 с.;
4. Изменения социальной структуры советского общества (1921 – середина 30-х годов). — М.: «Наука», 1979. — 343 с.;
5. *Лукина В.И., Нехорошков С.Б.* Динамика социальной структуры населения СССР: методология и методика исследования. — М.: Финансы и статистика, 1982. — 182 с.;
6. *Селунская В.М.* Социальная структура советского общества. История и современность. — М.: Политиздат, 1987. — 288 с.;
7. *Жиромская В.Б.* Советский город в 1921–1925 гг.: проблемы социальной структуры. — М.: «Наука», 1988. — 175 с.;
8. Трансформация социальной структуры и стратификация российского общества. — М., 1996. — 472 с.;
9. *Радаев В.В., Шкаратан О.И.* Социальная стратификация. Учебное пособие. — М.: Аспект Пресс, 1996. — 318 с.;
10. *Ильин В.И.* Государство и социальная стратификация советского и постсоветского общества. 1917–1996 гг. Опыт конструктивистско-структуралистского анализа. — Сыктывкар, 1996. — 349 с.
11. Изменения социальной структуры советского общества. Октябрь 1917–1920. — М.: «Мысль», 1976. — 343 с.

Об авторе

Шишкин В. И. – доктор исторических наук, заведующий сектором истории общественно-политического развития Института истории СО РАН, г. Новосибирск

Shishkin V.I.

Social mobility in Russia during the revolutions of 1917 and the civil war

Abstract. The article focuses on the analysis of condition of channels and elevators of social mobility in Russia during the revolutions of 1917 and the Civil War. The author comes to the conclusion that under the influence of military and political events in the country, pace and scale of social movements, as compared to the time of peace, have drastically increased, and the set and subordination of channels and elevators of such movements have changed significantly. By the end of the Civil War, all principal indicators of social circulation have clearly showed the emergency situation in the Soviet society.

Keywords: Russia, society, World War, revolution, Civil War, social mobility, channel, elevators, structure

Статья поступила в редакцию 23.10.2016

УДК 902

А. М. Шмидт

Ресоциализация осужденных на уроках обществознания

КОУ РА «Вечерняя школа» с. Майма, Республика Алтай

Аннотация. Автор в заметке делится опытом работы по ориентированию заключенных колоний на ресоциализацию путём изучения обществознания

Ключевые слова: обществознание, колония, заключенные

В современной России функционирует более 300 вечерних общеобразовательных школ при исправительных колониях [6]. Практически всё время их существования, обыватели, да и государственные служащие поднимали вопрос о необходимости их существования. Противники существования подобных школ утверждают, что перевоспитать осужденных в рамках школы невозможно, что это пустая трата времени и бюджетных средств. Однако опыт работы нашей школы, без сомнения доказывает огромную важность школы как средства ресоциализации осужденных. И особая роль в этом процессе отводится урокам обществознания.

Планируя свою работу, мы учитываем то, что многие из воспитанников нашей школы до осуждения не имели надлежащих условий воспитания. И вследствие этого произошла деформация системы ценностей, что повлекло за собой негативные отклонения в социализации и сыграло свою отрицательную роль в совершении ими преступления.

Преподавание обществознания осложняется тем, что обучающиеся на достаточно продолжительный период времени оказываются оторванными от процессов общественного развития, отдаляются от ценностных ориентиров нашего общества и лишаются опыта социального взаимодействия. Самоорганизация находится на очень низком уровне, поскольку лишившись свободы, они лишились возможности полноценно принимать самостоятельные решения, что сформировало перекос в сторону исполнительности. К тому же достаточно серьёзным препятствием, к получению полноценного обществоведческого образования, является негативная атмосфера окружающая обучающихся, режимные условия содержания, слабые знания и скудные представления об обществознании, низкий общекультурный уровень. Обществознание достаточно сложно осознаётся обучающимися. Не имея отправных базовых знаний и понятий, они с трудом могут понять смысл обществоведческих терминов и их значение. И тем не менее именно обществознание имеет большое значение в процессе ресоциализации наших обучающихся.

Для того чтобы этот процесс имел положительные результаты необходимо выработать положительную мотивацию к изучению предмета. Это добивается целенаправленной работой на каждом уроке, через создание атмосферы доброжелательности, выстраивание позитивного отношения учащихся к учителю, положительные оценки и словесное поощрение [3]. Расширить способы стимулирования в наших условиях практически не возможно. Поскольку учитель ограничен в их выборе, а администрация колонии без внимания относится к учебным успехам осужденных и не предоставляет им дополнительные поощрения за них. В связи с этим ведётся постоянная работа по поиску новых форм работы. Основываясь на опыте преподавания обществознания, для данной категории обучающихся, мы полагаем что, самым эффективным является поиск, выявление и развитие положительного в каждом человеке. А оно без сомнения присутствует даже у самых закоренелых преступников [4]. На каждом уроке, при изучении любых обществоведческих тем, мы опираемся на положительные качества характера обучающегося. Благодаря этому удаётся привлечь обучающихся к активной, продуктивной работе на уроке. И именно это имеет большое значение в процессе ресоциализации [7].

Успешная ресоциализация не возможна без соблюдения принципов природосообразности, то-

лерантности и гуманизма [1]. Учитывая возрастные и индивидуальные особенности обучающихся, используется проблемно-поисковый метод, ориентирую учащихся на самообучение, самообразование и самовоспитание. Богатейший запас схем, таблиц, документов, нормативных актов и сочинений философов способствуют этому.

Начиная с самого первого года изучения обществознания, обучающимся объясняется важность мнения каждого из них. В дискуссиях и беседах, обсуждая вопросы бытия, они учатся слушать и слышать других, свободно выражать своё мнение. Для некоторых из них становится настоящим открытием то, что они, будучи осужденными, так же имеют права, которые должны уважаться и соблюдаться всеми членами общества. Разбирая вопросы, связанные с правами и обязанностями, общими усилиями мы приходим к пониманию того, что человек не только имеет права, но и то, что он обязан соблюдать и уважать права других граждан нашего общества. Несомненным успехом при обсуждении подобных тем, является то, что осужденные сами приходят к выводу о том, что человек, не соблюдающий это, не может быть полноценным членом общества, так как, отвергая общепризнанные нормы морали и поведения, он рискует стать отвергнутым этим обществом. Не навязчиво и без принуждения, не заметно для учащихся, на подобных уроках проводится работа по реабилитация как возврату к утраченным нормам морали и нравственности.

Высокую активность обучающихся вызывают дискуссионные вопросы обществознания. На первый взгляд скучные темы, становятся наиболее интересными, если в ходе обсуждения каждый учащийся даёт свои оценки, отстаивая свою точку зрения, приводит примеры и логические доказательства. При этом очень важно удерживать дискуссию в «мирных рамках», не допускать конфликтных ситуаций, во время гасить остроту дискуссии. Наиболее интересными для наших учащихся являются темы: социальный конфликт, неравенство и социальная стратификация, социальные роли, важность и необходимость социализации личности, диалог культур, нравственная ответственность учёных.

Казалось бы, это, не имеет ни какого отношения к ресоциализации осужденных, но на самом деле в столкновении мнений, поиске истины, они учатся строить межличностные отношения, учатся сотрудничать с учителем и окружающими их людьми, быть толерантными. К тому же значительно расширяется их багаж знаний, которые, несомненно, пригодятся им в последующей жизни.

Проблемно-поисковый метод мы используем для создание проблемной ситуации. Обучающиеся высказывают предположения о путях разрешения этой проблемы и как итог, выбирается наиболее рациональный вариант разрешения этой ситуации. В данном случае учащиеся на практике видят, что существует несколько вариантов разрешения существующей проблемы, главное выявить наиболее целесообразный, не только с точки зрения индивида, но и общества. Умение решать проблемы подобным образом, очень ценно для данной категории людей нашего общества [5].

Среди осужденных большой процент составляют люди, разуверившиеся в себе, с искажённым представление о добре и зле, красоте, ценности человеческой жизни, незыблемости прав и свобод [2]. Учитель обществознания в рамках урока имеет огромные возможности, используя дифференцированный подход, разрушить искажённо-ошибочные взгляды своих учеников, показать ценность мира и человеческого общества, привить нравственные и культурные ценности, укрепить веру в себя. Обучающиеся расширяют и видоизменяют свои знания об устройстве общества, о роли правовых норм. Очень медленно и со значительными затруднениями удаётся сформировать у них уважительное отношение к людям, способность и готовность к законопослушному образу жизни, бесконфликтному отношению к повседневной действительности, стремлению к самосовершенствованию, пересмотру жизненной позиции.

Используя каждую, пусть даже минимальную, возможность на уроках обществознания, обучению и приобщению к культурным ценностям и социально-правовым нормам, построению на их основе гражданственным и общественным отношениям, мы сможем успешно решить задачи ресоциализации и становления человека социально активной личностью.

Библиографический список

1. Авраменко, В.Ю. Ресоциализация заключенного как социально-педагогическая цель работы с ним в исправительном учреждении / В.Ю. Авраменко // Изв. Волгогр. гос. пед. ун-та. Серия «Педагогические науки». — 2010. – С. 3-5

2. Алферов Ю.А. Социально-психологическое изучение особенностей личности осужденного. Домодедово, 1990. – 45 с.
3. Антонян Ю.М. Личность преступников и индивидуальное воздействие на них. – М., 1989. – 288 с.
4. Михлин А.С. Гуманизация уголовно-исполнительного законодательства в свете Конституции Российской Федерации // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2005. № 5. – С. 4.
5. Новоселова А.С. Психолого-педагогические основы взаимодействия убеждения и внушения как условие ресоциализации личности осужденных. – Пермь, 1998. -243 с.
6. Перинская Н.А. Ресоциализация / Знание. Понимание. Умение. 2005. № 4. - С. 161-162.
7. Хохряков Г.Ф. Социальная среда, личность и правосознание осужденных: Автореф.дис...д-ра юрид.наук. М., 1987. – 311 с.

Об авторе
Шмидт А. М. – учитель истории и обществознания КОУ РА «Вечерняя школа» с. Майма

Schmidt A.M.

Resocialization of convicts on the lessons of social studies

Abstract. The author of the article shares his experience on the orientation of the concluded colonies on the re-socialisation by examining social science

Keywords: social studies, colony, prisoners

Статья поступила в редакцию 29.11.2016

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПИСЬМО

Уважаемые коллеги!

Институт истории СО РАН 28-30 ноября 2016 г. проводит международную научную конференцию «Азиатская Россия: проблемы социально-экономического, демографического и культурного развития (XVII–XXI вв.)»

В рамках конференции предполагается обсудить следующую тематику:

- источниковедческие и археографические исследования отечественной истории;
- демографическая история России и её регионов;
- социально-экономическое развитие Сибири;
- аграрная истории Сибири;
- социально-культурная сфера Сибири;
- общественно-политические процессы в восточных районах России;
- межэтническое взаимодействие народов азиатской России;
- музейный мир Евразии.

Организаторы конференции приглашают Вас принять участие в работе конференции и просят выслать в адрес оргкомитета:

- заявку с указанием фамилии, имя, отчества, ученой степени, звания, должности, места работы, темы доклада, контактного телефона, почтового адреса и адреса электронной почты и текст доклада объемом до 0,3 а. л. (12 тыс. знаков) с учетом пробелов, примечаний в электронном варианте до 12 сентября.

Заявки и текст доклада высылать по электронному адресу: laperdin@mail.ru.

Предполагается издание сборника материалов конференции.

Место проведения конференции: гор. Новосибирск, ул. Николаева, 8, Институт истории СО РАН. Оргкомитет оставляет за собой право отклонять заявки, не соответствующие тематике и тезисы, оформленные с нарушением предъявляемых требований.

Оформление текста производить по следующим параметрам:

шрифт — Times New Roman , кегль 14; поля — со всех сторон по 2 см.; отступы — 1,25; междустрочный интервал– 1,5; выравнивание — по ширине страницы; автоматическая расстановка переносов.

На 1-й и 2-ой строках размещаются УДК и ББК (выравнивание по левому краю), ниже — фамилия и инициалы автора (авторов) (полужирным, выравнивание по центру), ниже — название статьи, полужирным, прописными буквами, выравнивание по центру); через строку — аннотация из 200–300 печ. знаков и 4-5 ключевых слов на русском и английском языках, через строку — основной текст.

Ссылки на использованные автором архивные источники оформляются в виде постраничных автоматических сносок, на литературу — в квадратных скобках по таким образцам: [1; 2], [5, с. 37]; список литературы помещается в конце статьи в алфавитном порядке с обязательным указанием всех выходных данных, в том числе издателя, количества страниц.

Файл со статьей, названный фамилией автора (Иванов.doc), должен также содержать: 1) сведения об авторе(ах): ФИО (полностью), ученую степень, ученое звание, должность, место работы (учебы), e-mail, почтовый адрес и индекс; 2) название статьи. Эта же информация дублируется на английском языке.

Транспортные расходы, оплата за проживание в гостинице — за счет направляющей стороны. Места в гостинице предоставляются по предварительной заявке.

С уважением Оргкомитет

Телефоны для справок:

8 (383) 330-13-49 — Гордеева Мария Александровна

8 -923-227-1287 — Дашинамжилов Одон Борисович,